1945

В. ЕФИМЕНКО

МАНЬЧЖУРСКИЙ АВГУСТ

Маньчжурский август
ПОВЕСТЬ

Ветер богов
РОМАН

Владивосток
Дальневосточное книжное издательство
1985

МАНЬЧЖУРСКИЙ АВГУСТ

ПОВЕСТЬ

Сидеть было очень удобно: плетеное дачное кресло чуть поскрипывало, июльское солнце грело изрядно, но ветер ощутимо давил на лицо, проникал в широко расстегнутый ворот гимнастерки, трепал прическу. Только вот иногда, когда железнодорожный путь начинал извиваться, словно протискиваться между густо поросших лесом сопок, дым паровоза ослабевшими, разряженными клубами переваливал через платформу.

Эшелон был длинный, тяжелый: только два пассажирских вагона, а остальные — знаменитые, воспетые и много раз проклятые красные теплушки вперемежку с платформами, на которых стояли пушки, зарядные ящики, разные спецмашины и много другой техники, которая входила в хозяйство каждой воинской части. Кочегары на подъемах шуровали вовсю. Воинский эшелон шел со скоростью и по графику пассажирского. Только и разницы — не останавливался у вокзалов больших городов, проскакивал их с ходу.

Конечно, из всех в эшелоне только его начальник, подполковник Корзун, был доволен, когда с ходу эшелон миновал очередной город. Меньше всяких беспокойств и причин для нежелательных ЧП. Всегда может найтись какой-нибудь разгильдяй, который отстанет от эшелона, невзирая на старания старших по вагонам и дежурных.

Ах, товарищ подполковник Корзун, строгий начальник эшелона. Ну чем вам мешает это кресло-качалка, такое удобное для отдыха? Разве мы не заслужили отдыха?

— Старший лейтенант Морозов! Немедленно убрать кресло! Это вам воинский эшелон, а не дача!

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

Шофер Иван Лотяну тут же спустил кресло за борт платформы, но не сбросил, а прицепил за проволоку. Ловок молдаванин. Он тоже предпочитал ехать на платформе, лежа на сиденьях, вынутых из машины. Теперь на остановках кресло пряталось в кузов, а как только эшелон трогался, водворялось на обычное место, возле МГУ*, которая стояла на платформе, надежно закрепленная проволочными растяжками, колодками под колесами.

Иван Лотяну и ночевал в машине. Спокойнее, надежнее и посвободнее, чем в теплушке. Похожий на цыгана парень не всегда был в ладах с требованиями уставов. Но находчив и ловок. За это старший лейтенант многое

* МГУ — мощная громкоговорящая установка.

прощал ему. Да еще за песни под гитару. Ими он славился чуть не на всю армию. Даже во фронтовой ансамбль приглашали парня. Отказался:

— Спасибо. По гроб жизни не забуду. Только что я отвечу дяде Курцу, когда с войны вернусь? «Ну как войну воевал?» — спросит, а я в ответ: «Пел и плясал». Не подумайте плохого. Ансамбль тоже очень даже нужен, но меня это не устраивает. «Эта «гитара», — кивал он на МГУ, — громче десяти ансамблей сыграть может».

Вот и висит его гитара рядом с карабином в кабине машины. И как только уцелела — просто удивительно. Почти год она здесь висит.

Восьмой день они в пути. Восьмой день, а конца и краю не видно. Велика и необъятна Россия. И как только этот бесноватый фюрер решился напасть на нее. Мелко мыслил, мерзавец, и как скорпион, сам себя убил.

До Урала!.. Это надо же придумать такое. Разве представляли себе фрицы, что такое Россия до Урала? А ведь она Уралом не кончается. Вот и Урал эшелон давно пересек, а Россия продолжается. Они еще до Байкала не добрались, но ведь и за ним еще ехать и ехать.

Теперь всем им стало понятно, куда их везут, хотя начальство отвечало на вопрос «куда» уклончиво. И младенцу теперь понятно. Если бы только их часть мчалась куда-то в Сибирь, то можно было бы что угодно подумать. Может быть, на новое, постоянное, мирное место дислокации. Но если каждая станция забита такими же эшелонами, если везут столько самолетов, орудий, танков, самоходок, «катюш», то становится ясно, что настала пора навести порядок и на Востоке. Развороченная, разоренная Европа только-только приходила в себя, привыкая к тишине, без рева самолетов, разрыва авиабомб, орудийных всполохов. А в Азии война полыхала еще вовсю, и пора с ней было кончать.

Не очень прямо, иносказательно об этом говорили политработники, а офицер штаба знакомил с организацией и вооружением японской императорской армии.

Старший лейтенант Морозов не особенно задумывался над этим. «Надо так надо!» Кому же ехать, как не ему? Человек он холостой и одинокий. Одинокий!.. Проклятая война. Сталинград остался в его памяти светлым, просторным; больше сорока километров правого берега уступила ему Волга. А на северном краю города, в поселке тракторного завода бегал школьник Алешка Морозов — заядлый рыболов и конструктор детекторных приемников. Он и связистом стал поэтому. Только батя, Никита Ми-

хайлович, внес поправку: «Ну, раз ты нашему фамильному кузнечному ремеслу не наследуешь и тебя другая техника завлекла — не возражаю. И связисты люди нужные, хотя, конечно, с кузнецами не сравнишь. Но если хочешь быть связистом, то вот тебе мой наказ — связистом военным. Тревожно в мире стало, сынок. Не миновать войны».

Отца Алексей уважал по-настоящему. Тот работал в кузнечном цехе, ковал коленчатые валы, и портрет его неизменно висел в галерее стахановцев, что стояла перед заводской проходной. А в гражданскую войну он Царицын от беляков защищал. Таким отцом гордиться можно.

Поэтому и выполнил Алексей наказ отца. Когда заканчивал школу, уже гремели пушки на Халхин-Голе, а за год до этого разгромили самураев на Хасане. И в Европе фашисты начали войну. Нет, батька был мудрый человек.

И ничего от Сталинграда не осталось. Пустые обгоревшие коробки домов, груды разбитого кирпича и обломки бетонных глыб. Нет ни одного уцелевшего деревца в Комсомольском садике, куда они с Раиской по вечерам заглядывали. И никаких известий об отце, матери и сестренке. Отец наверняка из города не ушел, сложил свою голову, может быть, в пролете своего кузнечного цеха, а может быть, и около своего молота, как в старину пушкари около пушек. Матери, сестренке, может быть, удалось эвакуироваться, и он еще разыщет их. Надежда еще есть, на войне не такие чудеса случались. Должны они остаться живыми, иначе это было бы очень несправедливо.

И Сталинград отстроят, еще красивее будет. Именно так и будет. Только он никогда в этот город не вернется. Не потому, что там его никто не ждет. Ведь даже птицы возвращаются к родному гнезду и снова его восстанавливают. И не потому, что с этим городом связан горький конец первой любви, когда его предали.

Он не думал возвращаться в Сталинград потому, что эти годы у него, как неизлечимая болезнь, было чувство вины, чувство, что какая-то доля вины в том, что немцы разрушили родной город, дошли до Волги, есть и за ним. Алексей Морозов воевал честно, никто не сможет его упрекнуть. И награды ему даны недаром. И не его вина, что войну он закончил все-навсего начальником МГУ и от младшего лейтенанта добрался только до старшего, когда другие уже носят погоны с двумя просветами. «Ограниченно годный» — отметка, поставленная ему после госпиталя, заставила и такой должности обрадоваться. Кто подолгу сидел в армейском резерве, хорошо знает это. Да и быть начальником МГУ тоже не просто. Это которые не

понимают, могут съязвить: «С музыкой катаешься». А ведь эта машина скольким жизнь спасла. Только никто это не подсчитывал и подсчитать невозможно.

За этой машиной, которая не стреляет ни снарядами, ни пулями, ни минами, фрицы охотились ожесточенно, иногда открывали огонь из минометов и орудий, как при контрбатарейной стрельбе. Они огнем пытались заглушить ее могучий голос. На ней тоже есть следы пуль и осколков, и экипаж нес потери так же, как и боевые расчеты пушек, экипажи танкистов, самоходчиков.

Политотдельцы часто называли ее звуковой, но Морозову не нравилось такое название для МГУ. В нем было что-то уменьшительное, даже излишне нежное. Сам он называл ее громкоговорящей. Такое название казалось ему более весомым, более подходящим для боевой машины, хотя назвали же грозный реактивный миномет ласковым словом «катюша».

И никогда он не забудет случая в августе прошлого года, о котором они предпочли умолчать. Тогда Морозов прибыл на передовой край неподалеку от Великих Лук — города, от которого осталось одно название — он просматривался насквозь. Ночью, после того как громкоговорящая, трижды меняя позиции из-за вражеского огня, провела три сеанса передач и готовилась отбыть, чтобы не стать на рассвете легкой добычей противника, к ним пришел капитан — командир батальона, на участке которого находилась тогда МГУ. Капитан зашел в машину и устало присел. Он был небрит, и глаза покраснели от переутомления и недосыпания.

— Слушай, старший лейтенант, у тебя Гимн Советского Союза есть? На твоих пластинках, — хрипло спросил он.

— Есть, — удивился Морозов.

— Выручай, старший лейтенант. На тебя последняя надежда.

— На меня? — еще более удивился Морозов.

— Да, на тебя, — тяжело вздохнул капитан. — Два раза мы атаковали эту проклятую высоту, — кивнул он в сторону невидимого в ночи переднего края, — и никак. Крепко уперлись фрицы. Сейчас убитых и раненых мои вытаскивают, что днем полегли. Немало их, старший лейтенант. А «хозяин» звонил — если утром не возьму эту горку проклятую, под трибунал меня... Только трибунал меня не дождется — некого судить будет.

— Но чем я могу помочь?

— Вот что я придумал. Атака в пять ноль-ноль. И

как только артиллеристы перенесут огонь — я и с соседями договорился, помогут огоньком, после красной ракеты мои пойдут, тогда дай на полную железку гимн, вдохнови моих славян. А потом «ура» покричи. Ведь вон какая силища у твоей машины — дивизию перекричит. Ну как, а?

Морозов думал недолго. Если действовать по инструкции, то он не мог рисковать ни машиной, ни ее экипажем. Даже в случае удачи начальство, если узнает, устроит добрый нагоняй. Но он не мог и не имел сейчас права отказать этому, на грани отчаяния, капитану, который уже смирился с тем, что, если и третья атака захлебнется, навечно ляжет на поросших желтым бурьяном склонах этой безымянной горки.

— Добро! Сделаем! — твердо проговорил он тогда.

— Да, да! Заверяем вас! — поддержал диктор Игорь Пермин — застенчивый, как девушка, талантливый лингвист, аспирант университета, который, если бы не война, давно бы закончил свою диссертацию с мудреным названием.

— Спасибо, хлопцы! — облегченно вздохнул капитан. И тут только Морозов понял, что капитан был молод, может быть, даже моложе его, и только неимоверная усталость и напряжение делали его таким старым на вид.

— Конечно, — продолжал комбат, — фрицы, может, из-за огня и не услышат вас, но до моих-то дойдет.

— Дойдет и до фрицев, — уверил его Морозов. — У нас выносные динамики есть. Фрицам под самый нос поставим. Покажи куда.

— Сейчас, — поднялся комбат. — Со мной ординарец, он и проведет.

Оператор Якуб Гаврилович — флегматичный пожилой белорус, единственный, кто остался из прежнего экипажа МГУ, шофер и Игорь Пермин бросились снимать динамики, подсоединять длинные катушки с проводом. Вскоре они исчезли, сопровождаемые молчаливым ординарцем.

Комбат разыграл атаку как по нотам. Ровно в пять ноль-ноль предутреннюю тишину разорвал грохот снарядов. Темные, с проблеском огня разрывы плотно легли на передний край немецкой обороны. МГУ была наготове: аппаратура прогрета, адаптер в руках оператора был готов лечь острием иглы на пластинку и начать трансляцию.

«Хорошо помогают соседи комбату», — подумал Морозов, всматриваясь через трофейный цейсовский бинокль. В первой траншее у немцев не должно было остаться ни-

чего живого. Но Морозов знал, что так всегда кажется, когда смотришь на артподготовку, но потом, когда огненный вал перекатывается дальше, оживают уцелевшие огневые точки и косят атакующих. Хорошо, если немцы не ушли из первой траншеи, оставив только охранение. Бывало и так — немцы умели воевать.

Внезапно, так, как и начался, артогонь умолк, но вскоре стена разрывов обозначилась дальше, на склонах «Проклятой», поближе к ее вершине. В воздухе взвилась красная ракета, и Морозов крикнул оператору: «Гимн!»

И, словно подчиняясь мощным торжественным звукам, на безлюдном до этого нашем переднем крае из-под земли появились фигурки солдат и бросились вперед. Они бежали, стремясь достичь вражеской траншеи, пока гитлеровцы не пришли в себя, пока навстречу не резанули пулеметные и автоматные очереди. Они бежали, спотыкались, падали, снова вставали, и Морозову казалось, что именно звуки гимна помогали им подняться и снова идти вперед. Вот стали видны и разрывы ручных гранат. «Очищают первую траншею», — пересохшими от волнения губами сказал Морозов Пермину, который стоял рядом и тяжело дышал, сжимая руками, как гранату, микрофон.

Серые фигурки, не задерживаясь, перепрыгивали через траншею и стали штурмовать склоны «Проклятой». И все чаще некоторые из них, падая, не поднимались. Звуки гимна закончились.

— Микрофон! — крикнул Морозов, оператор мгновенно переключил, и он вместе с Перминым стал кричать «ура», будто сам, сжимая автомат, падая и поднимаясь, хватаясь руками за жесткий бурьян, шел в цепи атакующих солдат.

Они кричали в микрофон, пока поредевшая цепь атакующих не достигла вершины и не перевалила за нее.

— Все! — выдохнул Морозов. — Все! Якуб! Игорь! Жмите за динамиками. Быстрее! Если фрицы вызвали авиацию и нас засекут, то хана. Иван, выводи машину на дорогу!

Они успели заскочить в ближайший лесок, когда над дымящейся сопкой показались «мессершмитты», но вскоре на немцев со стороны солнца свалились наши «лавочкины», и в воздухе закружилась сумасшедшая карусель воющих от перенапряжения моторов.

— Ну, хлопцы, счастлив наш бог, — облегченно проговорил Морозов, вылезая из кабины. — Еще потопаем по земле. Успели все-таки. А комбат молодец, взял высоту. Закуривай!

Из кузова машины вышли Пермин и Гаврилович.

— В одном динамике три дырки. Ну да только в раструб попали, ерунда, — медленно проговорил Гаврилович. — Загорай, воины. Придется обождать, пока фрицев дальше отгонят. Теперь им не за что зацепиться. Погнали.

Игорь Пермин достал носовой платок, старательно вытер лицо, аккуратно сложил платок, спрятал в карман и, глядя в сторону, проговорил:

— Я первый раз видел такое. Как идут на огонь и умирают. Умирают и идут. И я не знаю — смог бы и я вот так. Честно признаюсь — не знаю... Да... А этот комбат там, у динамиков, обнял и поцеловал. А тебе, старшой, вот передал, — закончил он, протягивая Морозову «вальтер». — На память, сказал.

Морозов повертел в руках пистолет.

— Неплохая машинка, — подтвердил он. — У меня уже был такой. Только я к «ТТ» привык. Возьми, Игорь, себе. Пусть будет на память от капитана и меня. А в атаку ты бы смог. Понимаешь — смог бы! Я, признаться, тоже что-то подобное думал, пока самому не пришлось, когда взводом командовал. Только тебе в атаку не надо ходить. Тебе еще диссертацию надо закончить...

Незаконченной осталась диссертация. Перечеркнула ее война. Случилось это через три месяца. День в день. Они, трое, сами выкопали могилу Игорю...

Алексей закрыл книгу. Она была без начала и без конца, перевод с французского. В ней излагалась довольно скучная история скучных людей с достатком. Книгами его снабжал Ваня Лотяну, неведомо где их добывавший. Да еще лейтенант Юрий Доронин — начитанный до невозможности человек, помнящий уйму стихов. Возможно, он сам тайком их сочинял, да выдавал за чужие. Надо же, «Василия Теркина» знал до строчки. Хотя Алексей трудновато сходился с людьми, Юрию Доронину он сразу пошел навстречу. Корреспондент армейской газеты был общим любимцем. Во время боев он все время толкался на переднем крае, лез в самое пекло. «Пойми, Алексей, — объяснял он, — я же должен сам видеть, понять, почувствовать. Иначе как же писать о наших воинах? У нас в газетах, честно говоря, иногда такими штампами оперируют, что зубы ноют, когда читаешь. Я не имею в виду тех немногих, кому быть газетчиком противопоказано. Чаще это случается, когда пишут после события, по рассказам других. А наш солдат — человек скромный и о себе скупо говорит. Вот и дополняют, раскрашивают испытан-

ными приемами. Мне до настоящего газетчика еще далеко, это я без скромности, но я хочу писать правду, без прикрас. Да ведь правда о нашем солдате и не нуждается в прикрасах.

Доронин — долговязый, светловолосый, очки в металлической оправе — ими он очень дорожил из-за сильной близорукости, и поэтому к дужкам была привязана резинка, которую он надевал под шапку или пилотку. Полная гарантия не потерять очки в любой передряге. Заметил за ним Алексей еще одно качество. Если кто Доронина обманывал или явно нес выдумку, он скучнел и быстро терял интерес к собеседнику.

«Я ведь не военный человек, педагогический немного не дотянул. Как только демобилизация — сразу же назад. А потом в школу. Люблю маленький народец. Вот уж где непосредственность чувств».

Он действительно выглядел не военным. Форма на нем сидела мешковато, пилотку всегда надвигал чуть ли не на глаза. Может быть, из-за той самой резинки для очков? И битком набитая полевая сумка.

Вот и теперь, когда читать ничего интересного не было, а сопки, медленно поворачивавшиеся от головы до хвоста эшелона, были похожи, словно солдаты одного рода войск, и уже не вызывали любопытства, Алексей вспомнил о Доронине.

— Иван, — окликнул он шофера. — Похоже, скоро станем на обед. У нас с горючим как?

Лотяну приподнял с подушки сиденья опухшее от сна лицо.

— Пока я при машине, — стукнул он сапогом по колесу МГУ, — такого вопроса не существует. Пора, старшой, привыкнуть.

— Добро. Тогда позови обедать к нам лейтенанта Доронина. Он где-нибудь с воинами.

— Есть разыскать. — Лотяну приподнялся, сладко зевнул. — Ему бы следователем работать. Ну до чего дотошный. И все записывает, записывает. Только и он на нашем Якубе застопорился. Лейтенант к нему и так и эдак, а чертов бараболя посопит, вякнет «да», «нет» или свое «как сказать» — и все! Он, похоже, и бабе своей ночью за всю жизнь ни одного слова не сказал. Первый раз такой молчун мне попался.

— Зато ты за весь экипаж стараешься. Якуб — мужик серьезный.

— Не отрицаю, — согласился Лотяну. — Я, старшой, человек компанейский. Что же это за компания, если все

молчать будут? И опять же с женским полом без разговора нельзя. Надо так их заговаривать, чтобы очнуться не успела, как готова.

— То-то ты из санбата поцарапанный пришел.

— Бывает. Я же с ней, дурой, по-хорошему, а она...

— Потаскун ты, Иван. Кобель, а не мужчина, — серьезно посмотрел Морозов на прихорашивавшегося перед осколком зеркала шофера. — Плохо это у тебя кончится. Помянешь меня тогда.

— Това-рищ старший лейтенант, — обиженно протянул тот. — Так когда же всерьез можно приударить? Мы же с вами по всему фронту мотаемся. Тут только блицкригом и можно действовать.

— Смотри-ка, даже стратегию выработал, — насмешливо произнес Морозов.

— Иначе нельзя, — оскалил белые зубы Лотяну. — Непонятный вы для меня человек, командир.

— Ну-ну, чем же я непонятный? — заинтересовался командир.

Лотяну согнал улыбку с лица и серьезно продолжал:

— Мужчина видный, мне бы такую фигуру, да награды да звание. Ей-богу, ни одна бы не устояла, сразу бы коленки подгибались. И никаких осечек. Что я, не вижу, как некоторые глазами едят одного старшего лейтенанта. Я так полагаю, что в старое время такие в монахи шли.

Морозов рассмеялся:

— Ну, загнул ты. Монах... Ты посмотри, сколько среди наших себя в руках держат. А кстати, среди монахов бабников было не меньше, чем среди шоферов. Вот так.

— Так то все женатые, их жены дома ждут. Или для невест себя берегут. А у меня никого. Да и у вас. Сколько вместе, а вам ни одного письма.

— Ну ладно, поговорили. Давай за лейтенантом!

— Есть! — снова весело проговорил Лотяну и, спрятав зеркало, пошел выполнять приказание, лихо перебираясь с платформы на платформу.

Морозов посмотрел ему вслед. Ловкий парень. Он нравился командиру громкоговорящей именно своим веселым, неунывающим характером. Война штука серьезная, чересчур серьезная, и если человек способен шутить, то это очень даже неплохо. Твардовский здорово об этом написал.

Монах... Скажет же такое. Он знает, что такое женщина. Райка, Райка... Здорово она тогда его ударила. Во время отпуска он один раз видел ее издали, с располнев-

шим животом. А свадьбы у нее еще тогда не было, и была ли она, так он и не узнал.

Теперь-то он понял, что конец их любви был предрешен еще раньше. Одногодки, они по-разному росли. Райка уже в девятом налилась, округлилась, выглядела старше своих лет, а он — долговязый, худой юноша, у которого на подбородке только начали пробиваться признаки будущей бороды. И он боялся даже дохнуть на Райку, притронуться. Ей, конечно, нужен был парень зрелый, сильный. Не могла она ждать еще годы. Не та натура. Теперь он это понимает.

Еще он понял, что влюблен был только он, а Рая лишь разрешала быть ее поклонником. А он думал — на всю жизнь она одна. Ведь даже фамилии близкие: Морозов и Дармороз.

И еще одно открытие он сделал в тот отпуск. Оказывается, не все просто между мужчиной и женщиной, даже когда любят. Случилось это незадолго до возвращения в училище. В воскресенье. Дирекция завода пригласила лучших рабочих на однодневную прогулку по Волге. Отцу отказаться было неудобно, а мать уговорил он. Родители ушли из дому рано утром, а он пошел помыться в ванную. В одинаковых, как близнецы, четырехэтажных домах тракторного поселка планировка была экономной — одна ванная на две квартиры, и в каждую из них была своя дверь.

Он уже вытирался полотенцем, то напрягая, то ослабляя мышцы. Долговязый юнец превратился в молодого атлета. Расправились плечи, шире стала грудь. Когда он приехал, отец, любуясь сыном, сказал матери: «Смотри, мать, в какого парня армия превратила Алешку. В кузнецы годится».

Неожиданно открылась дверь в соседнюю квартиру и раздался голос соседки: «Ах, извини, Алеша!» И уже из своей квартиры, со смехом: «А дверь на крючок не забывай».

Алексей тогда здорово смутился. Соседка была красивой женщиной лет тридцати. Разве чуть полноватой. Ее мужа Алексей тогда не встретил — тот уехал в командировку на Харьковский тракторный. Не в пример супруге, сосед — инженер литейного цеха — был физически слаб. Очень интеллигентный, мягкий человек. Умница. Целыми днями пропадал в цехе и еще что-то изобретал.

Через полчаса Екатерина Андреевна зашла к ним в квартиру.

Словно ничего не произошло, она сказала:

— Пойдемте ко мне, Алеша. Вы один, и я одна. Позавтракаем вместе, все веселее. Расскажете, как служится. У нас немецкий патефон есть, пластинки хорошие. Так тоскливо одной целый день.

И он пошел...

Рассказать кому — типичная «обольстительница», самая пошлая история.

А на самом деле все оказалось сложнее. Начало — он это теперь понимает — может быть, и можно так назвать. Стол с хорошо приготовленным завтраком, бутылка кофейного ликера — коварный напиток: сладкий, тягучий и крепкий. После первой рюмки Катерина раскраснелась, а Алексей почувствовал себя уверенным, остроумным, каким и должен быть настоящий мужчина в обществе красивой женщины. После второй — они стали танцевать под какую-то тягучую мелодию.

Когда пластинка закончилась, Катерина подошла к патефону, чтобы перевернуть пластинку, но, с секунду постояв, сняла ее, закрыла крышку патефона, медленно подошла к Алексею и властно обняла его...

Потом она плакала в постели. Удивительно чистыми и крупными слезами. Она не употребляла косметики, и слезы, скатываясь на подушку, оставались чистыми, не оставляя пятен. В первый момент Алексею стало неловко. Что это она, как девчонка невинная. Сама же... Самого его не мучили угрызения совести — он мстил Райке.

Катерина вытерла слезы маленькой ладонью и, виновато улыбнувшись, сказала:

— Не подумай, Алеша, я вправду в первый раз, кроме мужа. Я же люблю его, но я не могу... Иногда ночами не сплю. Мне нужна ласка, очень надо, чтоб меня ласкали, Алеша. Ты этого не поймешь... Если бы дети были, хотя бы один ребеночек...

Потом она сладко потянулась и довольно закончила:

— Теперь, может быть, и будет. Вот так, милый Алеша.

— Что? Ребенок? — приподнял он голову.

— А тебе какое дело? — засмеялась она счастливо. — Если будет, то мой и Виктора. Наш с ним ребенок. Ты-то тут при чем?

И снова потянулась к нему...

Так сбылась ли мечта Катерины? Неизвестно. В письме к родным он не мог спросить. А потом война перечеркнула и эту страницу жизни.

Иногда он вспоминал эту женщину. Даже с благодарностью. И не осуждал. Теперь он понимал — ей, действи-

тельно, надо было, чтобы ее ласкали, сильно ласкали. И она хотела быть матерью...

Колеса платформы чаще застучали на стыках рельсов. Мимо эшелона проплывал маленький разъезд. Почти у самого полотна стояла плотная курносая девчонка в форменной фуражке и выгоревшем ситцевом платьице. В вытянутой руке зеленый флажок.

Девчонка что-то задорно отвечала на шутки солдат, сверкала зубами. По всему было видно, что такие эшелоны для нее главное развлечение. И, может быть, единственное. Откуда быть другим в этой глуши?

Морозов невольно улыбнулся этой разбитной девчонке. Сам довольно замкнутый, он любил людей жизнерадостных.

Девчонка эта, наверное, и не сознает еще толком, как ей повезло. Повезло, что она родилась в такой необъятной, грандиозной стране. Что кишка тонка оказалась у фашистов, чтобы протаранить ее всю, как Бельгию или Голландию. Может быть, и в этот одинокий домик оттуда, издалека, пришла похоронка, но над ним не гудели моторы «юнкерсов», не грохотали вокруг бомбовые взрывы.

Домик разъезда уже скрылся за изгибом очередной сопки, а Морозов все смотрел туда, где девчонка уже, наверное, поскучнев, пошла к домику.

«А ведь, наверное, Зое не намного больше лет было», — пришла внезапно мысль. Почему? Может быть, потому, что она тоже была маленькой, не выше плеча ему, и однажды, вот так же прямо держа руку, как эта девчонка флажок, подарила ему букетик — всего несколько полевых цветков. Подарила как признание, которое он тогда не понял.

Зоя, Зайчик... Оставила ты след на сердце. Не стираемый, как шрам на его щеке. Как же называлась та деревня, где он в первый раз ее встретил? Неужели забыл? Марьевка! Он и Лотяну шли тогда из отдела к своей громкоговорящей. Они проходили мимо машин связистов, когда увидели невысокого роста девушку, которая с немым отчаянием на лице склонилась над раскрытой панелью рации. В позе девушки, в выражении ее лица была такая беспомощность, что Морозов, не выдержав, подошел к ней и участливо спросил:

— Не получается?

Девушка молча кивнула головой.

— Ну-ка, посмотрим, — отстранил он связистку.

Морозов, сам себе не признаваясь, очень дорожил славой знающего специалиста-связиста.

Он внимательно осмотрел рацию, пощелкал переключателями, повращал ручки настройки.

— Ну-ка, Иван, принеси быстренько мой «докторский». — Так он называл фельдшерского вида чемоданчик с измерительными приборами и инструментами.

Тот молодецки гаркнул «есть» и побежал выполнять приказание.

— Признайся, роняла? — поднял голову от рации Морозов.

Связистка огорченно шмыгнула носиком:

— Да. Я вон о тот пенек,— кивнула она в сторону головой.

— Ну и как пенек?

— Что пенек? — округлила глаза девушка.

— Цел пенек остался?

Девушка слабо улыбнулась. Только теперь Морозов рассмотрел ее. Широкие серые глаза на узком лице. Аккуратный носик. Голова из-за светлой пышной копны волос, уложенных под пилотку, казалась большой, не по ее тонкой, чуть загорелой шее. Аккуратно подогнанная гимнастерка не скрывала ни округлости груди, ни осиной талии. «Какая балда заставляет эту девчонку такую тяжесть таскать», — подумал Морозов, и, словно отвечая на его мысли, девушка просительно произнесла:

— Только вы, пожалуйста, сержанту Копыловой не говорите.

— Хорошо, — серьезно пообещал он. — Даже под пыткой не скажу.

Сержанта Копылову он знал. Обладательница сержантских погон и пышных форм была громкоголосой, требовательной и довольно яркой женщиной. И отнюдь не скромницей. А службу несла получше мужчин.

В один из вечеров Морозов стал невольным свидетелем безнадежной попытки Лотяну завоевать сердце пышнотелого сержанта.

— Оставь, Ванюша,— услышал он, замедлив шаг, голос Копыловой. — На кой ты ляд мне сдался. Придушу и не замечу. Не по себе дерево хочешь срубить, парнишка. Вот станешь мужиком, как твой командир, тогда посмотрим. Того я бы сама завлекла, да не хочу дорогу кое-кому перебегать. И учти — сунешься к кому из моего отделения — лысым уйдешь. Мое слово свято. Давай ходи!

Морозов тогда повернул назад, чтобы не встретиться с Копыловой, старался ее обходить и долго недоумевал,

кому это она не хотела перебегать дорогу. Потом забыл про этот разговор.

Морозов невольно залюбовался девушкой, его тронула ее милая беспомощность, ожидание, что он, Морозов, спасет ее от гнева грозного сержанта Копыловой.

— Как звать тебя? — прервал он неловкое молчание. — Давай познакомимся. — Он как-то не мог обратиться к ней на «вы».

— Зоя, — ответила та, бросив на него быстрый взгляд и краснея. — Я вас знаю. Вы Морозов, командуете МГУ.

— Точно, — подтвердил он. — А звать Алексеем. Будем считать — познакомились.

— Вас среди наших профессором называют, — чуть смелее произнесла она.

— Вот как? — удивился Морозов. — Вот тут ошиблись. Нет у меня никаких ученых званий. Да и по возрасту для профессора не подходящ. Они же народ пожилой, с бородами или лысинами.

Девушка рассмеялась, и лицо ее мгновенно преобразилось, засияло и стало по-детски открытым.

— Это потому, что вы в аппаратуре здорово разбираетесь. У нас, когда неисправность не могут найти, так и говорят: «Надо позвать профессора». Правда, и колдуном тоже называют. Вот придет колдун, поколдует и все.

— За «профессора» — спасибо, лестно даже. А вот «колдуном»... — покрутил головой Морозов.

— Что вы! Они вас очень уважают, — лицо девушки снова мгновенно изменилось, стало серьезным, серые глаза прямо смотрели на него.

«Ну и глаза, — даже удивился Морозов. — Не глаза, а фары».

— Ваше приказание выполнено! — снова лихо отрапортовал Лотяну, подавая чемоданчик.

— Спасибо. Давайте, Зоя, разберемся, какую печенку вы могли отбить у этого аппарата, — шутливо закончил он, наклоняясь над рацией.

Лотяну начал принимать картинные позы перед связисткой.

— Брысь в машине. Скоро здесь сержант Копылова появится, — скомандовал Морозов.

Лотяну безропотно и немедленно испарился.

Алексею довольно быстро удалось устранить неисправность. Две головы — беловолосая и черная — поднялись над рацией. Глаза связистки были полны радостной благодарности.

— А вы на самом деле колдун, — убежденно проговорила она.

— Тогда ты ведьма, правда, курносая ведьма. Вместе же ремонтировали, — пошутил он.

— Курносая? — обиженно протянула связистка.

— Шучу, — успокоил он ее. — Только не надо так расстраиваться и теряться из-за каждой неисправности. Не то я буду звать тебя не Зоя, а Зайка, Зайчонок.

— Я согласна. — Лицо ее снова стало серьезным, и снова она смотрела на него не глазами, а фарами. — Только чтобы только вы. Один.

— Договорились, — почему-то слегка смутился Морозов. — Ну, бывай здорова. И осторожнее мимо пеньков.

—Спасибо! — нерешительно протянула она ему руку. Рука была маленькая, прохладная...

На следующий день они отправились в очередную поездку на передовую, но буквально перед выездом Морозов встретился с сержантом Копыловой.

— Спасибо за помощь, товарищ старший лейтенант, — официально поблагодарила сержант. Субординацию она признавала редко. Во всяком случае, не с молодыми офицерами.

— Какую помощь? — деланно удивился Морозов.

— Плохой бы я была командир отделения, если бы не знала, что у меня делается. И эта скромница ни слова.

— Наверное, чересчур строгий у нее командир, — отшутился Морозов.

Лицо сержанта подобрело, она улыбнулась, темные, как черносливы, глаза стали мягче.

— Папироска найдется? — спросила она. И, уже выпустив тонкой струйкой дым, продолжала: — Да, строгая. А разве мать не строгой бывает?

— Возрастом к ним в матери рановато, — снова пошутил Морозов.

— Дело не в возрасте, — раздумчиво продолжала сержант. — Среди них я одна замужем была и вдовой стала. Их две у меня таких — Зойка и Нинка. Скромницы. Молоденькие еще. Проклятая война. Вот такие же девчонки вас, мужиков, с поля боя таскают. А мужик легким только в постели бывает. Я это знаю. Не думай — я и с поля боя таскала. Убитый, знаешь, какой тяжелый становится. Даже удивительно — откуда все берется.

Мне не строгой нельзя. Служба не разбирает, где мужик, а где баба. Только нашей сестре тяжелее. Да и среди вас есть такие, что отбиваться приходится.

Морозов недоумевал: зачем этот разговор? Уж не при-

нимает ли она и его за одного из таких? Копылова заметила досаду на его лице.

— Не обижайся, — еще мягче проговорила она. — С тобой-то по-человечески поговорить можно. Ты «с чувствами» не полезешь, хоть и мигни тебе. Может, и не надо было такой разговор начинать...

«Уж не объясниться ли она со мной хочет? — попытался понять ее Морозов. — Только этого мне не хватало. Не на того напала».

— Я не про себя, — продолжала Копылова. — Хотя признаюсь — по душе мне ты. Есть у меня одна... Как на бога, на тебя смотрит. А она еще и нецелованная, сама признавалась. Так вот, чтобы не обидел.

Морозов даже растерялся.

— Ничего не понимаю, — пожал он плечами. — Никто из твоих, сержант, подопечных мне не нужен. Понимаешь — не нужен. Поэтому будь спокойна — не обижу.

— Эх ты, — она сокрушенно вздохнула своей мощной грудью. — Не о тебе моя забота. Только разве это справедливо, если хорошая девушка любит, а может и погибнуть нецелованная. Война ведь. Кто знает, сколько кому еще осталось? Несправедливо это, неправильно.

Искренность, с которой Копылова все это сказала, смягчила Морозова. Но ему сейчас было некогда разбираться, что справедливо или несправедливо в любви на фронте. Впереди была срочная и довольно опасная поездка.

— Может быть, ты и права, — извиняющимся тоном ответил он. — Может быть... Только мне сейчас не до сердечных дел. Уезжаю.

И, протягивая ей руку, неожиданно для себя добавил:

— Ты хороший человек!

Копылова долго стояла и смотрела ему вслед.

Уже в дороге, сидя в кабине рядом с Лотяну, он думал над этим разговором. Это же надо — «смотрит, как на бога». Кто же это такая?..

Он уже забыл о разговоре с командиром отделения связисток, когда Игорь Пермин, возвратясь из отдела, отозвал его в сторону и, лукаво улыбаясь, сказал:

— Тобой интересовался один рядовой боец.

— И что из этого? — удивился Морозов.

— Да то, что я первый раз видел, как военнослужащий так может то краснеть, то бледнеть, а в глазах такое смущение. И в каких глазах! Больших, серых. Даже завидно стало.

— Зоя? Зайка! — не удержался Морозов.

— Не имел чести познакомиться, — развел руками Пермин. — И весьма сожалею. Уж очень симпатичный боец. Можно сказать, неотразимый.

Морозов поднес к его носу кулак:

— Вот это видел?!

«Значит, Зоя, — догадался он. — Вот о ком тогда Копылова намекала. Почему? Вот незадача. А ведь он тоже ее вспоминал. Но так, просто. Что же ей сказать?..»

Редкие их встречи можно по пальцам пересчитать. Зайчонок! Она все-таки завладела его мыслями. Не так, чтобы он все время думал о ней. Неподходящее для этого время — война, неподходящее место — фронт. Но когда МГУ возвращалась в политотдел, «домой», ему было очень приятно знать, что кто-то его ждет, волнуется, что он увидит, как она, не обращая ни на кого внимания, метнется к их машине.

В эти редкие встречи он позволял себе только взять ее маленькую руку. И ни от кого не терпел никаких разговоров о нем и Зайке.

То, что произошло потом, случилось внезапно. Неделю МГУ пробыла на правом фланге армии, фронт тогда не двигался. В сводках только упоминались бои местного значения. Самое время для работы МГУ. Если войска идут вперед — не до передач. Когда они вернулись, впервые Зайки не было. Вместо нее пришла сержант Копылова.

— Несчастье у нас, старший лейтенант, — с тоской сказала она и, увидев испуг на лице Морозова, быстро проговорила: — с Зойкой все в порядке. Нина, подружка ее, погибла, только что похоронили. Убивается твоя Зойка, смотреть жалко. Ты сейчас к ней не ходи. А вечером непременно — помянем подружку.

Вечером на окраине той же рощи, где стояли машины связистов, их собралось немного. Зоя с распухшим красным носиком тоже храбро выпила свою долю и схватилась руками за рот. «Впервой она», — кивнула на нее Копылова.

Сидели недолго. Армейский механизм работал, не принимая во внимание ни горя, ни радости тех, кто его обслуживал.

— Какой из тебя сегодня дежурный, — сказала Зое Копылова, — отдежурю за тебя. Проветрись и отдыхай до утра.

— Спасибо.

— Чего там, — словно застеснялась своей доброты сержант. — Потом за меня отдежуришь. Когда надо будет.

Они пошли вдоль опушки. Алексей привлек ее за плечи, и она прижалась к нему, такая маленькая, беззащитная. Вечер был теплый, тихий. И ни звука. Удивительная тишина. Такая редкая и тем более дорогая. И не было для них сейчас ничего важнее того, что они рядом, вместе.

Вдруг она остановилась, положила ему руки на плечи и прижалась всем телом, потом обняла и, привстав на носки, поцеловала твердо сжатыми губами, горячо и неумело.

— Алеша, — зашептала она, — я не хочу больше ждать. Зачем ждать? Нина тоже ждала, а ее... А завтра, может, и меня. Или тебя... Я люблю тебя, Алеша...

Они расстались на рассвете. Он долго нес ее на руках, удивляясь, какая она легонькая и какая сильная. Расставаясь, она сказала:

— Алешенька, я теперь так боюсь, так боюсь. Уж если что, то пусть меня... Без тебя я не могу жить. — И, сжав ладонями свое лицо: — Я такая счастливая. Такая счастливая...

Это были последние ее слова, которые он услышал. В тот же день МГУ отправилась на передовую, через два дня армия, прорвав оборону немцев, стремительно двинулась вперед, и невозможно было найти друг друга. А через неделю Зайки не стало. Машина связистов попала под бомбежку, и похоронили в одной могиле Зайку и ее строго-доброго командира сержанта Копылову. Ему не удалось ни разыскать, ни побывать на этой братской могиле, где вместе с воинами-мужчинами похоронены и женщины в военной форме.

Случилось это год назад. Только год, но это был год войны, когда время измеряется другими категориями, другими критериями.

Ее нет, а он живет. И верит — она без него не смогла бы.

Странно утешил его тогда Игорь Пермин:

— Тебе повезло. Ты встретил, ты познал настоящую любовь. Не каждому это дано. Не каждому...

Раздался гудок паровоза, и с нарастающим шумом, грохотом мимо эшелона промчался пассажирский поезд. Пахнуло разгоряченным теплом локомотива, порывами ветра, и мимо, как моментальные кадры, замелькали окна вагонов, из которых махали руками, что-то кричали или просто улыбались пассажиры. Через несколько минут снова стало слышно только перестукивание колес на стыках рельсов.

— Фу, — выдохнул Морозов. — Что-то меня потянуло на воспоминания, — подумал он. — С чего бы? Может, повинен этот длинный путь, когда делать нечего, когда позади осталось так много пережитого, незабываемого, а впереди ждет что-то новое и грозное? Или, может быть, потому, что, когда они не знали, куда их везут, все начинали строить планы на будущее? И все эти планы, мечты были связаны с женщинами: женами, невестами, вероятными кандидатками на эту роль. И с матерями, которые больше, чем кто другой, ждали их.

«Да где этот Лотяну!» — с досадой приподнялся с качалки Морозов. Воспоминания растревожили его, внесли смятение, и нужна была какая-то разрядка. «Самое время выпить с умным человеком».

Эшелон начал описывать новую крутую дугу, и Морозов увидел, как с платформы на платформу перебираются Лотяну, лейтенант Доронин и Гаврилович. Наконец-то!

— Привел, командир! — первым у МГУ появился Лотяну. За ним сверкнул очками Доронин, и, приотстав, осторожно перебрался на платформу Гаврилович. Если была возможность немного выпить «семьей», то белорус не упускал такой возможности. Земляки никуда не денутся, путь еще далекий. Полевая сумка Доронина еще более разбухла, и, похоже, некоторые бумаги он уже заталкивал в карманы.

— Нестору нашей армии привет! — протянул руку Морозов.

— Здравствуй, Алексей. Что случилось? Что за неотложное дело?

Лотяну извинительно оскалился в улыбке:

— Так иначе бы, командир, лейтенанта не дозваться.

— Есть одно важное дело, — поддержал шутку Морозов. — Пообедать и выпить с нами!

— Вот же черти, — рассмеялся лейтенант. — Только-только человека разговорил.

— Да брось ты сумку. Кривоплечим станешь от такой тяжести. Оставь часть записей у нас в машине — сохраним, как пакет секретный. Давай, Иван, что у нас там есть? По распорядку через двадцать минут обед, так мы и аппетит нагоним.

Разбавленный спирт всегда разливал Гаврилович. Делал он это обстоятельно, не торопясь и с точностью аптекарской.

Когда кружки были налиты, куски хлеба, колбасы, огурцов разложены на бумаге, Доронин спросил:

— Так за что пить будем?

Морозов поднял кружку и посмотрел на всех: хорошие, испытанные парни, воины.

— Я предлагаю за то, чтобы как-нибудь зашли мы в книжный магазин или библиотеку и увидели книгу. О войне. О ее горьких днях и о Победе. Настоящую книгу. И автор — Ю. Доронин. Поехали!

Кружка в руке Доронина дрогнула:

— Спасибо, друзья, — смущенно проговорил он. — Не знаю, увидите ли. Для этого талант нужен. Не мне, так другому записки пригодятся.

Молча закусили. Когда Гаврилович начал наливать еще понемногу, раздался голос Лотяну. Вытирая рот рукой, он многозначительно начал:

— Когда я возил генерала...

— Ой не можу, — буквально заржал Гаврилович. — Ну завсегда после первой про генерала зачинает. И опять набреше. Ты, Вань, лучше скажи, за што тебя генерал турнул.

Лотяну обиженно замолчал. Приврать он действительно любил. Так это же для интереса в разговоре. А генерала он и вправду возил. Целых четыре месяца. Генералу он, видно, по душе пришелся, и, строгий с другими, он допускал вольности шоферу. В том числе и кудрявый в кольцах чуб. Только оплошал Лотяну. Повез он генерала в корпус, а тот дальше на передовую — на бронетранспортере. И приказал Ивану ждать. Лихой парень, вспомнив про одну симпатичную санитарку из соседней гвардейской дивизии, махнул к ней. Да на беду свою нарвался на полковника — начальника штаба. Полковник был строг, а тут чем-то разозлен. Увидел он кудрявого красавца и крикнул громовым голосом:

— Дежурный! Взять этого пижона и привести его в порядок, как положено советскому солдату.

Не успел Лотяну опомниться, как взяли его дюжие гвардейцы под руки, а поскольку он начал брыкаться, скрутили эти руки. Потом посадили на скамейку и, под гогот любопытствующих, обкорнали его чуб под машинку. И пояс офицерский сняли, а вместо него — брезентовый надели. На все протесты Лотяну пожилой старшина успокоительно твердил: «Видно, твой генерал человек занятый, некогда ему посмотреть, какой ты, сынок, стал. Давай жалуйся. И скажи своим начальникам, что в нашей гвардейской порядок, как в Москве».

Сел в машину Лотяну, глянул в зеркальце и даже заплакал от обиды, голова как шар, и уши лопухами торчат по бокам.

А тут на беду генерал раньше времени вернулся, а машины нет. И турнул генерал с легковой.

Пожалел Гаврилович товарища, не стал рассказывать эту историю про лейтенанта. А то вдруг возьмет тот и в книгу про это напишет.

Эшелон начал замедлять ход. Показались сначала одинокие дома, окруженные зеленью огородов, потом склады, кучи угля, штабеля ящиков...

— Вот и к обеду прибыли. Ну-ка, хлопцы, — скомандовал Морозов своим подчиненным, — давайте за обедом. А мы с тобой, Юрий, пойдем в машину, не будем раздражать начальство.

— Газету раздобудьте,— попросил Доронин.

Они собрали остатки закуски и перебрались в машину, оставив дверь открытой.

— Закуривай! — протянул портсигар Алексей. — Закуривай и признавайся, будешь писать книгу?

— Если честно — есть такая мечта. Далекая. Сейчас важно ничего не забыть. Вот и расспрашиваю, записываю. Что удивительно — неохотно про войну вспоминают, а ведь она, можно сказать, вчера закончилась. Меня интересует человек и война. Вот вчера познакомился я с одним старшиной-артиллеристом. Весь набор орденов Славы, Красное Знамя и медали в два ряда. Он немецких танков нащелкал много. И врукопашную ходил. А до войны агрономом был. Куда уж профессия мирнее, курицу не мог зарезать. Понимаешь, какое превращение?

Морозов с удовольствием смотрел на лейтенанта. Умница. Вот бы их раньше с Игорем Перминым свести, а он бы только сидел и слушал. Спиртное чуть расслабило его.

— Чему же удивляться, — возразил. — Не очень весело это — вспоминать войну, когда еще не все зажило. Ни на теле, ни в душе. Я, признаюсь, и сам вот до твоего прихода не войну вспоминал, а женщин, с которыми меня судьба свела.

— Вот уж не думал. Не замечал, чтобы ты ими увлекался.

Морозов поморщился.

— Я же тебе сказал — судьба свела. Ну, это первая любовь. А значит, если первая, то неудачная. Как почти у всех в юности. Закончилась. А то бы она была не первой, а единственной. Причина тут роли не играет. Вторая женщина — страсть. Я о ней плохо не думаю. Так получилось. А третья была настоящей. С ее стороны. Знаешь, она мне в ту единственную нашу ночь сказала: «И зовут тебя Алешей потому, что ты хороший». Мне так мать, когда был

маленьким, говорила. Я-то не успел ее полюбить так, как она, но не оставил бы. Никогда и ни за что! Война забрала ее, прикончила. Такой больше не встречу. Такой искренности, такого чувства. Давай за нее. Что-то прорвало меня сегодня.

— Давай. За настоящую любовь. Завидую — ты встретил такую.

Морозов даже кружку отставил.

—Странно. Мне один уже сказал так. Игорь Пермин. Его тоже нет.

Они помолчали, думая каждый о своем.

— Ну ладно, — переменил тему разговора командир МГУ. — Человек и война... Это, я понимаю, сложно и трудно. Но вот твои записи, — кивнул он на полевую сумку, — это же отдельные кадры, из которых надо сделать полотно. Как мирный человек стал воином?! Да, важно. Но это я сам видел. Вот ты попробуй ответить на другие «почему?» Их много.

— Например? — весь собрался лейтенант.

— Почему мирный человек стал воином, повторяю, это мне понятно. Так и в старину бывало. Напал враг на Отечество — становись, пахарь, ратником. Партизаны еще в первую отечественную были...

Морозов помолчал, словно собираясь с мыслями. Потом он застегнул ворот гимнастерки, провел рукой по щеке, на которой краснела иззубрина шрама.

— Как тебе точнее сказать? — медленно продолжал он. — Вот я перед Сталинградом себя виноватым считаю, хотя воевать начал уже после, когда фрицев там раздолбали... А вот мы с тобой обратный путь проехали. Я, может, только теперь по-настоящему понял, чего нам эта война стоила.

— Разве мы хотели этой войны? — мягко перебил его Доронин.

— Да что я, иностранец, что ты меня такими истинами... Да, навязали, деваться некуда было. Надо было воевать... Как тебе объяснить? Ты ведь после Сталинграда начал воевать? Я тоже. Когда фрицев по-настоящему бить стали. Я вот в госпитале когда лежал, там были такие, которые еще на границе начали. Такого наслушался... Не так война началась. Не так! Почему?..

Доронин протер очки и снова надел их.

— Вот ты о чем... — протянул он. — Я бы тоже хотел другого начала. Очень хотел бы... Я вычитал у Чаадаева, что прошлое нам неподвластно, но будущее зависит от

нас. Прошлое есть прошлое. И наши потомки сделают главный вывод: «Они устояли, они победили». И проанализируют наши ошибки и наши победы. Но все равно будут нам благодарны — мы обеспечили им будущее. Ты многого от меня хочешь, — усмехнулся он. — Такой гигант, как Толстой, «Войну и мир» создал через полсотни лет после первой отечественной. И, пожалуй, он первым ответил на многие вопросы своим современникам. А я только недоучившийся учитель и рядовой армейский газетчик... Ты лучше расскажи, почему в госпитале оказался. Из-за этого? — показал он на шрам.

— И из-за этого. Ножом еще один фриц меня в грудь саданул, думал, не выживу. Я командиром взвода тогда был. Прижали нас тогда фрицы здорово, штабники гранатами отбивались, потом врукопашную схватились. Того, который меня ножом, я задушил. Еле оторвали санитары от него — без памяти уже был. Нас тогда танкисты выручили. В госпитале ограниченно годным определили. Еле вырвался сюда, — похлопал он ладонью по стенке МГУ.

— А дальше что думаешь? — продолжал по привычке допытываться газетчик.

— Дальше? — начал было Морозов, но тут послышались голоса Лотяну и Гавриловича. — Не знаю. К тому же, похоже, еще одна война впереди.

— Похоже на то, — согласился лейтенант.

В проеме двери показался Гаврилович.

— А я вареной бараболи купил, — сообщил он, — не такая, как наша, но тоже ничего. Уже свисток был к отправлению.

— Тогда пошли на прежнее место, — решил командир. Щи со свежей капустой, перловая каша да вареная картошка. Что еще надо?

Когда все было съедено, они дружно закурили. Морозов сказал:

— Доставай, Иван, гитару. Спой что-нибудь про любовь.

— Это мы с удовольствием, — охотно согласился тот. — А про настоящую любовь лучше всех наши, молдаванские.

Умел-таки петь Лотяну. И песню выбрал знойную, страстную. Она очень удачно укладывалась в ритм скорости эшелона, и постукивание колес словно аккомпанировало гитаре.

Эшелон все дальше и дальше шел на восток...

Глава вторая

«Только бы в разведку. В разведку!» — мысленно твердил себе Николай. Эта мысль заглушала все остальное, мешала воспринимать окружающее. Усилием воли он огонял ее, словно надоедливого нахального комара, который занудливо звенел над ухом. «Конечно, это было бы лучше всего, но выбирать, похоже, не придется», — размышлял он, еще раз обежав взглядом длинный коридор, в котором сидели, а больше стояли офицеры разных званий, родов войск. На стульях сидели те, кто имел на погонах два просвета, а стояли младшие по званию. В приемной и коридоре армейского отдела кадров все уставные нормы соблюдались неукоснительно. Большинство офицеров были с орденами и медалями на груди, некоторые с золотыми и красными нашивками за ранения. «Фронтовики», — уважительно подумал Николай. Он понимал, что в эту прославленную Краснознаменную Дальневосточную армию их прислали на укрепление. И кто-то из дальневосточников еще не знает, что ему придется уступить место вот такому фронтовику, чей опыт нельзя приобрести ни в каком училище или академии, ни, пусть даже нелегкой, службой в сопках Приморья. Иначе нельзя. Опыт фронтовиков добыт кровью, жертвами, в ожесточенных битвах от Северного до Черного морей, от Сталинграда до Берлина...

Конечно, если бы Николай признался вон тому капитану с четырьмя орденами и целым набором медалей, что он стремится попасть в разведку, тот мог бы скептически улыбнуться, дескать, мало каши ел, но этот геройский офицер ошибся бы. Ему, Николаю, ни один фронтовик конкуренции не составит и заменить не сможет. Ну кто из них знает японский язык? Конечно же никто! Для японцев «хэндэ хох!» непонятно будет.

Эта мысль как-то утешила Николая, он чуть приободрился и бросил взгляд на зеркало, висевшее на противоположной от него стороне коридора. Зеркало было какое-то домашнее, явно случайно попавшее на стену серьезного военного учреждения. По углам темнели проталины отставшей амальгамы, да и все оно пожелтело, покрылось мелкими крапинами. Но это не помешало ему увидеть в зеркале, по мнению Николая, довольно бравого младшего лейтенанта в туго затянутой гимнастерке, чуть сдвинутой набок пилотке, под которой слегка вился в меру отпущенный рыжеватый чуб. Правда, как считал сам Николай, лицу недоставало мужественности, решительности,

как у этого капитана с четырьмя орденами. Кругловатое лицо, желтоватые брови, такие же ресницы вокруг серо-голубых глаз. И нос свидетельствовал, что в роду этого младшего лейтенанта не было древних греков или римлян, к тому же нос летом непрерывно шелушился от солнца. Да и веснушек, которых не смог скрыть густой загар, можно было бы поменьше. И подбородок какой-то девичий...

Мать всегда утверждала, что Николай — точная копия деда, которого он не застал в живых, но это мало утешало парня. Дед перестарался, передавая свои черты внуку. А в остальном дед внука не обидел. Широкие в меру плечи, выпуклая грудь свидетельствовали, что у этого младшего лейтенанта силенка есть, постоять за себя сумеет. На турнике, брусьях и прочих гимнастических снарядах Николай был одним из первых, да и на маршах приходилось тащить не только свою винтовку и вещмешок.

Николай отвел взгляд от зеркала и посмотрел на свои старательно начищенные кирзовые сапоги: да, тут тоже дед явно переборщил, видно, много сам по земле топал — при среднем росте сорок второй размер...

Из приемной показался писарь со стопкой личных дел в руках, и размышления Николая приняли новый оборот. Он понимал, что штабные писаря нужны, делают важное дело, но, как и все те, кто служил в строю, относился к ним иронически. Да это и понять можно. Немало попадалось Николаю за три года службы писарей, которые при каждом удобном случае старались подчеркнуть свою значимость перед ним. И чем крупнее штаб, где такие писаря служили, тем больше это бросалось в глаза. С офицерами еще куда ни шло, а вот перед солдатами или сержантами старались показать себя важными начальниками. Не все, конечно, но попадались...

Время тянулось медленно. Николай освоился и стал внимательно всматриваться в лица тех, кто выходил из дверей кабинетов, в которых сидели офицеры отдела кадров. Некоторые улыбались, другие оставались бесстрастными, а случалось, что кое-кто, сжав губы или играя желваками, направлялся в приемную начальника отдела. Вот и перед тем как настала его очередь, из кабинета стремительно вышел офицер и решительно повернул в сторону приемной.

Николай еще раз расправил гимнастерку и, набрав воздуха, словно собираясь нырнуть, открыл дверь. В кабинете стояло два стола, и поскольку перед одним сидел старший лейтенант, вошедший перед Николаем, он обра-

тился к капитану, сидевшему у стола с противоположной стороны:

— Младший лейтенант Королев прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

Пожилой капитан устало улыбнулся. Он сразу определил в Королеве новоиспеченного офицера, услышав старательное, излишне громкое представление.

— Садитесь, младший лейтенант, — проговорил капитан и, прикурив папироску, стал внимательно читать личное дело Королева. Потом, откинувшись на спинку стула, внимательно еще раз посмотрел на него и, словно утверждая, спросил:

— В разведку будешь проситься?

— Так точно. Я ведь солдатскую службу в разведроте проходил.

— Поэтому и догадался, — улыбнулся уголками губ капитан. — Только разведотдел наш уже укомплектован, а посылать тебя переводчиком в соединение не стану. Парень ты, видать, толковый, раз отлично курсы закончил и к языку способности имеешь. Я вот, признаюсь, сколько раз себя на фронте клял за то, что от немецкого в школе отлынивал, а в институте лишь бы сдать... Да и не один я так.

Настроение Николая резко упало — с его мечтой было покончено быстро и непререкаемо. Обжаловать решение капитана у начальника отдела Николаю и в голову бы не пришло.

Капитан словно не замечал разочарования собеседника, которое явно проступало на его лице. Николай еще не умел скрывать свои чувства, быть, действительно, бесстрастным, как тот разведчик, которым он себя воображал в будущем.

— Так вот, — продолжал капитан. — Направляю я тебя в наш политотдел. Там есть такие специалисты, что ты по сравнению с ними как первоклашка. И почище твоих преподавателей. К тому же у них завтра учебные сборы начнут действовать. Вот так! — закончил капитан, снимая телефонную трубку.

— Иосиф Борисович?! — проговорил он явно дружески. — Здравствуй. Ну вот, наконец я выполнил свое обещание — такого орла к тебе направляю. Да, одного. Где же их возьму? И этого отдаю под свою ответственность, начальство узнает — быть мне на ковре. Сам знаешь, как с этим кадром... Да, с курсов. Ну где я тебе готовых академиков возьму? А это будущий академик, не меньше Марра будет...

Капитан выслушал неизвестного Николаю собеседника, чему-то рассмеялся:

— Ладно, ладно, мне тут не до смеха, народу — в затылок стоят. Привет Ольге Николаевне, пусть зайдет к моей, если сами не можем, сидим за полночь. Бывай!

— Вот так! — снова повторил капитан, и голос его стал суше. — Вижу — недоволен. Ничего — потом благодарить будешь, если хорошим специалистом хочешь стать, а не только уметь спросить: «Как твоя фамилия?» Начальником у тебя будет майор Иосиф Борисович Марштейн. Много языков знает, ученый. Понял, с какими людьми служить будешь? Вот твое личное дело, — снова заклеил пакет капитан. — Как пройти к ним — дежурный объяснит. Тут неподалеку у них своя резиденция. Желаю успеха! — капитан поднялся и протянул руку Николаю.

«Сборы? Значит, опять учиться? Опять зубрить, запоминать», — тоскливо размышлял Николай, неторопливо шагая по прямым улицам военного городка. — Вот тебе и разведка. А ведь он и самбо занимался, стрелял отлично. И если там все такие, как этот новый начальник, то он действительно первоклашкой выглядеть будет. А ведь на курсах его хвалили, в отличниках ходил. Правда, где-то в душе было какое-то сомнение — поймут его японцы и он их в случае чего или нет. Живых японцев он еще ни разу не видел, только в кино. Вот отец, тот хорошо их узнал, когда в отряде Шевчука партизанил...

Нашли время, когда учебные сборы проводить. Даже странно. Зачем же их на курсах раньше на месяц выпустили и ни дня не дали, чтобы дома побывать? И проехал он мимо родного Хабаровска, немного побродив по вокзалу, да с площади посмотрел в сторону Казачьей горы, где стоял их дом...

Что события назревают важные — каждому понятно. Во всяком случае, для тех, кто около железной дороги живет, так даже очень. Сколько воинских эшелонов уже прошло на Восток по сибирской магистрали. С самолетами, танками, пушками. Поначалу хоть маскировали, а потом, можно сказать, в открытую. Их, факт, и самураи засекли. Граница-то местами чуть не рядом с насыпью железнодорожной проходит. Ну не рядом, а простым глазом все видно, без оптики. Заметались, наверное, самураи. Будет им пространство до Урала, как фашистам...

— Младший лейтенант! Вы почему не приветствуете старших по званию?

Николай оглянулся: его подзывал майор в авиационной форме, мимо которого он прошел.

— Виноват, товарищ майор! Извините, задумался, — густо покраснел Николай.

Майор окинул его взглядом и заметил в руках знакомый каждому военному пакет.

— Только что назначение получили?

— Так точно! Прямо из отдела кадров, — виновато ответил Николай.

— Идите, младший лейтенант. И будьте внимательней. Не стоит новую службу начинать со строевой подготовки во дворе комендатуры. — Голос майора стал менее суровым. А может быть, вспомнил он и себя таким же молодым, в такой же ситуации.

— Слушаюсь! — облегченно вздохнул Николай, четко повернулся и пошел, стараясь поскорее отойти от случайных свидетелей этой сцены. Теперь он так старательно приветствовал всех офицеров, так четко и твердо печатал шаг, что на него даже оглядывались...

В дверь кабинета майора Марштейна, на которую ему показал дежурный старшина с погонами связиста, никакой очереди не было. Николай провел большим пальцем вдоль ремня, расправляя гимнастерку, проверил, как сидит пилотка, и чуть приоткрыл дверь: «Разрешите?»

В кабинете, у домашнего вида этажерки с книгами, стоял невысокого роста, худой, узколицый майор. Светлые, с рыжинкой, волосы, серые глаза и над ними высокий лоб. Хотя на майоре была тщательно подогнанная форма и на ремне в кобуре висел тяжелый «ТТ», он больше походил на научного работника, каким их представлял Николай. Это впечатление еще больше усилилось у него после разговора с майором. Манера разговора, то, как майор себя держал, выдавали в нем интеллигента научного профиля, который только временно, в силу обстоятельств военного времени, надел офицерское обмундирование.

Пригласив сесть, майор сразу же отложил протянутое Николаем личное дело и приветливо сказал:

— Личное дело я посмотрю позже. А сейчас расскажите подробнее о себе. Прямо как по анкете, только не так лаконично. Даже о том, почему вы поехали на курсы переводчиков.

Николай растерялся. Да что же рассказывать? Ну, учился в школе, закончил ее, а до призыва в армию еще год оставался. Год на заводе... Старейшем заводе города, где всю жизнь проработал его отец, да и дед, когда-то опальный солдат, которому не разрешили вернуться на родную Орловщину. Год... О нем можно только упомянуть, а можно рассказывать долго. У станков — половина

мальчишек и девчонок. Некоторые подставляли ящики — не хватало роста. Усталость делала свинцовыми руки, сгибала спину, и мать насильно заставляла отмывать руки от масла, эмульсии, металлической пыли. Или о женщинах, которых в цехе было большинство. С темными кругами усталости под глазами, со впалыми от недоедания щеками, они таскали тяжелые болванки, которые и мужчины с трудом подымали, и точили на станках снаряды. На тележках такие же пареньки, как он, вывозили их из цеха, но к концу смены все свободные места снова загромождались. Из цеха не уходили, пока не выполняли, перевыполняли военную норму. «Все для фронта, все для победы!» Этот призыв для Николая и всех на заводе был законом их жизни, имел свое зримое, осязаемое каждый день содержание. Ну как об этом расскажешь?

Потом повестка призывника. Слезы матери и сдержанное отцовское: «Ну ладно, мать. Хватит. Раз его черед пришел — надо идти. Я бы и сам, если бы взяли».

Чуть позже снова: «Ну чего ты, право. Вон и война в обратную сторону пошла. Гонят наши фашистов и в хвост и в гриву. Пока обучат его солдатскому делу, глядишь, и войне конец».

Войне, конечно, до конца было далеко. Отец это прекрасно понимал, но ведь что скажешь матери? А сам сыну никаких наказов. Только и сказал, положив руки на плечи: «Я в тебе сомнения не имею».

А Ленка? Из их подъезда, где всего четыре квартиры. Дом-то двухэтажный, насыпной. И работали в одном цехе, только она на штамповке. Да и ничего между ними не было такого. Даже поцеловались всего раз, когда прощались. Она подняла к нему лицо, силилась улыбнуться, но глаза вдруг заполнились слезами, и она, слегка прижавшись к нему, поцеловала, словно клюнула, и тут же убежала.

До этого ведь просто дружили, без каких-либо там ухаживаний. Что, разве нельзя парню с девушкой быть просто друзьями? Николая бесило, когда мать Ленки шутя иногда называла его мать сватьей. Мать нет-нет да и тоже затянет так, со значением, украинскую песню про рыжего: «Сам, рудый, руду взяв, бо рудую сподобав». Мать с Украины, а отец хабаровчанин. Мать, бывало рассердившись на него, говорила: «Дикорос ты дальневосточный».

А Ленка вовсе не рыжая, она золотая. В письмах он стал называть ее Золотинкой. Эх, надо было с вокзала попытаться к ней в цех дозвониться. Не догадался...

Три года, три долгих года Ленка аккуратно шлет ему письма. Лучше бы хоть раз фотографию прислала. Мать писала, что она стала красавицей и парни замедляют шаги, а то и что-то долго прикуривают около их подъезда. Был бы он дома, так эти типы бегом бы старались пробегать, а не то что прикуривали. Дал бы он им прикурить.

Потом батальон. В тайге, у сопки, как часовой стоявшей в дефиле широкой пади, что тянулась до самой границы. В батальоне смешение народов и возрастов. Что ни отделение или взвод — сплошные отцы и дети. Иногда дети — молоденькие ефрейторы — командовали отцами-рядовыми. Да еще как командовали.

К тому времени, когда Николай попал в батальон, на границе стало потише, хотя тоже, случалось, подымали ночью по тревоге, когда со стороны границы по пади доносились винтовочные выстрелы, пулеметные очереди. Бывало, что утром по дороге проезжали санитарные двуколки или машины с ранеными, а то и убитыми...

Потом Николая назначили в разведроту. Там все были молодые, крепкие. Правда, доставалось им больше других, после отбоя валились на нары и засыпали мгновенно. Нары в три этажа. На верхних зимой еще куда ни шло, а на нижних холодновато пришлось. Да, нелегкая служба была и на Востоке. Многие, и Николай тоже, писали рапорты с просьбой отправить на фронт. Некоторых посылали, из батальона целая рота набралась. Но в первую очередь посылали тех, у кого и личный счет мести был к фашистам за убитых родителей, погибших братьев. Эти рвались на фронт, не считаясь ни с чем.

Когда Николай стал уже ефрейтором, его вдруг вызвали к комбату. Хороший был комбат капитан Северцев. Немолодой — виски седые. Кадровый офицер.

— Вот что, ефрейтор Королев, — сказал комбат. — Служишь ты хорошо. Как и положено. Даже жаль расставаться с тобой.

«Неужели на фронт?» — обрадованно подумал Николай.

— Из тебя хороший разведчик получился, — продолжал капитан. — Решили послать тебя учиться.

— Учиться? — растерянно переспросил Николай.

— Да! Языкам учиться. Настоящий разведчик должен знать, хорошо знать язык противника. «Стой! Руки вверх!» — это может каждый зазубрить. Разведчику надо знать больше. Настоящему разведчику.

— Так я, товарищ капитан, — пересохшими губами от-

ветил Николай, — уже полгода, как учебник по немецкому зубрю. Из дому прислали.

— Знаю! — слегка хлопнул по столу ладонью капитан. — Поэтому мы и выбрали тебя. Если сам так упорно учишь, то на курсах и подавно. Только не немецким тебе придется заниматься. Насколько я знаю, там учатся японскому. Вот так!

— Товарищ капитан!..

— Что «товарищ капитан»? — чуть повысил голос Северцев. — К твоему сведению, товарищ капитан тоже подавал рапорт с просьбой отправить на фронт. Я восемнадцать лет в армии. Понимаешь? Меня восемнадцать лет готовили на случай войны, а я тут... Так надо! Ты самый нужный человек будешь. И не так уж долго придется ждать. Вот покончим с фашистами на западе... Их ось антикоммунистическая два конца имеет. Понял? Я тебе не только как командир подчиненному, а как коммунист комсомольцу... Надо!..

И ефрейтор Николай Королев, получив сухой паек и дорожные талоны, покатил, на этот раз пассажирским, до невозможности набитым людьми поездом в далекий сибирский город. В глубокий тыл, где не знали, что такое светомаскировка.

Не обо всем этом и не так подробно рассказал младший лейтенант Королев майору Марштейну.

Майор достал мундштук и вставил в него самокрутку. Не то спросил, не то утвердительно произнес:

— К нам, надо полагать, без особой охоты. Менять геройскую службу разведчика на неизвестно что. Вы представляете, чем вам придется заниматься?

— Так точно. Нам на курсах разъясняли.

— Знаю, как вам там объясняли, — усмехнулся майор. — У нас есть офицеры, которые закончили ваши курсы два и три года назад. Некоторые хорошими специалистами стали. Возможности для этого у нас самые благоприятные. Есть у кого поучиться... Вы назначаетесь инструктором, а используем как диктора МГУ — мощной громкоговорящей установки. Знаете про такую?

— Так точно! — поднялся Николай. Ему безразлично, на какую должность он попадет. Все равно получилось не так, как он рассчитывал.

— Правда, — добавил он честно, — видеть не приходилось.

— Увидите, — вышел из-за стола майор. — Ваша машина еще в пути. Экипаж — фронтовики. Кроме диктора, конечно. Немецкий здесь не понадобится. Тут, прямо ска-

жу, повезло вам, хотя придется потрудиться, чтобы вровень с ними стать. Жаль, время позднее, а вам надо устроиться, да и я занят — на совещание надо идти. Но мы теперь служить вместе будем. Желаю успехов, младший лейтенант! — протянул он узкую ладонь.

Капитан Гагаркин, к которому направил его майор, — высокий, худой, озабоченный человек с морщинистым лицом, встретил младшего лейтенанта Королева как давнего знакомого. Тут же вызвал сержанта и поручил показать место в общежитии и вообще снабдить всем необходимым на первый случай.

Уже засыпая, Николай долго ворочался на сенном матрасе и все иронизировал над собой: «Вот так, несостоявшийся разведчик. Попали вы как кур во щи — в дикторы. Можно сказать, в артисты, мастера художественного чтения. Для невидимой аудитории, которая вместо аплодисментов пулями будет награждать».

С такими невеселыми мыслями он и уснул...

Николай Королев заклеил конверт и задумался. Самое время подумать. В комнате офицерского общежития, где одна около другой стояло двенадцать железных кроватей, не спал только он. Сидя за облезлым столом, он закончил писать письма отцу с матерью и Ленке. Над столом висела неяркая электролампочка, обернутая газетой, чтобы не мешать тем, кто спал. С коек доносилось похрапывание, посвистывание, иногда сонное бормотание — обычные казарменные ночные звуки. Он к ним привык настолько, что просто их не замечал и они ему не мешали.

В комнате было душновато, хотя окна — благо второй этаж — открыты настежь. Возможно, к утру соберется дождь. Сегодня он получил письмо от матери, отец писал редко. Да и когда ему? Почти до двенадцати часов в цехе. Мать пишет, что он сильно похудел и начал сдавать. Но на заводе стало полегче. Те, кто пришел на завод в первые дни войны, те женщины, которых он знал, стали квалифицированными работницами, подростки-девчонки вымахали во взрослых девиц и сами уже могут обучить ремеслу других. Исчезли сверхурочные, рабочий день вошел в норму.

Вроде бы и война закончилась, но перед заводом встали новые трудности. Не вывозят уже из цехов на тележках снаряды и мины, завод начал снова мирное производство. А ведь такая перестройка тоже нелегко дается. Вот отец — старый кадровик и вынужден вместе с теми,

кто отдал заводу много лет, взять и этот груз на свои плечи.

Мать писала, кто уже вернулся с войны, а кого и след потерялся — ни похоронки, ни человека: «Пропал без вести...»

И в каждой строчке беспокойство за сына. Она, как и все дальневосточники, понимала — быть новой войне.

А что он мог ей написать? Жив, здоров. И все. Не напишешь же, что капитан из отдела кадров оказался прав — здесь есть такие специалисты, до которых ему как до неба. Ученые вроде майора Марштейна из Москвы, Ленинграда. Даже словари сами издали. Куда ему...

Единственно, когда Николай не уступал, а даже превосходил их, были часы строевой, огневой и физической подготовки. Даже смешно бывало смотреть на этих ученых мужей, как они старательно, но неумело отрабатывали строевой шаг, приветствие и прочие солдатские премудрости. Или как, покраснев от натуги, беспомощно болтались на спортивных снарядах. Даже сам майор Марштейн изрядно «мазал» по мишеням из пистолета, хотя и старался изо всех сил.

Сразу видно, что они не ели солдатской каши. Но, если говорить откровенно, не очень это и надо было им. Николай это понимал. И все же некоторые из них старались ничем не отличаться от кадровых офицеров. Как и многие, сразу получившие высокие офицерские звания, тот же майор Марштейн неукоснительно требовал, чтобы все делалось строго по уставу, чтобы никто, даже в мелочах, не упрекнул их в «гражданском» духе. Но, понимая, что сам даже строем по-настоящему командовать не умеет, майор Марштейн поручал это другим.

Конечно, много было людей вроде Королева. Тех, кто прошел путь от солдата до офицера. А были и такие, которые язык знали только разговорный, и то на бытовые темы. Народ это был пожилой, в отцы ему годились. Коренные дальневосточники.

Здесь было полегче, чем на курсах. Все-таки офицеры. Многие из них жили на квартирах, с семьями. Да и холостые личным временем сами распоряжались. Хоть на танцы иди. Жаль только, времени этого мало было. Не подготовишься к занятиям — и будешь на следующий день кровью наливаться от стыда. Или ляпнешь во время разговорной практики такое, что все осклабятся до ушей. Поэтому Николай ни разу и на танцы не рискнул, хотя товарищи его не раз приглашали. К тому же танцевать он согласился бы только с Леной.

Письма от нее, не в пример родительским, он хранил, даже нумеровал. Ждет она его, это твердо. И карточку уже прислала. Да, мать права. Она и вправду изменилась, как Золушка. «Твоя Ленка» — на фотоснимке. Когда он получил это фото, так захотелось ее увидеть — сил нет. Чуть было не пошел к майору Марштейну попросить краткосрочный отпуск. Только сам понимал — невозможно это сейчас. А у него с Леной уже все договорено. При первой возможности они навсегда вместе. Она готова с ним хоть на Северный полюс.

Если бы он сейчас написал ей одно слово: «Приезжай» — примчалась бы немедленно и сменила фамилию на Королеву. Ну а вдруг начнется скоро? Что она будет делать здесь? Пусть уж лучше пока дома, под присмотром двух матерей. Что свадьба непременно будет, он матери уже сообщил.

Да и на войне все может случиться. То, что его могут убить, он не допускал, не верил, но мало ли что... Он даже в минуту откровенности поделился этими мыслями с соседом по койке капитаном Зотовым. Капитан почти три года пробыл на фронте. Он внимательно выслушал Николая, подумал и сказал:

— Не торопись, Николай. Понимаю тебя, но потерпи. Здесь все будет иначе. Уверен в этом. Такую силу собирают. Если бы в самом начале Отечественной у нас такой опыт, такая сила была, разве мы дали бы фашистам полстраны разорить, столько людей наших погубить?

И потом... Когда дома жена, детишки ждут, разные мысли одолевают. Которые мешают на войне. По себе знаю. Зачем это тебе?

Капитан Зотов учил японский еще до войны, на курсах, но с самого начала сумел вырваться на фронт. Год назад из-за этого же японского языка его отозвали с фронта и направили на Дальний Восток. У него наград несравнимо больше, чем у кого-либо на этих сборах. И держится независимо. Как-то строевые занятия он назвал несвоевременными. В отместку майор Марштейн следующее занятие поручил проводить ему. Капитан беспрекословно выполнил приказание, но остался при своем мнении. Но устав есть устав!

Ну разве напишешь обо всем этом отцу и матери? И Лене тоже нельзя. Никому.

Или написать бы о том, что он разговаривал с настоящим японцем. Главное; что японец понимал его, а он — японца. Он здорово тогда волновался. Ведь его и другие слушали. Значит, недаром учился. Теперь он еще с боль-

шей охотой зубрит иероглифы, слова, идиомы... Вот бы знать язык, как майор Ковыленко, который ведет с ними занятия. Ведь и не намного он старше Николая, на какие-нибудь четыре-пять лет. И учился здесь же, на Дальнем Востоке, во Владивостокском университете. А не уступит «ученым мужам» из столицы.

В последний год японцы притихли. Все реже и реже рисковали открывать огонь по нашим пограничникам. Поняли, наверное, что жареным для них запахло. Теперь и наши им спуску не дают. Не то время. Но, видно, здорово беспокоятся, все пытаются узнать, что у нас делается.

На сборах офицер-пограничник рассказывал, что японцы усилили агентурную разведку. Засылают агентов на нашу территорию. В основном китайцев. То заставляют, грозя расстрелом, не только несогласного, но и его семью, то опиекурильщиков, а те за порцию опиума готовы душу продать.

Задания таким дают самые пустяковые: зайти в нашу деревню, поселок, купить что-нибудь в магазине или просто свежую газету принести. Сознательно шлют на провал, чтобы загрузить пограничников, следственные органы, а в этой массе квалифицированному агенту легче затеряться, проскользнуть. А уж кто из посланных на провал оказался ловким и вернулся, тем потом задания посерьезнее. Иногда, чтобы встретить ценного агента, японцы пытаются нарушить нашу границу, чтобы отвлечь пограничников. Бывает, что японцы несут потери, в том числе и пленными.

В таких случаях офицеры-политработники получают возможность побеседовать с такими задержанными.

Случилось так, что для подобной встречи майор Марштейн послал в погранотряд капитана Зотова и Королева.

Поездка была интересной. В первый раз Николай оказался непосредственно на границе. И даже поначалу, когда ее им показали, немного разочаровался. Такая же падь с небольшим ручьем, как и те, которые он встречал раньше. Не зная, свободно можно забрести в Маньчжурию, если пограничники проморгают. Но внешне такая мирная, такая обычная падь в любой момент могла с обеих сторон ощетиниться стволами пулеметов и винтовок.

Японец оказался молодым низкорослым солдатом в куцем кителе зеленого цвета с узенькими поперечными погончиками на плечах.

— Ну давай ты начинай! — сказал капитан Зотов. — Мне уже приходилось с ними разговаривать.

Королев не ожидал этого и переволновался, наверное,

не меньше, чем этот японец, хотя, конечно, положение у них было разное.

Но все оказалось просто. Японец охотно назвал фамилию, имя, звание. Он все еще был потрясен, что его захватили. Их было пятеро, проникших на нашу территорию. Одному из них удалось ускользнуть. Старший из них — унтер-офицер — был убит в перестрелке, двое ранены, а его, оглушив в рукопашной, захватили. Пленный был немногословен. Он, дескать, выполнял приказ господина унтер-офицера и о том, что они на советской территории, не знал. Считал, что они отражают нападение русских. Отец мелкий служащий. Япония ведет справедливую войну за освобождение народов Азии от гнета белых империалистов, за лучший порядок в мире. Япония несомненно победит, императорская армия самая сильная в мире, поражения на Тихом океане временные...

Только дважды Зотов уточнил Королева, да и то при переводе ответов японца.

— Да... — протянул Зотов, когда они закончили, — этот самурай как фриц в начале войны. А может, еще похлеще оболванены они все. Пожалуй, только когда всерьез побьем их, начнут к нашим словам прислушиваться.

— Я только теперь понял, что как-то языком владею. И вас смущался, что ли, — признался Королев.

— Для этого тебя майор и послал. Он так всех молодых по очереди посылает, кому не приходилось с японцами говорить. Ничего не скажешь — умно.

— Неужели у них в армии все такие, как этот? Такие фанатично убежденные?

Капитан Зотов пожал плечами:

— Не думаю. Полагаю, и у них есть, кто не согласен умирать за императора и господство племени Ямато над миром. Но у них, наверное, таких еще меньше, чем у немцев. Ничего, как только расколотим самураев, как только их «непобедимая» империя себя битой признает, такое смятение в их умах должно произойти, что трудно сказать, чем это может закончиться. Так я полагаю.

— Неужели на своих островах воевать будут? — спросил Королев.

— Многого от меня хочешь. Они и сами, наверное, не знают, как дальше будет, если и мы начнем. Ведь и нам никто официально не сказал, что начнем. Только предполагаем. Зачем столько сил сюда наши подбросили? Так ведь? Ладно, не будем заниматься высокой политикой. Только еще раз тебе говорю, если здесь начнем, то война

по-другому пойдет, чем против Гитлера. Напомним самураям и Порт-Артур, и Цусиму, и гражданскую войну. Хватит, побезобразничали они, пора смирить их. — Капитан чуть усмехнулся: — Вот у меня на фронте ординарец был, я тогда ротой командовал. Голова у него с сединой, уже и внучонка имел. До войны он конюхом в колхозе на Рязанщине был. Мудрый такой дядька, степенный. И вот как-то после Минска, когда наш полк остановили передохнуть и пополниться, сидим мы с ним вечерком на берегу какой-то речушки, неподалеку от деревни белорусской, от которой одни только печки торчали. Сидим мы с ним, открыли американские консервы «второй фронт», и фляга со шнапсом у нас была. Выпил мой Макарыч, задумался так и говорит: «Думаю я вот, товарищ капитан, и такие мне мысли в голову приходят. Неужто и после такой войны люди в разум не войдут? Неужто и внуку моему, Петьке, воевать доведется?»

Понял? Еще война не кончилась, а он далеко в будущее заглядывал. Что его внука, Петьку, в будущем ждет. И не только о Петьке, о всем человечестве задумался. «Войдут ли люди в разум?..»

Вот и надо нам постараться, чтобы самураи тоже в разум вошли. Такая у нас задача. И чем лучше мы ее выполним, тем меньше крови наши прольют.

Капитан Зотов остановился, снял пилотку, поправил рукой каштановый чуб и покрутил головой:

— Что-то меня на высокий штиль потянуло. Ты же такого на сборах уже порядком наслушался. Ты заметил — те, кто фронт прошел, меньше высокопарных слов употребляют. Присмотрись и делай вывод. Я вот смотрю на тебя и себя таким вспоминаю. Я ведь не намного старше тебя. Воевать в твоем возрасте начал. Только ненамного старше, как говорят, по паспорту. Каждый год на фронте во много раз плотнее, чем мирный. Меня, наверное, жена и дети не узнают. В эвакуации они, в Сибири. Вызов я им послал. Может, повидаться успеем, какие у меня сыны стали, посмотрю. Ох, как хочется их увидеть!

Николай с удивлением слушал капитана. Всегда сдержанный, несколько замкнутый капитан впервые вот так открылся перед ним. А они ведь за одним столом на сборах сидят, койки рядом.

— А не опасно семью вызывать, если и здесь начнется? — спросил он.

— Нет. — В голосе капитана звучала убежденность. — Это в сорок первом и здесь было опасно. Не то время. Да и жена категорически требует. Она у меня бедовая. Если

бы не дети, наверное, раньше меня на фронте оказалась бы. Ладно, поговорили. Поехали! — закончил он, садясь в машину, и за всю дорогу не сказал больше ни слова.

Ну разве обо всем этом напишешь матери или отцу?

Королев устало потянулся, погасил лампочку и ощупью добрался до койки. Но сон долго не шел к нему.

Оказывается, диктор МГУ — это не мастер художественного чтения, как иронически он называл себя в первые дни после разговора с майором Марштейном. Ответственная должность. Прочесть текст листовки или обращения — это, оказывается, не все. Могут сложиться такие ситуации, когда сам должен будешь искать слова, мысли, аргументы, чтобы убедить тех, к кому будет обращен его голос, так могуче усиленный МГУ.

И это будет нелегко. Правители Японии здорово оболванили свой народ. Посильнее, чем Гитлер немцев. С детства воспитывают. В школе, юношеских организациях, учебных заведениях. Радио, пресса, кино — все бьет в одну цель — воспитать верноподданного солдата. И религия тоже воспитывает. Прав был майор Ковыленко, когда в лекции на сборах говорил: где, в какой армии так широко используют смертников? «Камикадзе» в воздухе, «кайтенс» на море, «никудан» на суше. «Божественный ветер» — так называют летчиков-самоубийц. Даже историю используют. Оказывается, когда еще хан Хубилай направил армаду кораблей со своей ордой, чтобы завоевать Японию, ее разметал по морю, многие суда потопил шторм, который японцы назвали священным ветром, ниспосланным богами. Теперь японские генералы и адмиралы сами пытаются создать такой спасительный «шторм» из самоубийц. Или эти морские смертники в подводных лодках-малютках на одного человека. Человек-торпеда, а назвали «Путь в рай». Прямой дорогой в святые, которые будут зачислены в нескончаемый список таких же «святых» в токийском храме Ясукуни. Или «живые снаряды» из пехоты.

Самое поразительное, что это добровольцы. Рабочие парни и крестьянские сыны. Что ими движет, что заставляет заранее обрекать себя на смерть? Попробуй обратись к таким, поагитируй.

А ведь по-разному и здесь, на сборах, об этом думают. Вот капитан Зотов не строит никаких иллюзий. «Только когда хорошенько лобьем, начнут к нам прислушиваться». Совсем другое твердил капитан Марсин: «Сила нашей правды, разгром Гитлера, неудачи японцев в войне на Тихом океане, бомбежка японских городов...» По его сло-

вам получается, что только расскажи об этом японцам, и они сразу — в плен.

Невысокого роста, упитанный, бледнолицый капитан Марсин был всегда чистеньким, каким-то отутюженным. Даже квадратные его очки сверкали ярче, чем у других. Очень заботился о своем здоровье, постоянно выпрашивал в санчасти витамины. Не курит и спиртного ни капли. Но китайский язык знает прилично, ничего не скажешь. И память какая-то удивительная. Прямо не человек, а энциклопедия ходячая. Даты, цифры, фамилии — хоть не проверяй. И голос не по росту, звучный баритон.

Но, Николай чувствовал, капитана недолюбливали. Может быть, за безапелляционность суждений. За плохо скрываемый снисходительный тон к мнению других. Или за то, что на любом совещании или собрании он всегда первым брал слово и произносил в общем очень правильные, но слишком высокопарные слова по любому поводу.

Все они были здесь разные. По возрасту, образованию, жизненному опыту и еще многому другому, из чего складывается человеческий облик, его внутренний мир.

В этой же комнате с двенадцатью койками о чем только не дебатировали перед сном. Иногда просто «травили» кто во что горазд. И, конечно, главная тема — будет или нет здесь война, какой она примет характер. Один из них даже утверждал, что не надо спешить, пусть американцы на собственной шкуре узнают, что такое настоящая война, пусть штурмуют остров за островом. Ведь они не торопились открывать второй фронт, когда наша армия, фактически одни на один, сражалась с немцами, кровью истекала.

Особенно отстаивал эту точку зрения старший лейтенант Анисимов, который где надо и не надо вставлял в свою речь любимое «ясно-море».

Высокий, даже долговязый, и обычно спокойный, он мог слушать какой-либо спор, долго не вмешиваясь, но зато вступал в него горячась, повышенным тоном. Так случилось и сегодня.

— Они, ясно-море, всю войну отсиживались, выжидали, последние пуговки на мундирах пришивали. А мы еще спасали их, когда они обделались под Арденнами. Они, ясно-море, своих больше в автомобильных катастрофах потеряли, чем на войне. Вояки...

— Значит, если будет приказ, вы, старший лейтенант, не согласны с ним будете? — внушительно произнес Марсин.

Анисимов даже сел на постели, сбросив одеяло:

— Ты, капитан, ясно-море, меня не провоцируй. Да

если приказ, я хоть сейчас. Раньше тебя готов буду. Я десять лет армии отдал и покидать ее не думаю. А ты, ясно-море, как все закончится, только тебя и видели. Снова на московских тротуарах туфли протирать будешь. Я тут, ясно-море, каждую сопку штурмовал. Два года на себе станок пулеметный таскал.

Он снова лег и почти спокойно добавил:

— У меня на фронте отец и брат погибли. В сорок третьем. Если бы твои американцы с англичанами пораньше второй фронт открыли, они бы живы остались. Вот так, ясно-море.

— Хватит, — раздался голос капитана Зотова. — Шире мыслить надо. Мы не только американцам, как союзникам, помогать будем, если прикажут. Всей Азии, ее народам. Да и их бомбы, падая на Японию, не разбирают, где самурай, а где женщина или ребенок. Вон американцы Дрезден вдрызг разбомбили, когда и нужды в этом не было. А война, конечно, не гулянка — понимать надо. Лучше давайте спать, — примирительно закончил он.

«Действительно, пора спать», — приказал сам себе Королев...

Эшелон, перестукивая колесами на многочисленных стрелках, переходах с колеи на колею, тихо подкатывал к Хабаровску. Длинная дорога всем надоела, надоела так, что Хабаровск ждали с нетерпением. Только там все могли узнать конечный пункт свой — кому куда. Надоела дорога и экипажу МГУ. Морозов даже выбросил кресло-качалку. Пусть она под конец пути не портит настроения педантичному начальнику эшелона подполковнику Корзуну. Даже Лотяну поскучнел и в последние дни не брал гитару в руки. Места пошли пустынные. На огромных пространствах ни деревушки, ни поселка. Только домики у разъездов напоминали, что эта земля обжита человеком, что и здесь живут люди.

Но потом деревни стали попадаться чаще, поселки пошли крупнее, железнодорожные станции обширнее: эшелон катил по Приамурью. Впрочем, экипажу МГУ это ничего не сказало. Они ждали Хабаровск, как моряки после дальнего плавания ждут порт приписки.

Эшелон затолкали на запасные пути грузовой станции, и вскоре к нему подкатили две автомашины — приехала группа офицеров во главе с полковником. Они вошли в классный вагон, в котором помещался «штаб» подполковника Корзуна, и понеслась, перекатываясь по

платформам, команда: «Всем командирам подразделений и старшим команд явиться к начальнику эшелона».

Вслед за остальными двинулся Морозов, разминая ноги, привыкая к неподвижности земли. До него очередь дошла не скоро, когда с некоторых платформ уже начала сгружаться техника. Но его МГУ осталась. В полученном предписании было указано: Приморье, политотдел Краснознаменной армии.

— Еще сутки ехать? — ахнул Лотяну, когда Морозов рассказал экипажу, куда они назначены. — Знаешь, старшой, вот побожусь, что, когда вернусь домой, женюсь и дети подрастут, непременно их свожу сюда, непременно на поезде. Пусть узнают, в какой стране живут. Ни конца ни краю! Разве по карте это поймешь?! Да... Правильно в песне: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». И сопок, и тайги, и даже не знаю, чего еще.

— И почти везде бараболя растет, — поддержал Якуб. — Живут люди.

Лотяну махнул рукой:

— Кому что, а Якубу лишь бы бараболя росла. Даже удивляюсь.

— Во чудак, — добродушно усмехнулся тот. — Да раз тут бараболя есть своя, значит, жить можно, значит, все растет, что человеку надо!

Вскоре эшелон начали переформировывать, платформу стали гонять с одного пути на другой. Хабаровска им толком посмотреть не удалось. Центр был далеко от грузовой станции. Она так и называлась Хабаровск-Второй. А раз не первый, то и смотреть нечего.

Когда поезд, в котором половину составляли грузовые вагоны, был сформирован окончательно, у платформы показался Доронин.

— Вы в Приморье, друзья? Тогда я с вами. Снова в армейскую газету назначен. Ну его к ляду, пассажирский. Там такая очередь к коменданту. Лучше я с вами. Примете?

— Как можно, товарищ лейтенант?! — первым стал помогать лейтенанту забраться на платформу Лотяну. — Да мы вас всегда с душой.

— Молодец, правильно решил! — обрадовался Морозов. — Веселее будет этот длиннющий путь закончить. Немного уже осталось. А обратил внимание, какая жара здесь? Вот не думал.

— Ничего страшного, — возразил Доронин. — Географию надо помнить. Хабаровск на одной параллели с Ки-

вом. А скоро мы на юг повернем. Там еще топлес станет. «И на Тихом океане свой закончим мы поход», — неожиданно пропел он. — Нет, нам просто повезло. Махнуть от Балтики до Тихого океана, «от хладных финских скал до стен недвижного Китая», как писал поэт. Перехожу на довольствие к вам. Кому отдать? — протянул он дорожные талоны для продпункта.

— Ему, — кивнул Якуб на Лотяну. — Он у нас самый моторный!

Лотяну взял талоны и тут же пожаловался:

— Не очень-то моторный. Что-то третий день живот побаливает. Вроде ел то, что и вы, а временами схватывает аж до пота.

— Дак это ты от смеха живот надорвал. Позавчера, — пояснил он Доронину, — наш Ванюша перед одной беленькой ну чисто как клоун выламывался. Ха-ха да хи-хи...

Лотяну только слабо усмехнулся.

— Что же ты молчал? Когда врач был в эшелоне? — построжал голосом Морозов. — Отдай талоны Якубу и ложись. Может, пройдет.

Не прошло. На воинской площадке Лотяну не смог сесть за руль и корчился, сжимая руками живот. Морозов сам свел машину и на ней же, несколько раз спросив дорогу, доставил Лотяну в госпиталь. Наверное, врачи и медсестры в первый раз увидели такую карету скорой помощи.

— Старшой, вещи мои сохраните. И не забывайте про меня! — попросил на прощание Лотяну, когда они поставили носилки в приемном покое.

— Не беспокойся, Ваня, — участливо заверил его Морозов. — Завтра же навестим. Не волнуйся.

Он был расстроен. Это надо же, не сохранил весь экипаж. Хорош он будет при докладе новому начальнику. И что с Лотяну? Отравился, что ли? Вот не повезло парню.

— Ну что ж, поехали? Газета, факт, где-нибудь около политотдела, давай с нами, — предложил он Доронину.

Майор Марштейн встретил Морозова приветливо.

— Давно ждем вас. Теперь мы имеем все, что нам по штату положено. Сегодня устраивайтесь, завтра тоже отдохните, а больше дать не могу. Обстановка не позволяет. У нас сейчас проходят сборы, и вы готовьтесь выступить, поделиться опытом, покажите МГУ в действии. Шофера завтра дадим.

И, заметив, что Морозов хочет возразить, добавил:

— Понимаю — фронтовая дружба. Обещаю, если ваш водитель скоро выйдет из госпиталя, снова назначим к вам. Где ваша семья?

— Я холост.

— А родители?

— Не знаю, — сдержанно ответил Морозов. — Они жили в Сталинграде.

— Понятно. Мои тоже чудом вырвались из ленинградской блокады. По льду Ладоги. Сейчас со мной. Поможем искать ваших родителей. Непременно.

— Спасибо! — поднялся Морозов. — Разрешите идти?

— Пожалуйста, — по-граждански ответил майор. — Капитан Гагаркин поможет вам.

«Вроде ничего мужик, — подумал Морозов. — Интеллигентный. Послужим — посмотрим».

Он только сейчас понял, как устал от нескончаемо длинной дороги, от томительного безделья, от неудачного конца путешествия, закончившегося госпиталем для верного Лотяну. Первое, что он спросил все знающего и всем ведающего капитана Гагаркина — «Где баня?»

Весь следующий день ушел на хлопоты по разным штабным службам, так что с отдыхом ничего не получилось. А еще на следующее утро, когда он и Якуб Гаврилович паковали, увязывали вещи Лотяну в два довольно больших узла, к МГУ подошел крепко сколоченный, приземистый солдат.

— Товарищ старший лейтенант, — сипловатым голосом проговорил он, поднося руку с толстыми пальцами к пилотке, — рядовой Подсосенко прибыл в ваше распоряжение.

— Водителем? — спросил Морозов, затягивая узел.

— Так точно!

Морозов посмотрел на него. Перед ним стоял пожилой, лет пятидесяти, солдат. Выправка у него была явно не гвардейская. Военная форма сидела на нем словно рабочая спецовка. Почти квадратное лицо с тупым носом. Из-под мохнатых бровей спокойно смотрели маленькие серые глаза. «М-да, — подумал Морозов, — пожалуй, по возрасту мне в отцы годится. Такого вроде и послать зачем-либо не всегда удобно будет. Не нашли кого помоложе прислать».

— Ну и ладно! Принимай хозяйство. Тебе, отец, приходилось водить такую? — закончил он шуткой.

Подсосенко опустил руку и с достоинством сказал:

— Я, товарищ старший лейтенант, уже поболе двадцати лет за рулем. И два сына в армии шоферят. Еще с

цепными передачами водил: «Заурер», «Лаур-Клеймен», «Паккард»... А это что ж, тоже знакомая. «Газ» с двумя ведущими. Только, ежели правду сказать, такого большого граммофона возить не доводилось.

— Граммофона?! — возмутился Якуб.

Морозов рассмеялся. Новый водитель начинал ему нравиться.

— Граммофона, говоришь? А что? Почти угадал. Ну-ка давай присаживайся, закурим для знакомства. Из каких мест будешь? Вот он, — кивнул Морозов на Гавриловича, — белорус, великий поклонник бараболи, я — волжанин, а Иван Лотяну, на место которого ты, молдаванин. Тоже геройский парень.

— Я из-под Владивостока. И отец мой тут, и дед жили у моря. Он еще молодым переселился с Украины. По правде сказать, переселили его под конвоем. Чего-то со старым режимом не поладил.

— Дома кто остался? — полюбопытствовал Гаврилович.

— Жена, дочки две. Одна уже вдовой стала. Погиб ее мужик под Новороссийском. Ну и внук Витька. Да бабу мою увидите, она на железке работает, проводником. Проведывает когда. Тут ее сестра живет.

— Слушай, — обрадовался Морозов, — выручай. Надо вот эти вещички куда-нибудь пристроить. Ивана Лотяну. Так, может быть, к сестре твоей жены можно? Нельзя их здесь дальше хранить.

— А что, свободное дело, — согласился Подсосенко. — В сохранности будут, ручаюсь...

— Не сомневаюсь! — Настроение Морозова поднялось. И этот пожилой человек стал ему еще более симпатичен. Он с утра ломал голову, придумывая, куда сдать вещи Лотяну.

— Значит, так, — поднялся он. — Завтра после обеда съездим к Лотяну, как он там со своим животом, а потом к твоей родственнице. Все! Давайте за дело, а я — на сборы. Буду свой уровень повышать. Так мне популярно объяснил один интеллигентный капитан в очках. Очень красиво говорил.

Занятия начались в большой комнате. Кругом незнакомые лица. Одни офицеры — от младшего лейтенанта до майора. Сидели плотно. Высокий, чуть сутуловатый майор читал им лекцию о японских колонистах в Маньчжурии, и Морозов был весь внимание. Майор читал интерес-

пенными передачами водил: «Заурер», «Лаур-Клеймен», «Паккард»... А это что ж, тоже знакомая. «Газ» с двумя ведущими. Только, ежели правду сказать, такого большого граммофона возить не доводилось.

— Граммофона?! — возмутился Якуб.

Морозов рассмеялся. Новый водитель начинал ему нравиться.

— Граммофона, говоришь? А что? Почти угадал. Ну-ка давай присаживайся, закурим для знакомства. Из каких мест будешь? Вот он, — кивнул Морозов на Гавриловича, — белорус, великий поклонник бараболи, я — волжанин, а Иван Лотяну, на место которого ты, молдаванин. Тоже геройский парень.

— Я из-под Владивостока. И отец мой тут, и дед жили у моря. Он еще молодым переселился с Украины. По правде сказать, переселили его под конвоем. Чего-то со старым режимом не поладил.

— Дома кто остался? — полюбопытствовал Гаврилович.

— Жена, дочки две. Одна уже вдовой стала. Погиб ее мужик под Новороссийском. Ну и внук Витька. Да бабу мою увидите, она на железке работает, проводником. Проведывает когда. Тут ее сестра живет.

— Слушай, — обрадовался Морозов, — выручай. Надо вот эти вещички куда-нибудь пристроить. Ивана Лотяну. Так, может быть, к сестре твоей жены можно? Нельзя их здесь дальше хранить.

— А что, свободное дело, — согласился Подсосенко. — В сохранности будут, ручаюсь...

— Не сомневаюсь! — Настроение Морозова поднялось. И этот пожилой человек стал ему еще более симпатичен. Он с утра ломал голову, придумывая, куда сдать вещи Лотяну.

— Значит, так, — поднялся он. — Завтра после обеда съездим к Лотяну, как он там со своим животом, а потом к твоей родственнице. Все! Давайте за дело, а я — на сборы. Буду свой уровень повышать. Так мне популярно объяснил один интеллигентный капитан в очках. Очень красиво говорил.

Занятия начались в большой комнате. Кругом незнакомые лица. Одни офицеры — от младшего лейтенанта до майора. Сидели плотно. Высокий, чуть сутуловатый майор читал им лекцию о японских колонистах в Маньчжурии, и Морозов был весь внимание. Майор читал интерес-

но, не заглядывая в конспекты, называя по памяти цифры, пункты, трудные японские фамилии.

— Японская военщина решила навечно закрепить за собой Маньчжурию. Она выработала колонизационный план на двадцать лет. В эту страну должен был переселиться миллион семей. Колонисты получали лучшие земли, отобранные у местных жителей, им давали большие субсидии. В принудительном порядке сюда высылали из Японии безработных и бродяг. Даже «отряды невест» присылали. Уже создано немало японских поселков, обнесенных колючей проволокой, с пулеметами на вышках. Все колонисты вооружены и каждый год участвуют в военных учениях. Поселки колонистов закреплены за дивизиями, обязаны снабжать армию продуктами питания, фуражом. В разведотделах дивизии есть специальные офицеры для руководства ими. Кроме того, колонисты обязаны вести слежку за населением, участвовать в карательных экспедициях, охранять железные дороги.

Но всякая ассимиляция категорически запрещена. Если японец женится на китаянке или японка выходит замуж за китайца, они немедленно высылаются в Японию. В поселках — полувоенная дисциплина, даже женщины обязаны проходить военное обучение. Старосты поселков всесильны, как армейские офицеры в отношении солдат...

Когда лекция закончилась, все шумно задвигали стульями, выходя во двор на «перекур». Морозов вышел вместе со всеми. Чувствовал он себя пока одиноко, но это его не стесняло. Он давно понял, что большинство собравшихся здесь, как говорят, «не нюхали пороху», награды имели немногие. Еще неизвестно, кто как себя покажет, если и здесь начнется. А что так случится, он уже не сомневался. В этой самой Маньчжурии, как он понял, тоже сложно придется. Императорская армия, войска Маньчжоу-Го, гражданское население, а тут еще эти японские поселенцы. И белогвардейцы еще. Вот уж никогда не думал, что с живыми белогвардейцами придется встретиться. Только в кинофильмах их видел. Оказывается, еще есть, сохранились. Там, на фронте, они бывали немецкими агентами, диверсантами, но встречаться с ними не пришлось. А тут, оказывается, есть целые части из них.

Мысли командира МГУ прервал чей-то радостный голос:

— Морозов?! Вот встреча! Надо же! — К нему шел, улыбаясь и издали протягивая руку, худощавый майор. Его рука оказалась неожиданно сильной, и Морозову при-

илось сделать усилие, чтобы ответить не менее крепким рукопожатием. В лице майора было что-то знакомое, но кто он — сразу вспомнить не смог. Заметив это, майор с укоризной подсказал:

— Крупников я. Помнишь, к вам в Десятую гвардейскую армию на стажировку приезжал. Капитаном тогда был.

Теперь Морозов вспомнил его. Второй Прибалтийский фронт тогда уперся в линию «Пантера», созданную немцами на реке Великой после освобождения Великих Лук и Новоржева. Ни наши не смогли сломить немцев, ни немцы отбросить наши войска. Шли изнурительные, кровопролитные бои с временными передышками. МГУ моталась с одного участка фронта на другой, работали каждую ночь. И каждый раз, когда начинали передачу, немцы открывали бешеный огонь, чтобы заглушить голос МГУ или уничтожить ее. Он тогда неохотно согласился взять с собой этого майора. Но об этом он не признается ему и сейчас.

А майор, искренне обрадованный встречей, рассказывал о ней остальным.

— Отправились мы тогда в двадцать вторую гвардейскую Ельнинскую дивизию. А на МГУ у него диктор был немец. Вилли. Фамилию не помню. Без контроля работал. Такой упитанный немец, вежливый, ужасно...

«Да, без контроля, — вспоминал Морозов. — Некому было контролировать. Игорь Пермин за две недели до этого погиб. И Вилли Хоссбах работал сам. Он был из тех, кто добровольно сдался в плен и полгода пробыл в лагере. Сам добровольно согласился быть диктором МГУ. Даже странно. Странно не потому, что немец согласился помогать им против своих. Просветлели мозги и у некоторых фрицев. Странно потому, что Вилли был трусоват и сам не скрывал этого.

— Очень неприятно, господин обер-лейтенант, погибнуть от немецкой мины или снаряда. Это было бы совсем несправедливо.

— Тебя никто не тянул сюда. Сам согласился.

— Это так, господин обер-лейтенант, сам. Потому что там, — кивнул он в сторону мерцающего света ракет на передовой, — есть такие, как я. Только я, господин обер-лейтенант, признаюсь — последнюю храбрость потерял, когда руки поднял вверх и закричал: «Гитлер капут!»

Поначалу не очень доверял Морозов этому немцу. И, когда тот читал текст обращения или передачи, Морозов контролировал его по копии. Попробовал бы только тот

слово лишнее сказать, как Морозов сразу же нажал бы на выключатель. А дикция и произношение у Вилли были отменные. Только через месяц пришлось возвратить его в лагерь — совсем сдали нервы у Вилли Хоссбаха.

— И вот, — услыхал Морозов продолжение рассказа майора Крупникова, — добрались мы до дивизии. Злые и голодные. Немцы мост разбомбили, пришлось ждать, пока восстановят. На звуковке в объезд рискованно было, тяжела машина. Остановились мы, как сейчас помню, под деревьями на поляне, неподалеку от политотдела, как я потом узнал. А лес такой чистый, не поверите — без единого комара.

Я было заторопился, а он, — показал майор на Морозова, — говорит: «Не торопись, капитан. Сначала перекусим. До ужина еще далеко, а раньше вряд ли что раздобудешь».

Я, признаться, даже разозлился на него, — рассмеялся майор. — «Ну и жлоб, думаю. Чего же до сих пор нас голодом морил, раз еда была». А он тут же командует немцу: «Побрить капитана!» Тот даже осклабился от удовольствия, на таблетках спирта согрел воды, усадил меня на пень и начал так это ловко брить. И смотрю я, друзья, — бегут с разных сторон поляны солдаты в юбках, с какими-то свертками в руках. Сели вокруг меня на пни, как сороки любопытные, и так меня рассматривают, что даже в краску вогнали.

Побрил меня Вилли, вытер лицо полотенцем и даже одеколоном освежил.

Поднялся я, — снова рассмеялся майор Крупников, — а все эти гражданки уже не на меня, а на него, — бросил он взгляд на Морозова, — уставились. А он этак важно на часы посмотрел и головой кивнул. Тут же ближайшая на пень к Вилли уселась. Я так растерялся, помню, что даже спросил у него:

— Неужто бриться будет?

— Да нет, — хохотнул он. — Вилли до войны парикмахером дамским работал в «Гамбург ллойд». На кораблях из Гамбурга в Америку плавал. Классный парикмахер. Вот он им сейчас такие прически и укладки сделает, как картинки девчонки станут. До вечера время есть, пусть делает. Они ждут его как бога. У них даже своя очередь заранее установлена. И знают ведь, когда приедем. Не иначе, с армейскими связистами консультируются. А заметил, какая дисциплина? Это уже моя работа.

Я даже головой покрутил, а потом рассердился. Как же так, говорю, до вечера. Сам поесть предлагал. И пере-

кусили мы тогда знатно. Даже шоколад и французский коньяк были. Так, старший лейтенант?

— Было дело, — скупо улыбнулся Морозов.

Встреча с Крупниковым снова всколыхнула прошлое, оно наплыло властно, возвращая к пережитому.

Да, Вилли Хоссбах был действительно великолепный мастер дел парикмахерских. И на окарине прекрасно играл. Вместе с Лотяну они целые концерты закатывали. Только кем станет этот немец, когда вернется в Гамбург? За кем пойдет? «Я никогда не занимался политикой, — признавался он. — У меня была прекрасная репутация, я хорошо зарабатывал. Мог даже подрабатывать на небольшой, извините, почти официальной контрабанде. Воевал потому, что приказали. У нас было строго. Чуть что — штрафная часть, а то и расстрел».

Когда возвращались «домой», Морозов обычно запрещал немцу показывать свое парикмахерское искусство. Неизвестно, как это могло воспринять начальство. Только один раз он сам же нарушил свой приказ.

Как-то Зайка, когда он похвалил ее пышные волосы, призналась: «Только для тебя сохраняю их, Алешенька. Знаешь как трудно их в порядке держать?»

И в самом деле, как он об этом не подумал? Ведь иногда и умыться толком бывает негде и нечем. А как же ей с такой копной волос? И хотя она нравилась ему именно такой и он любил гладить это светлое мягкое облако, решительно взял ее за руку и повел к МГУ.

— Вилли, — позвал он немца из машины и, когда тот вытянулся перед ним, чуть согнув руки вдоль туловища, строго проговорил: — Этой девушке надо сделать прическу покороче, но чтобы, понимаешь?..

— Яволь! Господин обер-лейтенант будет доволен. Это будет моя лучшая работа в России, — торжественно пообещал тот.

— Не надо, Алеша, — взмолилась вдруг девушка.

— Надо, — почти приказал он.

Вилли Хоссбах был, действительно, кудесник женской прически. Он только попросил Морозова уйти на полчаса, чтобы увидеть его работу в завершенном виде. Когда тот вернулся, торжественно подвел к нему Зайку.

— Я сделал все, что мог, господин обер-лейтенант. — Хоссбах понимал, что это не просто клиентка. Его строгий и довольно суровый начальник впервые сам привел девушку, обращаясь к его искусству. — И, признаюсь, мне было легко. Такая модель редко попадается мастеру.

Морозов буквально онемел. Это была Зайка, конечно

же она, в своей чисто выстиранной, туго перетянутой гимнастерке, в выцветшей юбчонке, сапожках с короткими голенищами. Но это была и не она. Вернее, она, но какая-то другая, какой она могла быть в другой жизни, а не здесь, на фронте. Короткая и с какой-то невиданной еще Морозовым укладкой волос прическа еще больше подчеркнула красоту глаз девушки, продолговатый овал лица, полукружия тонких бровей, высокий лоб.

Она стояла и, растерянно улыбаясь, вопросительно смотрела на Морозова.

— Иван! Зеркало сюда! — крикнул он.

Из машины быстро выскочил Лотяну с зеркалом в руках. Он, как обычно, хотел сострить, но, взглянув на Зою, замолк и торжественно поднес к ее лицу зеркало.

Девушка удивленно расширила глаза, прошептала растерянно: «Спасибо», — и медленно пошла к себе.

— Извините, господин обер-лейтенант, — прервал молчание Хоссбах. — Этой фрейлен не надо фронт. Она должна быть в кино. Колоссаль!

А через пятнадцать минут прибежала сержант Копылова.

— Эй, старшой, — с ходу начала она, — убирайся ты поскорее со своим немцем подальше. Наши девы сейчас штурмом вас брать будут. Это надо же, что с Зойкой сотворил. Ну как принцесса стала. Под венец бы ее сейчас. Нет, серьезно говорю, во всем нашем бабьем царстве настоящий переполох. Даже с дежурства рвутся.

— Может, и вы, фрау, очередь хотите занять? — мстительно съехидничал Лотяну.

— Мне это ни к чему, — гордо расправила мощную грудь сержант Копылова. — Меня и такую достаточно любят. А за «фрау» свободно можешь по морде схлопотать.

— Действительно, отъезжайте пока к нашей типографии, а я в отдел пойду, — скомандовал Морозов.

МГУ, слегка покачиваясь, тронулась с места, а сержант Копылова, протянув руку Морозову, с чувством произнесла:

— Ну, спасибо, старшой. Теперь я уверена — не обидишь Зойку. Нет, не из-за прически ее. По всему вижу. Как говорят: любовь вам да совет. Бывай.

И, уже отойдя, обернулась:

— Чтобы больше ни одной прически моим. Нечего баламутить их. И так от вашего брата не отобьешься, а то и совсем житья не станет.

Ах, Зайка, Зайка... Навсегда ты останешься в памяти,

в сердце, как рана незаживающая. Быстро нас с тобой война свела и развела беспощадно...

По окончании занятий дежурный вызвал Морозова к майору Марштейну. Кроме начальника отделения в кабинете находился младший лейтенант, которого он уже видел среди слушателей.

— Познакомьтесь. Младший лейтенант Королев будет диктором на вашей машине. Полагаю, сработаетесь.

Королев понравился Морозову. Крепкий парень и, по всему видно, недавно офицерское звание получил. На фронте, случалось, на одноразовый выезд в роли диктора выезжали с ним офицеры старше его по званию, и тогда Морозов чувствовал себя скованно.

— Разрешите после обеда проведать водителя в госпитале? — обратился Морозов к майору. — Беспокоимся.

— Пожалуйста, — согласился майор. — Только чтобы завтра не подвели. Многие еще не видели МГУ, не знают ее возможностей. И младшего лейтенанта послушаем, — кивнул он на Королева. — Какой из него Левитан получится.

— Все будет в порядке, — заверил Морозов. — Новый водитель уже есть. Да я и сам бы повел машину.

Когда они вышли, Морозов предложил:

— Пошли покурим, поговорим. Тебя как звать?

— Николай.

Когда они уселись у вкопанной в землю бочки, около которой стояла пара скамеек, Морозов продолжал расспрашивать:

— Давно звание присвоили?

— Неделю назад. Прямо с курсов сюда, — сдержанно ответил Николай, присматриваясь к Морозову.

— Понятно. Родители где?

— В Хабаровске. Отец на заводе работает. Кузнец. Мать дома. Мы коренные дальневосточники. Еще дед сюда перебрался.

— Женат?

Николай усмехнулся:

— Не успел. После школы год на заводе, а потом в армию. В разведроте служил. Оттуда и на курсы послали.

— А девушка есть? Которая ждет?

— Есть, — признался Николай. — И тоже рыжая.

— Это очень хорошо, когда есть кому ждать, — серьезно посмотрел на него Морозов. — А ты не рыжий, так, немного золотистый. Знаешь, как говорят: «Чем рыжее, тем дороже».

Николай растянул рот в улыбке. Настороженность прошла, и он почувствовал себя свободно. Этот фронтовик оказался совсем не гордым парнем.

— Мне это и мать говорила. Правда, не про меня, а про Ленку.

— Это та девушка?

— Да. У нас с ней полное согласие. Хоть сейчас может приехать. Только, думаю, не время сейчас. Подождать надо.

— Разумно, — согласился Морозов. — Только не надо очень тянуть. Любовь, она везде любовь. Даже на фронте. Да... Ты с МГУ знаком?

— Нет. Не приходилось. Что такое и для чего — на курсах объясняли.

Искренность и прямота младшего лейтенанта понравились Морозову. И то, что тот отведал солдатской службы, тоже.

— А как ты полагаешь, Николай, рады нам или нет, когда мы в часть прибываем? На фронте, конечно.

Николай озадаченно посмотрел на Морозова.

— Ну, наверное, должны с уважением, — неуверенно произнес он. — Это помощь. Ослаблять боевой дух противника и так далее...

Начальник МГУ иронически скривил губы.

— Это ты на курсах или здесь на сборах такого наслушался? В действительности, брат, не так. Не любят нас в войсках. На фронте, конечно. Ну сам посуди: по-настоящему работать мы можем, только когда фронт останавливается. Во время наступления редко когда удавалось. И вот, представляешь, ночь наступила, прикорнули наши славяне в окопах, блиндажах. Человеку и на войне отдых нужен. А тут заявляемся мы. Так и так, мол, прибыли немцам боевой дух подрывать, как ты говоришь. А немцы больше пяти—семи минут не дают нам, огонь открывают. Цели не видно, так они приблизительно, по площади шпарят. Свободно снаряд или мина в окоп или блиндаж попасть могут. Пропал отдых, а то и жертвы случались. Так чего же им радоваться нам? Понял? Бывало, старались и к соседу нас спровадить: нет подъездов, сплошные минные поля и прочее. Вот так, Николай. Нас только на митингах любят: далеко речи слышно. Или на отдыхе в тылу, когда музыку попросят.

Опять же, если по нас стукнут, то командиру части пиши объяснение, докладывай. Мы же армейского подчинения. Так что будь готов, с блинами нас встречать не будут.

— Да, — покрутил головой Николай. — Действительно... Вот уж никогда бы не подумал.

Морозов поднялся.

— Пошли обедать. Потом я съезжу в госпиталь. А ты давай к нам завтра с утра. Вместе подготовимся к выезду. Привыкнешь к аппаратуре. Потренируешься. У некоторых, когда впервые к микрофону попадали, голос сиплым становился. А то, может, с нами в госпиталь?

— Если не помешаю, — согласился Николай.

Сразу же после обеда они пошли к МГУ, которая стояла рядом с походной типографией. Николай обошел машину кругом, внимательно рассматривая ее. На кузове ясно были заметны пробоины, тщательно заделанные, но свежая краска выдавала их. «Фронтовичка», — с уважением подумал Королев.

— Шрамы рассматриваешь? — спросил наблюдавший за ним Морозов. — Не все и я их знаю. Вот этот, — показал он на почти незаметную пробоину, — на всю жизнь в памяти. Уже вдогонку, сволочи, ударили наобум, и осколок плюгавенький попал, а какого человека не стало. Был у нас диктором. Игорь Пермин. Профессор или будущий академик погиб. Вот так!

— Эй, Якуб! — повысил голос он. — Вылезай, познакомься с новым диктором. Теперь по-японски лопотать учиться будешь.

Из кузова вышел Гаврилович.

— Наш оператор сержант Гаврилович, — представил его Морозов. — Великий любитель бараболи, и если ты не любишь картошку, то в его глазах грош тебе цена. А где этот дальневосточный дед?

Гаврилович степенно пожал руку Королеву и неспешно ответил:

— Сейчас придет. Ну, скажу, старшой, мастер он. По всему заметно. Ни на минуту от машины не отходит. Все что-то перебирает да чистит. Только когда матюкнется тихо. Вот бы Ванюшка послухал. Этот машину не бросит, до девок не побежит.

— Ты Ивана не трогай. А дед этот, может, молодым еще похлеще за девками ухлестывал.

— Так я ж ничего. Только хотел сказать — справный нам водитель достался.

Королев слушал, ничего не понимая. Заметив его недоумение, Морозов пояснил:

— Наш водитель Ваня Лотяну заболел, пришлось пря-

мо со станции в госпиталь доставить. Вчера прислали нового. Пожилой мужик. Тоже дальневосточник, из Владивостока. Да где же он?

— А вон идет! — показал рукой Гаврилович.

Увидев командира, Подсосенко степенно подошел, держа под рукой плоский тонкий сверток. Так же медленно, приставив руку к пилотке, доложил:

— Я, товарищ старший лейтенант, за прокладкой к картеру отлучался. Вот, раздобыл, — показал он сверток. — Масло подтекает. Делов еще много. Опять же, поршневые кольца менять надо. Клапана стучат...

— Молодец, — похвалил его Морозов, чуть улыбаясь неистребимо штатскому виду, манере говорить, поведению Подсосенко. Это не солдат докладывал командиру, а рабочий мастеру, шофер механику гаража. — Только не сейчас менять будешь. В госпиталь съездим.

— То можно, — рассудительно согласился Подсосенко.

В приемном покое они узнали, что Иван Лотяну находится в хирургическом отделении. Их это встревожило. Дежурная — пожилая женщина — категорически отказалась их впустить: «Не положено. Приходите в приемные часы». Только после длительных переговоров она согласилась впустить их в коридор и позвать дежурного врача. Переваливаясь по-утиному, она медленно стала подниматься на второй этаж.

— Это как надо понимать, старшой, — обеспокоенно спросил Гаврилович. — Видно, резать Ванюху будут, раз сюда поклали, а может, уже и резали.

— Все может быть, — согласился Морозов. — Хирургическое. По себе знаю..

Вскоре послышалось шарканье шлепанцев, так же переваливаясь по-утиному, показалась на лестнице дежурная и, только усевшись со вздохом облегчения на стул, сказала:

— Дежурный врач вышел к начальнику госпиталя. Сейчас придет старшая медсестра — она пояснит, что с вашим больным происходит.

Еще несколько томительных минут, и по лестнице быстро спустилась молодая женщина, выше среднего роста. В ослепительно белом халате, в такой же белоснежной шапочке, из-под которой не видно ни единой пряди. По-азиатски удлиненные карие глаза смотрели строго. Она остановилась и, засунув руки в карманы халата, довольно сухо спросила:

— Что вы хотели, товарищи? Надо приходить в приемные часы. У нас с этим строго.

Тут же в глазах ее показалась растерянность, и она, сделав шаг вперед к Морозову, почти шепотом проговорила:

— Алеша? Алеша Морозов? Не может быть! Как ты меня разыскал?

Морозов тоже растерялся. Кто эта медичка? В глазах ее, в слегка вздернутом носике было что-то давно знакомое, но он не узнавал ее.

Заметив это, медичка топнула ногой и, смешно сморщив нос, прошипела: «У-у, противный!»

— Ника! — почти крикнул Морозов. — Извините, Вероника! Вот так встреча! Бывают же чудеса. Это надо же! А?! — И, обращаясь к остальным, быстро проговорил: — В одной школе учились, почти девять лет, только она в параллельном классе.

Дежурная неодобрительно смотрела на эту встречу, которая явно нарушала распорядок госпиталя. Поэтому старшая медсестра постаралась вновь принять серьезный вид:

— Если не меня, то кого же ты искал здесь, Алексей?

Морозов все никак не мог скрыть удивления:

— Водителя моего мы позавчера привезли. Ивана Лотяну. В приемном покое сказали, что он у вас.

— Знаю. В этот же день и оперировали. Еще бы чуть позже привезли, и мог бы... Аппендицит у него был гнойный. Теперь не меньше месяца пролежит. К нему сейчас нельзя, только через неделю. Напишите записку — я передам.

Морозов написал письмо с приветами от всех, адрес свояченицы Подсосенко, у которой будут вещи и гитара Ивана. И, конечно, заверения, что непременно еще придут и прочее, что положено в таких случаях.

— Может, он ответ напишет? — спросил он, отдавая письмо.

— Нет, — мягко проговорила медичка, — ему еще нельзя. Трудная операция была... Ты теперь здесь служишь или в командировке? Тем лучше. Нам непременно надо встретиться. Вот когда?.. В воскресенье после четырех сможешь? Чудесно. Запиши мой адрес. Я комнатку снимаю, сразу же за вокзалом... Извини, мне сейчас некогда.

И, уже попрощавшись и уходя, она вдруг обернулась и снова, на этот раз улыбаясь, прошипела: «У-у, противный!»

Когда они вышли во двор госпиталя, Якуб Гаврилович недоуменно спросил:

— Чтой-то она — «противный, противный»?

Морозов, все еще оглядываясь на дверь в хирургическое отделение, словно не веря, что вот так, внезапно, он встретил свою однокашницу, пояснил:

— Это еще когда в школе учились. Она такая тоненькая была, с косичками. Строгая. Отличница. А когда чуть заденешь, то она всегда вот так: «У-у, противный!» Иначе бы ее и не узнал.

— А она ничего, аккуратная.

— Якуб?! — даже остановился Морозов. — Ты ли это? Рассказать Лотяну — не поверит. Хочешь, познакомлю?

— Это не для меня, старшой. Свою разыщу. Всю землю обойду, а разыщу. Не такая она у меня, чтобы убить ее можно было.

— И правильно! Непременно разыщешь! — убежденно согласился Морозов.

Потом, обратившись к Королеву, он сказал:

— Якуб у нас мужик серьезный. Сколько вместе, он ни на одну с интересом не посмотрел. Из всего экипажа у нас только Лотяну кавалером был. Да и парень хоть куда. И на гитаре, и споет, и спляшет. Сам увидишь, если все в порядке будет.

Потом он молчал всю дорогу. Неожиданная встреча с Вероникой вновь обратила его мысли в прошлое. Вероника выделялась среди других девчонок серьезностью и отличной учебой. Вокруг нее пытались виться поклонники, но она быстро их отваживала. Даже на смех подымала. Иногда безжалостно. За азиатский разрез глаз он называл ее татаркой, а однажды — даже татарским ... А она его — не иначе как «противный». Была ли она красавицей, похожей на сегодняшнюю медичку? Не помнит. Рая Дарморез тогда заслонила всех. Косички и глаза только и помнит. На улице бы встретил — мимо прошел. Как она оказалась здесь с далекой Волги? Любопытно. Надо непременно зайти.

Когда прибыли на стоянку, он весело посмотрел на всех и заявил:

— А если нам вместе чайку попить? Здесь, в машине. Половина экипажа новые, для сближения, как говорят. Организуешь, Якуб?

— То можно. Счас кипятку добуду, а остальное тут.

Действительно, через пятнадцать — двадцать минут на покрытом газетой столике стояли четыре немецких фаянсовых чашки с сентиментальными рисунками, две банки

консервов. Подсосенко принес сушеной корюшки, которой его снабдила свояченица.

— У нас тут полное кухонное снаряжение, — объяснил Морозов Королеву. — Знаешь, как при выездах бывает? Если сам себя не обеспечишь, то и голодным можно остаться.

— Сюда бы того немца-парикмахера, — пошутил Королев, слышавший рассказ майора Крупникова о стажировке. —.Тут он бы тоже успех немалый имел.

— Немец здесь нам ни к чему. Чихать нам на него, а вот Лотяну, действительно, за столом не хватает. При нем не тот натюрморт бывал, — показал он на стол.

Гаврилович обиженно засопел носом и, нагнувшись, извлек флягу.

— Иван, конечно, парень хваткий, только и мы соображаем.

— Может, не надо, — засомневался Королев. — На сборах с этим строго.

Морозов удивленно посмотрел на него:

— Чуть-чуть можно. У нас в экипаже никто за спиртным не тянулся. Такого я бы сам выгнал.

Раздался стук в дверь.

Гаврилович быстро убрал флягу со столика.

Дверца открылась, и показался лейтенант Доронин.

— Привет славному экипажу громкоговорящей! Насилу нашел вас.

— Силен! — улыбнулся приветливо Морозов. — Настоящий газетчик, знаешь, когда появляться.

— Не подозревайте в корысти. Кто-то из древних говорил: «Каждый судит о другом в силу своей испорченности». Я, признаться, насчет Лотяну хотел узнать. Как там наш пожиратель женских сердец?

— Неважно. Оперировали его, гнойный аппендицит был. С месяц еще проваляется в госпитале. Да, познакомься: новый диктор младший лейтенант Николай Королев и водитель рядовой Степан Федотович Подсосенко, шофер с чуть не дореволюционным стажем. Разливай, Якуб, и поскольку за столом у нас полная демократия, то за тобой, Степан Федотович, как самым взрослым среди нас, первый тост.

Подсосенко солидно откашлялся, поднял чашку и сказал:

— Со свиданьицем!

Юрий Доронин восхитился:

— Великолепно. Коротко и ясно. Тоже разговорчивый товарищ, вроде Якуба.

А когда выпили и немного закусили, он атаковал Королева:

— Скажи про японцев. Какие они? Только лекцию не читай.

— А у них все наоборот, — решил пошутить тот. — Вот если мы машем от себя рукой, прощаясь, у них так к себе зовут. Даже на пилах у них зубцы в другую сторону, а наше слово «яма» у них означает «гора». Например, Фудзи-яма.

— А если всерьез?

— Насчет всерьез у других надо спрашивать. Невелик я знаток. В газетах пишут, что сражаются упорно, до последнего. Так было на Сайпане, Окинаве... Тебе бы на сборы к нам надо было прийти, раз интересуешься. Тут такие специалисты есть...

— Это точно. Солдаты они справные, порядки у них строгие. Офицеров своих больше противника боятся. Только насчет морозов слабые, — солидно вступил в разговор Подсосенко.

— Ну, удивил, Степан Федотович. Откуда знаешь? — спросил Морозов.

— А я их сам помню, только плохо, малый был. Зато батька мой покойный очень даже большой опыт имел против них. В гражданскую партизанил, а тогда этих японцев здесь было как комарья на мари. Попакостили они на нашей земле. Опять же Хасан... Я так считаю, что пора с ними поговорить насчет всего этого, бабки подбить.

— Глас народа! — поднял палец Юрий Доронин.

— Насчет гласа не знаю, — продолжал Подсосенко, — а в народе такое мнение. «На сопках Маньчжурии» слыхал? То-то. Нас, дальневосточных, так очень даже за сердце берет. И опять же, над китайцами изгаляются. Непорядок!

Доронин хотел было даже свою сумку открыть и тетрадь достать, но потом передумал — увидит и замкнется этот пожилой дальневосточник.

— Китайцев тоже видеть пришлось? — спросил он.

— Китайцев? Этих запросто. Китайцы, я тебе скажу, тоже разные. Вот когда дед еще был жив, так хунхузы, бандиты китайские, очень безобразничали. А потом в двадцать девятом белые китайцы с нами войну затеяли... Только большинство — мирные были, на заработки приезжали. У них всегда голодно было. С теми мы ничего, даже дружно жили. Только их старшинки давили сильно.

— Старшинки?

— Ну да. Они артелями работали. Так старшинки и

верховодили. Которые недовольны были — убить запрос-то могли. И концов не найдешь. Только правду сказать, опиум многие курили. Лучше бы, думаю, водку пили.

— Что-то ты, Степан Федотович, водку начал хвалить. Хрен редьки не слаще, — возразил Морозов.

— Не-е, не скажи. Водку можно и с умом пить. Опять же, если завлекла проклятая, то и бросить можно. А кто опиум начал курить, тот уже все. За трубку — брата, сестру продаст. Страшное дело. А водка, что ж. Вот выпили и поговорили как люди. Ума терять не надо. Вот обождите, скажу бабе — медовухи привезет. Есть у нас сродственник один таежный. Ну мастер ее варить. Побожусь — языки проглотите.

Юрий Доронин не выдержал, достал свою знаменитую сумку, а из нее тетрадь. И точно, как чувствовал — Подсосенко умолк. Но лейтенант уже остановиться не мог:

— А дед ваш откуда прибыл?

— С Екатеринославщины. Между прочим, пароходом полмира проехал, потом матросом ходил, а я так дальше Хабаровска и не побывал. Пойду я, — поднялся было он, — обещал один дружок масляный фильтр достать.

— Не торопись, — возразил Морозов. — И знаешь что? Вещи Ивана сам отвезешь. Нечего нам всем оркестром к твоей свояченице вваливаться.

— Один так один! — согласился Подсосенко.

— Да, — обратился Морозов к Доронину, — какая неожиданная встреча у меня была, когда Ивана ездили проведать. Представляешь, встретил одну соученицу по школе в Сталинграде. Такая малозаметная девочка была и такой красивой женщиной стала. Это же надо — на краю земли нашей встретились. На улице бы ни за что не узнал.

— Если красивая, то будь осторожен, — поднял палец Доронин. — Знаешь, что в их адрес Брем писал? Он утверждает, что гремучие и очковые змеи подобны женщинам: чем старше и некрасивее, тем безвреднее, и чем красивее и моложе, тем яд их губительнее. Вот так, дорогой друг, учти.

— И правильно он рассудил, — вмешался Подсосенко. — Мой покойный батя много в жизни повидал. По морям плавал. Так он мне не раз говорил: «Ты, сын, за красивой не гонись. Красивая баба в жены мало годится, а нашему брату так и ни к чему. Поедешь куда — все о ней думать будешь, не ухлестывает ли кто за ней. А такие завсегда найдутся. Красивую бабу даже дружку доверить — в грех вводить. А потом красивая за нарядами очень го-

няется, красоту свою возвеличивает. И, опять же, к работе хладнокровная, чтобы красоту свою не попортить. С красивыми гуляй, а женись на симпатичной. Главное, чтобы человек надежный был».

— Твой отец, Степан Федотович, был мудрец, — еле сдержал улыбку Доронин. — Хороший совет сыну дал. Но, с другой стороны, вряд ли кто теперь согласится с прежней деревенской моралью: «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить».

— Моя Дарья, — даже голос повысил Подсосенко, — очень даже симпатичная была. Да и сейчас баба справная. И прожили душа в душу. Я на нее полагаюсь как на себя. Опять же, двух сыновей и две дочки родила-выходила. Вот так.

«Молодец мужик, — подумал Морозов. — Хорошего водителя нам дали. К месту пришелся».

— Ну как, холостяки, — обратился он к остальным, — берем на вооружение завет отца Степана Федотовича или нет?

— Я — за! — согласился Королев. — Для кого, может, моя невеста и не очень покажется, а для меня красивее самой красивой. Я уверен — сколько угодно ждать будет. При первой возможности женюсь. Заранее всех приглашаю на свадьбу.

Сказал и смутился. Что это он разоткровенничался? Наверное, из-за выпитого. Он умолк, ожидая, что кто-либо проедется шуткой в его адрес. Но все к его словам отнеслись на полном серьезе.

— Спасибо, — ответил за всех Доронин. — Будет возможность — непременно приду на такое торжество. Свадьба! Красивое и емкое слово. Правда, Шопенгауэр утверждал, что жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности. Так что подумать прежде надо.

— Что-то тебя сегодня на цитаты потянуло? — прервал его Морозов, наливая в стаканы.

Доронин развел руками:

— Случается такой грех у меня. Но ведь для того и умные люди до тебя существовали, чтобы самому заново велосипед не изобретать.

Якубу Гавриловичу показалось, что начинается спор, и поэтому он решительно поднял стакан:

— Давайте выпьем, а то все разговоры про любовь. После войны этим делом займемся.

— Правильно! — поддержал его Морозов. — Сейчас неподходящее время. Давайте выпьем за супругу Степана

Федотовича. Пусть и нам достанутся верные подруги. А красавицы или нет — судьба решит.

Все дружно выпили, минуту-другую помолчали, занявшись закуской. Потом Доронин, без какой-либо связи с предыдущим разговором, покручивая стакан, задумчиво сам себя спросил:

— Все-таки интересно знать, что сейчас думают японцы?..

В воскресенье сразу же после обеда Морозов начал не спеша собираться к Веронике в гости. Королев и Подсосенко отнеслись к этому равнодушно, но Якуб Гаврилович с усмешкой посматривал на своего командира. Заметив это, Морозов с досадой произнес:

— Я же тебе говорил: соученица она моя по школе.

— Да я што? Я ничего. Обыкновенное дело, раз вместе учились. — И, критически оглядев его, непререкаемо добавил: — Награды надень. Не задаром они нам достались.

— Может, вместе сходим?

— А я-то к чему? Разговору мешать?

— Так она же тебе понравилась, — улыбнулся Морозов.

— Ну и што? — на полном серьезе ответил Якуб. — Такая баба, извиняюсь, женщина, хоть кому по душе придется, у кого глаза есть. Только знаешь ведь, есть у меня своя. И не такой я, чтоб перед каждой как петух крылом землю царапать. Ты же меня знаешь...

— Ладно, старина. Но привет я ей от тебя передам.

— То можно, — согласился Якуб. — А только с одним приветом ходить — весь наш экипаж подводить. Погоди, — нырнул он в машину и вскоре показался со свертком в руках, — на вот, сохранил.

Морозов развернул сверток: бутылка французского вина, баночка голландских консервов и плитка шоколада.

— Ну, Якуб, — положил он руки на плечи сержанту. — Удружил, спасибо. Откуда это у тебя?

Гаврилович замялся.

— Дак это еще когда... Держал на какой случай, вот и пригодилось. Думал, може Ивану, да раз его резали...

Ни Королев, ни Подсосенко не могли понять значимости подарка сержанта. Но Морозов это прекрасно знал. Хороший специалист, мужественный человек и надежный товарищ, Гаврилович был прижимист и скуповат. И это было у него не от жадности. Просто далеко не сытое детство, такие же годы учебы, необходимость считать каж-

дую копейку и позже — он был кормильцем большой семьи — сделали его таким.

— Ну, спасибо! — еще раз повторил Морозов и тут же спохватился: — Фу, черт, а фронтовой подарок? Как же я забыл.

Он поспешил в машину и из ящика достал солидный сверток. Перед отъездом на Восток командование сделало всем подарки: пакеты, в которых самым ценным были отрезы разной материи. Он вынес его и скомандовал:

— Ко мне, мужики! Якуб, отрежь сколько надо на платье по своему вкусу. Ты в этом больше разбираешься. И еще два куска.

Когда Гаврилович не спеша отрезал куски материала, Морозов протянул один Королеву, второй Подсосенко:

— Пошлите своим!

— Неудобно брать, — застеснялся Королев. — Фронтовой ведь подарок.

— Да кому я его хранить буду? — прервал его Морозов. — Некому! Все равно раздам. Не с барахлом же на войну, если придется. А ты, — повернулся он к Гавриловичу, — свой подарок отдай на хранение его овоячнице, — кивнул в сторону Подсосенко. — Так лучше будет.

— И то правда, — согласился тот. — На всякий случай адрес напишу.

Три пары глаз экипажа МГУ смотрели, как их командир с аккуратно завязанным свертком в левой руке зашагал к однокашнице в гости.

Впервые Алексей Морозов шел в этом новом для него городе вот так, не спеша, всматриваясь в его улицы, дома, прохожих. Город был небольшой, но прославленный по всей стране... Известный город, хотя и провинциальный. Гарнизон от города отделяла железнодорожная магистраль. Жители привыкли к частым гудкам проходящих поездов и маневрирующих паровозов, лязгу вагонных буферов, свисткам и сигналам сцепщиков, излишне громким объявлениям по радио, усиленным репродукторами голосам диспетчеров. И какая-либо мать, спокойно заснув под этот железнодорожный шум, просыпалась от негромкого голоса младенца. Человек ко всему привыкает. А разве на фронте в окопах и землянках не спали солдаты, когда немцы, так, на всякий случай, прошивали пулеметными очередями передний край или посылали мины? Спали. Да еще как спали. И так же мгновенно просыпались, услыхав команду.

Морозов поднялся на пешеходный мост через магист-

раль и остановился. Все пути станции забиты. И почти все с паровозами на юг: воинские грузы, машины, прикрытые брезентом. На север только состав пульмановских полувагонов, доверху нагруженных углем, да у перрона зеленый пассажирский поезд, который штурмовали пассажиры.

Внизу прошел еще один эшелон, пар и дым от паровоза поднялись клубами к мостику, окутали лицо Морозова и всех, кто проходил мимо. Он посмотрел на часы: время до четырех часов кончалось. Пора!

Домик, в котором снимала комнату Вероника, был, действительно, неподалеку от вокзала. Морозов нерешительно остановился у калитки: во дворе около будки не спеша, разминаясь, поднялся лохматый пес и не сводил глаз с Морозова: попробуй, дескать, зайди.

На крыльце показалась старушка: низенькая, полная, в платке, повязанном узлом под подбородком. Она погрозила пальцем псу, и тот охотно улегся у конуры; потом приветливо улыбнулась Морозову:

— Проходите, не бойтесь. Он только на вид злой.

— Спасибо. Я к Веронике!

Старушка еще шире заулыбалась:

— Знаю. Ждем вас. Она мне говорила. Это ж надо, такая встреча. Чего только на свете не бывает. Проходите.

Светло побеленный коридор, за ним дверь в маленькую прихожую, устланную белоснежными половиками домашней выделки.

Морозов остановился, не решаясь наследить.

— Та ничего, проходите. Вы же гость, гостю можно. Вот ее комната.

— К тебе, дочка, — позвала она квартирантку. — Мы вдвоем. Мой-то старик снова на работу пошел. Молодых в армию забрали, а так он на пенсии был.

В прихожей появилась Вероника.

— Здравствуй, Алеша. Ты точен — это хорошо. Давай сюда фуражку. Проходи ко мне.

Комната Вероники была маленькой: железная госпитальная койка, стол, этажерка, на которой, как он позже убедился, стояли книги по медицине, небольшой шкаф и два стула. На единственном окошке висела марлевая занавеска.

— Что рассматриваешь? Небогато живу, да? — спросила Вероника.

Морозов отшутился.

— Смотрю, где приданое.

— Неужто сразу сватать пришел? — она округлила глаза.

Алексей внимательно посмотрел на нее. Сегодня она выглядела совершенно иной, чем в госпитале. Возможно, госпитальная обстановка, белый халат, шапочка придали ей тогда строгий вид. Сейчас перед ним стояла молодая красивая женщина. Ростом пониже его, в цветастом платье, с обнаженными руками. В ней ничего не было от той тоненькой строгой школьницы с бантиками в косичках. Только коричневые удлиненные глаза напоминали ту Нику из школы на Тракторном. Как же она изменилась. В ней было что-то от волжских красавиц — статных, с высокой грудью, развитыми бедрами. Странно, почему она до сих пор одна? Об этом свидетельствовала вся обстановка комнаты.

— Садись, Алеша. Я быстро. И не говори, что ты уже обедал и прочее, — метнулась она из комнаты.

Алексей наблюдал, как она не торопясь, плавными движениями рук расставляла на столе скромные закуски: вареную картошку, соления — надо полагать, из запасов хозяйки дома, нарезанную и украшенную ломтиками лука селедку, немного консервированной американской колбасы. Потом она оценивающим взглядом осмотрела стол и извинительно произнесла:

— Чем богаты... Да, — спохватилась она, — я немного спирта выпросила. Устроим кутеж по такому случаю.

— Если даже со спиртом, то я каждый день буду приходить.

— Не выйдет. За все время первый раз попросила, да и то объяснила, по какому поводу. А ты что, увлекаешься? — Глаза ее чуть построжали.

— Нет, как говорят, не подвержен. Уставные рамки не перехожу. Фу, дьявол, — извинился он, разворачивая сверток и доставая припасы Гавриловича, — вот и мой вклад. Забыл было.

Вероника приняла их без жеманства, по-детски обрадовавшись шоколаду:

— Вот молодец. Я ведь такая сладкоежка была, даже от матери попадало. Ну, теперь у нас настоящий банкет будет. Мария Григорьевна, прошу к столу! — позвала она хозяйку дома.

Старушка не стала отказываться и охотно подсела к ним. Она посмотрела на них добрыми выцветшими глазами и, первой подняв рюмку с разбавленным спиртом, произнесла:

— Нам на здоровье, а ворогам на безголовье!

Чокнулись, слегка закусили. Хозяйка оказалась словоохотливой и, не давая никому слова сказать, выложила Алексею чуть ли не всю историю своей семьи. Потом она вдруг остановилась, засмеялась, прикрыв рот сморщенной рукой:

— Ой, что-то я, старая, совсем глупа стала. Все говорю да говорю. Как будто вам интересно. Потому что все одна да одна в доме. Старик бондарит на рыбокомбинате, до осени, Вероника все на службе. Поверишь ли, сынок, за полгора года ты первый гость у нее. Так я, старая, и добралась до нового человека. Извиняйте. Вот еще с вами рюмочку выпью и пойду отдохну. Чевой-то сегодня меня ноги плохо носят.

Она, действительно, скоро ушла к себе, Алексей сидел, не зная, с чего начать разговор. Вопросов было много, но снова он был мыслями там, в школьных классах и коридорах своего детства и юности.

Вероника, положив руки на стол, внимательно посмотрела на него и строго-требовательно произнесла:

— Теперь рассказывай! Обо всем. Мне все интересно. Как жил, воевал, за что награды. Кого любил? Женат или нет? Все подробности, как на духу!

Он не стал отказываться и начал свой рассказ с того дня, когда они, выпускники, пошли каждый своей дорогой. Говорил сначала скупо, лаконично, потом воспоминания захватили его. Память его, как мелкое сито, отсеяла все горькое, тяжелое. Получалось, что ему удивительно повезло на тех, кто был рядом. Он говорил не о себе, а о них. Рассказал об экипаже МГУ. Ведь это и вправду замечательные парни. Только о Зайке ни слова. Это его святое, только его.

Когда он умолк, Вероника бросила на него быстрый взгляд:

— Ты добрый человек. Некоторых война ожесточила — я знаю. А почему один?

— Так война же. До войны военное училище, потом фронт.

— Ну, знаешь сам, и на фронте были, кто новыми женами обзавелся, забывая о тех, кто их ждет. Полевая походная жена. Придумают же такое. У нас недавно лежал один майор, так он целую теорию в оправдание придумал. Даже то, что война наших женихов истребила и многие не по своей вине одинокими остались.

Она замолкла и вдруг убежденно произнесла:

— А Райка Дармороз дура была. Телка. Ух как я ее не любила. До сих пор ненавижу.

3*

Алексей такого не ожидал. Нет, Рая глупой не была, это Ника напрасно. Глуп был он, мальчишка, вообразивший себя мужчиной. Но спорить не стал.

— Куда она делась? — как можно равнодушнее спросил он.

— Не знаю. Она скоро исчезла с Тракторного. Кажется, в положении была. А, не хочу говорить о ней. А знаешь, когда я тебя в последний раз встретила? Когда ты в отпуск приезжал. Курсантом. Ты шел на Волгу с какой-то полной интересной женщиной. Я, дурочка, за сто метров тебе заулыбалась, а ты хоть бы бровью повел. Даже расплакалась с досады. У-у, противный!..

«С Катериной шел», — догадался Алексей. Тогда он, действительно, никого вокруг не замечал.

— Я бы и сейчас мимо тебя прошел и не узнал, — извинительно ответил он. — Ты же была такой тоненькой девчушкой, а сейчас...

— Что сейчас? — с лукавинкой спросила она. — Ты тоже вот сейчас... А был долговязик черненький. Ведь я была влюблена в тебя, Алешка, — вдруг призналась она. — И ненавидела. Райку бы растерзала на куски.

— Ну? — удивился Алексей. — Как же ты, такая кровожадная, медичкой стала?

Вероника вздохнула и откинулась на спинку стула. Глаза ее погрустнели.

— Не задалась у меня жизнь. После школы пошла учиться в медучилище. Я же с первого класса санитаркой была. Строгой. Недоучившись, замуж выскочила. Как? Почему? До сих пор не разберусь. Да ты его должен знать — Виктор Самохин, на год раньше нас школу закончил.

— Не помню.

— Он всегда на школьных концертах выступал. Всегда читал: «Да, скифы мы. Да, азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами». Это он про меня. Ну пусть раскосые, но разве жадные? Никогда жадной не была, — с обидой закончила она.

Алексей смутно вспомнил бледнолицего с длинным чубом парня, который, действительно, был непременным участником концертов.

— Он способный был, — спокойно продолжала Вероника. — В театр приняли. На сцене положительных героев играл, а в жизни такой мерзавец оказался. Плюнула я на него и подалась подальше. Прямо сюда. Санитаркой стала работать и медучилище закончила. Еще мединститут за-

кончу. Непременно, кровь из носу. Давай выпьем за это твоего иностранного.

Вино оказалось терпким, густым. Щеки Вероники раскраснелись. Она встала и открыла окошко.

— Что-то жарко стало. Давно я так не кутила. Ты куришь?

— Да!

— Так закуривай! — подала вместо пепельницы блюдце. — Дай и мне! — с чуть хмельной решительностью потребовала она, потом взяла папиросу и стала пускать дым, не вдыхая его. Курить она явно не умела.

— И больше не пыталась замуж? — спросил Алексей.

— А зачем? Фу, гадость, — положила она папиросу на блюдце. — Нет, Алеша, не пыталась и не хочу. Теперь сто раз подумаю. Обожглась раз. Поклонники есть. Тут их много. Женщины здесь мужским вниманием избалованы. Вот, мне рассказывали, даже хетагуровок позвали сюда. Невест не хватало. У нас одна санитарка недавно с запада приехала. Видная такая дивчина. Так она прямо говорит — за мужем. В их деревне даже заводчика не осталось. Сначала не поняла, а она потом пояснила — ни одного, понимаешь, ни одного мужчины, от которого ребенка можно было бы завести. Ужас какой.

— Да, — посерьезнел и Алексей. — Насмотрелся я горя. Жалко парней, которые полегли, и невест и матерей их жаль. Многие одинокими останутся. А как там наш Иван?

— Забавный, — улыбнулась Вероника. — Его еще с ложки кормят, а он уже ухаживать пытается. Вот, говорит, гитару принесут, все в него влюбятся.

— Вполне возможно. Он же из нашего экипажа. Геройский парень.

— Но, но! — погрозила пальцем Вероника. — Хвастать начинаете, товарищ старший лейтенант.

Потом она провела рукой по его наградам:

— Ты хорошо воевал, Алеша. Я бы на фронт не смогла. Крови я не боюсь, в хирургическом ее достаточно бывает, а вот оружия и выстрелов... У нас бы это чище сделали, — коснулась она пальцами шрама на его щеке.

— Некогда там было за красотой гнаться. Большая очередь была к хирургам. Страшная очередь.

— И больше ничего у тебя? — с беспокойством спросила она.

— Есть, — нехотя признался он. — Ножом один фриц пырнул. Все равно я его прикончил! — жестко закончил он.

— Непременно приди к нам показаться, — еще более забеспокоилась она. — У нас прекрасные специалисты.

Алексей погасил папиросу.

— Зачем? Зажило и ладно. Давай еще раз этого французского?

— Давай! — лихо пристукнула кулачком по столу Вероника. — И, пожалуйста, зови меня Никой, как тогда, в школе.

Алексей растрогался. Его одноклассница не только внешне изменилась к лучшему.

— Извини, Ника, — подчеркнул он. — Я вот тут принес, — вдруг застеснялся он. — Понимаешь, нам перед отъездом командование подарки дало. Так вот я...

Он развернул пакет с тканью.

— Вот... Возьми, пожалуйста. От души...

— Спасибо. Большое спасибо. Мы тут, по правде, пообносились. Но... Ты бы, Алеша, лучше матери с сестрой послал. У них, наверное, тоже туго с этим.

Алексей погрустнел.

— Потерял я их, Ника. Найдутся ли — не знаю!

— Господи! — поднялась вдруг Вероника, сжав ладонями лицо и испуганно глядя на него. — Что же мы про ерунду разную. Живы они, Алеша. Живы, милый. В Челябинске, на Тракторном.

— Не может быть! - задохнулся Алексей. — Неужели!

— Да! Они вместе с моей матерью там. В одном бараке живут. Сейчас же пойдем на почту, телеграмму дадим. Радость-то какая им будет.

Она заторопилась, засуетилась, сама неумело нахлобучила Алексею фуражку.

— А отец?

Вероника остановилась, увяла:

— Не знаю. И твой и мой в ополчение пошли. Не знаю, — прикрыла лицо руками и тут же спокойно: — Ну, побежали!

Возвращались с почты медленно, не торопясь; она властно и мягко взяла его под руку. Он был благодарен ей безмерно. Мать и сестренка! Нежданная радость. Он всегда верил, что они живы, но ведь они остались в Сталинграде. В Сталинграде! Это понимать надо. Такую огромную радость принесла Ника. Она шла рядом, улыбаясь каким-то своим мыслям. Весь этот клонящийся к вечеру день показался ему таким светлым, радостным. И улицы этого города такими уютными, тепло-провинциальными, тихими, хотя рядом по-прежнему ни на минуту не

стихал напряженный ритм великой железнодорожной магистрали. К чаю, настоящему, густо заваренному, они пригласили хозяйку. Та отказываться не стала и, узнав о том, что Алексей разыскал мать, долго ахала, приводила множество подобных случаев, о которых она слыхала от других.

Только поздно вечером Алексей стал прощаться. Вероника пошла проводить его до калитки и там, положив руку на грудь Алексею, сказала:

— Не исчезай больше, Алеша. Очень прошу тебя — не исчезай...

Глаза ее потемнели, обрели необычную глубину, и, посмотрев в них, Алексей растерялся:

— Ну что ты, Ника, — сжал он ее руку. — Как можно? Как ты могла подумать?

— Так ведь и здесь война будет — каждому ясно! Война! — потерянно проговорила она и с грустью взглянула на него.

— Да, будет. Только другая война, совсем другая. Мы все теперь другие. Сорок первый здесь не повторится. Здесь будет сорок пятый!

— Все равно война, — так же потерянно повторила она.

Она показалась ему такой беззащитной, слабой, испуганной, что неожиданно для себя привлек ее за плечи, и она, прижав к его груди голову, замерла, затихла. От ее каштановых волос исходил какой-то мягкий, теплый запах.

Первым опомнился он и, мягко отстранив ее, сказал:

— Ты когда будешь дома вечером? Помоги посылку отправить, я не знаю, как это делается.

— Какую посылку?

— Матери.

— А-а, — она потерла щеку рукой. — Извини, кажется, я выпила лишнего. Послезавтра приноси. Если задержусь, обожди, а если времени не будет, оставь. Только не исчезай.

И когда он уже открыл калитку, вдруг протянула:

— У-у, противный!

Алексей не выдержал и засмеялся, радостно, громко, как уже давно этого не делал...

Он еще два раза побывал у нее. Пили втроем чай, посемейному, как сказала хозяйка дома. Она же в основном и говорила, вспоминая свою долгую жизнь, жизнь коренной дальневосточницы, полную разных неожиданностей — и горестных, и радостных.

А потом поступил давно ожидаемый приказ: штаб армии и политотдел передислоцировались на запасный командный пункт в сопки, поближе к границе.

Перед самым выходом Морозов, явно нарушая порядок, но с единодушного согласия всего экипажа, прямо на МГУ заскочил к Веронике. Та же старушка-санитарка с утиной походкой мучительно медленно пошла звать старшую медсестру и потом только ахала, наблюдая, как всегда недоступно строгая гроза всего хирургического отделения стремительно промчалась к выходу и, выскочив на крыльцо, после нескольких второпях оказанных фраз сама обняла и поцеловала широкоплечего брюнетистого старшего лейтенанта. И так же стремительно умчалась наверх.

Старший лейтенант смотрел ей вслед, растерянный, с внезапно покрасневшим до шеи лицом. А рядом с МГУ стоял, понимающе ухмыляясь, ее экипаж. Эта немая сцена могла бы затянуться, как вдруг Гаврилович крикнул: «Глядите, Иван!»

За стеклом окна второго этажа была видна тощая фигура Ивана Лотяну. Он, жестикулируя, что-то немо говорил. Сзади него виднелся белый халат старшей медсестры. Остриженная круглая голова с оттопыренными ушами, казалось, пыталась разбить стекло, но его за плечи удерживали руки Вероники. Он понял, куда направляется МГУ.

Со слезами на глазах смотрел он, как его друзья, помахав ему рукой и что-то прокричав непонятное, сели в машину, и МГУ, так до боли знакомо покачиваясь своим высоким кузовом, плавно выкатила за ворота госпиталя.

— Ну что ты, милонький, — утешала его Вероника, — они еще приедут, пойдем, ляжешь, тебе еще рано столько на ногах. Пошли!

Он покорно, почувствовав себя таким слабым и беспомощным, шаркая растоптанными, большими, не по ноге, шлепанцами, придерживая рукой такие же большеразмерные кальсоны, покорно пошел к койке. Он лег, повернулся к стене лицом и до самого вечера не отвечал на вопросы соседей по палате.

А Морозов сидел рядом с Подсосенко и все удивлялся неожиданному порыву Вероники. Впрочем, ничего серьезного — решил он. Просто она догадалась, почему штаб и политотдел армии выдвигаются в сопки. И все же, он сам чувствовал это, теперь не сможет относиться к Веронике

по-прежнему, как к старому школьному товарищу. Какие-то нити протянулись между ними, заставляют думать о ней.

Командный пункт оказался в сопках, склоны которых были изрыты блиндажами, временными укреплениями различного назначения, где и подчиненные майора Марштейна получили свое строго определенное место. Их число значительно убавилось — сборы вчера спешно свернули, и большинство инструкторов разъехалось по своим соединениям. МГУ вместе с двумя специальными машинами походной типографии укрылась неподалеку под густыми, с непроницаемыми кронами деревьями.

Днем на командном пункте всякое движение было строго ограничено, и, глядя со стороны, трудно было предположить, что здесь укрылся большой штаб, что именно отсюда идут сейчас приказы, по которым снимаются с места дивизии, бригады, полки и, тщательно соблюдая маскировку, по ночам двигаются к границе. Они втягиваются в поросшие густым лесом пади, способные укрыть десятки армий. А днем дороги пустынны, и непосвященному человеку трудно было догадаться, что именно по этим дорогам стекалась огромная сила, которая сжималась, как тугая пружина, накручивая виток за витком, все туже и туже, чтобы в какой-то миг, по первой команде, развернуться, нанести удар неотразимой силы.

Каждый понимал, что день, час такой команды приближается. Ожидание всегда кажется длинным и томительным. Время будто замедляет свой бег, становится тягучим, каким-то неповоротливым. Это не значит, что многочисленные службы штаба, политотдел сбавили напряженный ритм. Трудностей и сложностей прибавилось. Но все же ожидание решающего часа поселилось, укоренилось у всех: от командующего до посыльного.

Из всего экипажа МГУ больше всех был озабочен Подсосенко. Он буквально не вылезал из-под капота, склонясь над работающим на малых оборотах мотором, или, подстелив ветки, копался под машиной. «Все будет в порядке, — успокаивал он сам себя и своего командира, — покрышки бы, правда, поновее надо бы, да где их теперь достать? Ну, если что, цепи надену, приготовил, как танк ходить будет». Озабоченным появлялся младший лейтенант Королев, бормоча новые японские слова, термины. Морозов и Гаврилович явно томились. Аппаратура была давно проверена, отрегулирована. Правда, майор Марштейн изрядно использовал их на дежурствах, но все

равно свободного времени оставалось достаточно. Якуб обычно садился писать письма на родину, продолжая разыскивать родственников, которые могли бы сообщить о судьбе его Наденьки. Морозов же все ждал письма от матери. По времени оно должно было прийти со дня на день.

Однажды, когда они оба отдыхали после дежурства, Морозов сказал Гавриловичу:

— Ну что ж, друже, похоже, пора нам свой «арсенал» проверить.

«Арсенал» был их тайной. Они знали, что это непорядок, нарушение, что нетабельное имущество и оружие надо было сдать, но сознательно не сделали этого. На дне ящика, под инструментами и запчастями, они хранили два автомата, запасные магазины к ним и несколько гранат. Один автомат им дал командир роты под Бобруйском, узнав, что все оружие экипажа составляло три пистолета и один карабин. Второй они подобрали сами во время стремительного наступления наших войск в Белоруссии.

Они заперлись в кузове, достали автоматы, разобрали их, почистили, смазали и снова собрали. Передернув затвор ППШ, Морозов удовлетворенно произнес:

— Порядок. В случае чего будет чем от самурайских смертников отбиться. А то ведь тут один такой очень правильный капитан, — вспомнил он неожиданный спор и слова капитана Марсина, — когда я сказал, что экипаж наш недостаточно вооружен, изрек: «Оружие добывается в бою!» Вот, брат, как! Только в бою, хоть с голыми руками в этот бой иди. Это в год сорок пятый!

— Дураки, они в разных званиях случаются. А тот наверняка бой только в кино видел, — зло произнес Якуб.

— Ты, как всегда, мудр, Якуб. В точку угадал.

— Так фронтовик такого не ляпнет, — рассудительно ответил тот.

— Японцы, как мне объяснил Королев, о таких говорят: «Пускают стрелы, когда нет врага».

— Во во, — ухмыльнулся Якуб, — а когда враг есть, то в штаны пускают.

— Не будем строгими. Может, и он по-настоящему себя покажет.

Гаврилович пожал плечами. Они вновь сложили оружие на дно ящика, довольные своей предусмотрительностью, и едва раскрыли дверь, как увидели лейтенанта Доронина.

— Здорово, орлы! Привет славному экипажу громкоговорящей. Давно вас, черти, не видел.

— Сам виноват. Почему не показывался? — упрекнул его Морозов.

— Все время на колесах, — развел руками тот. — Ух и поездил, до самого Тихого океана добрался. Ух, братцы, и земля здесь — диво. Даже лебеда такая растет, что человека на коне в ней не видно.

— Так в такой лебеде и самурая не заметишь, — прервал его Гаврилович.

— Но и ему тоже будет трудно нас засечь, — возразил Доронин. — Да... Я вот хожу, и все меня мысль одна донимает: что самураи сейчас думают? Что предпринимают? Знают ли, какая сила здесь против них собралась?

— Ты не одинок, — с иронией ответил Морозов. — Над этим и маршалы задумываются, да и в Москве тоже головы ломают. Ишь чего захотел узнать. Что сейчас думают самураи, мы узнаем позже. Непременно узнаем. Нам ведь по штату положено знать, иначе что же за пропаганда у нас будет. Узнаем...

Глава третья

Ефрейтор Сэнда Васиро удивился и заволновался, когда посыльный передал ему приказ немедленно явиться к командиру роты капитану Сато. От такого внезапного вызова он ничего хорошего не ожидал. Слишком большая дистанция отделяла в императорской армии любого ефрейтора от господина командира роты. И тем более его, Сэнда, который, увы, не внушал доверия командованию. С первых дней, как только его призвали и заслали в этот забытый богом гарнизон на самом востоке Маньчжоу-Го, он чувствовал, знал — каждый его шаг контролируется.

Капитан Сато тоже недоумевал: что же мог натворить этот ефрейтор, раз его под благовидным предлогом вызывают прямо в штаб дивизии? В роте он вел себя тише насекомого. Но ведь говорят: «Молчаливое насекомое стены точит». И главное — никак к этому ефрейтору не привяжешься. Больше того, он лучший стрелок в роте, приходится посылать его на полковые и дивизионные соревнования, да и на инспекторских не раз выручал. Хитрая бестия. Он и у живой лошади сумеет глаз вынуть. Ни одного крамольного слова, никакого нарушения устава.

Но, с другой стороны, если кто на чем недозволенном попадался, тех доставляли иначе — под конвоем. А этого... Тогда зачем? Может, родственники добились протекции? Похоже, у этого ефрейтора покровители есть. Это надо же, за пораженческие разговоры отделался только

призывом в армию. Тут задумаешься. Черти его занесли в роту капитана. Будто нет других частей в императорской армии.

Недоумевал капитан Сато, недоумевал и ефрейтор Сэнда, получив неожиданное приказание доставить пакет в штаб дивизии. Почему именно он? Почему, минуя штаб батальона и полка, прямо в штаб дивизии?

Вручая пакет и напутствуя, как лучше добраться до штаба дивизии, старший писарь, пройдоха, ловко играющий на слабостях командира роты, наставительно сказал:

— Получи новый комплект обмундирования — ты ведь будешь представлять роту его благородия капитана Сато. Потом, когда вернешься, сдашь. И, надеюсь, привезешь нам новости. Мы в этой глуши ничего не знаем.

Всю дорогу, трясясь в кузове грузовой автомашины, Сэнда продолжал мучительно размышлять о причине такой внезапной командировки и, уже подъезжая к военному городку, решил: «Будь что будет».

Дежурный по штабу, которому Сэнда сдал пакет, не скрывая любопытства, внимательно посмотрел на него и внушительно-строго произнес:

— Тебе надлежит явиться в шестой кабинет. Тебя вызвал господин поручик из генерального штаба. Держи себя, как положено ефрейтору нашей геройской дивизии.

Голова у Сэнда закружилась: из генерального штаба?! Зачем ему понадобился безвестный ефрейтор? Что все это могло значить?

Он с минуту простоял у кабинета, стараясь собраться с духом. Что ждет его за этой дверью?

Он четко отрапортовал сидевшему за столом поручику, который рассматривал какие-то бумаги. Офицер поднял голову и приветливо сказал:

— Рад видеть тебя, Васиро!

Сэнда задохнулся от неожиданности. Перед ним был Накамура — двоюродный брат его жены. Благодаря ему он и познакомился со своей будущей женой. Вместе с ним учился в школе, а затем в университете. Потом их пути разошлись. Сэнда, как лучший в выпуске, был приглашен работать в плановый отдел могущественной монополии Ясуда — одной из пяти дзайбацу, контролировавших главнейшие отрасли экономики страны, а Накамура выехал за границу. И вот неожиданная встреча. Теперь их разделяла непреодолимая для Сэнда дистанция в различии воинских званий.

«Как с ним держать себя? Каким стал? Зачем он меня вызвал?»

— Не ожидал? — спросил Накамура.

— Так точно, господин поручик!

Поручик чуть поморщился, потом посмотрел на стены кабинета и внушительно произнес:

— Мне поручено с тобой переговорить. Пройдем!

Он вышел из кабинета, спрятав бумаги в железный ящик, а Сэнда, как и положено младшему по званию, почтительно шел сзади. Они вышли из штаба и направились в небольшой скверик. Невидимые для других они заметили бы каждого, кто пошел бы сюда. Поручик уселся на скамейку, достал сигарету и, усмехнувшись, произнес:

— Хватит тянуться. Садись, здесь нас никто не увидит. В кабинете у стен могли оказаться уши.

Тяжесть свалилась с плеч Сэнда. Еще не веря, он растерянно улыбнулся и присел на скамейку.

— Это твоя жена поручила мне разыскать тебя и узнать, как ты здесь. Вот письмо от нее, — достал он конверт. — Прочти и сожги. Осторожность не помешает. А ты, оказывается, числишься в неблагонадежных? До сих пор не пойму, как так могло случиться. Ты, и вдруг неблагонадежный? Насколько я помню, ты никогда никакой политикой не интересовался, служил в такой могущественной фирме, был на хорошем счету. Даже бронь от армии имел...

Поручик посмотрел на ефрейтора и сокрушенно продолжал:

— Изрядно тебя запугали. Похоже, что и мне не доверяешь. Напрасно. Я только удачнее тебя сумел приспособиться к обстоятельствам. Так все-таки, как ты попал в число неблагонадежных? Я об этом мог бы узнать иначе, но зачем? Подлинную истину знаешь только ты.

Сэнда понурил голову. Стыдно признаться другу, какого дурака он свалял. Винить некого — сам виноват.

— Я всегда, — наконец начал он, — был и буду верноподданным императора. Но... Ты знаешь, что я занимался экономическими исследованиями. Мы составляли сводки и прогнозы развития экономики нашего отечества и других стран. И вот я с самого начала пришел к выводу — мы рано начали войну. Рано... Сам посуди, передо мной были не только зажигательные речи о превосходстве нашего духа, готовности сражаться не щадя жизни, покровительстве и благословении богов. Передо мной были объективные, неопровержимые данные по экономике, а

они говорили мне убедительнее речей наших военных и гражданских политиков — мы начали рано!..

И как я мог подумать иначе, если мы добывали нефти всего четыреста тысяч тонн, американцы же — почти двести миллионов. Мы — чугуна немного более четырех миллионов тонн, они — почти пятьдесят два миллиона. А еще Англия, Канада, Австралия и мало ли еще кто? К тому же мы еще с Китаем никак справиться не могли...

Сэйда взял протянутую поручиком сигарету, несколько раз глубоко затянулся.

— Да... Я, конечно, ни с кем не делился своими сомнениями, понимал — опасно! Началась война, и все как обезумели. И я тоже... Такие блестящие победы вначале. Нет, они меня не очень ослепили, но все-таки я заколебался, засомневался в неопровержимости цифр. И потом я, как и многие, надеялся на Гитлера, немцев, но после Сталинграда... А наши блестящие победы сверкнули, как фейерверк, и погасли. Да ты же лучше знаешь. Меня все больше стала точить мысль, что я был прав с самого начала, она не давала мне покоя. Но что я мог сделать? Что могли сделать подобные мне, если у его величества оказались плохие советники... В конце прошлого года наша компания получила очень выгодный заказ от интендантского управления. Очень крупный заказ, и, как бывает в таких случаях, мы вместе с господами офицерами из интендантского управления пошли в ресторан. Я выпил лишнего, и, когда один из этих военных господ начал пороть чушь о скорой и неизбежной победе, я не сдержался... На следующий день меня арестовали. Поверь — кто попал в лапы жандармам один раз, тот запомнит на всю жизнь... Еще легко отделался...

— Я, признаться, и подумал о подобном, — поручик говорил медленно, словно раздумывая над словами, — потому что ты и враждебная агитация... Может быть, — уже живее продолжал он, — сейчас ты куда бы легче отделался. Рухнул наш великий дух, хотя наши начальники всех рангов и пыжатся. Даже для камикадзе и то специальные самолеты делают, чтобы обратно сесть не смогли — так и так смерть. «Сто миллионов человек — одно сердце, одна воля». Так теперь призывают политики и наши стратеги. Нет одной воли, нет одного сердца. Есть сто миллионов, которые молят богов, чтобы выжить, чтобы все скорее кончилось... Да и как иначе? Они, сто миллионов, еще живут на японской земле, а неба своего у них нет уже. Оно стало американским. Только в мае американские бомбардировщики уничтожили в Токио шестьдесят

семь тысяч домов. Осталось больше трех миллионов погорельцев. За три часа они сожгли Иокогаму. Идет гигантская тотальная кремация...

— А как на фронтах? — играя желваками, спросил Сэнда. То, что рассказал ему родственник, казалось невероятным, хотя это была суровая, страшная реальность, которую он — один из немногих — предполагал давно.

— Как на фронтах? — На лице поручика появилась горькая гримаса. — Амэко приближаются к нам по нашим трупам. На Иводзима погибло двадцать три тысячи наших, на Окинаве семьдесят две тысячи. И так почти везде. «Разбились на куски, как драгоценная яшма», — так пишут в сводках ставки. Конечно, истинные потери знаем только мы, в генштабе. Поверь — много этой яшмы уже разбилось.

— Что же дальше? — угрюмо спросил Сэнда.

— Не знаю. Ничего не знаю. Не уверен, что это вообще кто-нибудь знает. Слухи ходят самые дикие. Вот наша служанка уверяла жену, что амэко непременно высадятся в Японии, что все японки немедленно будут обесчещены и им придется рожать детей с рыжими волосами. Поэтому, кто этого не желает, пусть скорее беременеют. Представляешь? Амэко высаживаются у нас, а их встречают сплошь беременные женщины. Трудная предстоит задача мужчинам, которые дома еще. За многих придется постараться.

— Ну, это уже абсурд.

— Абсурд? А ты знаешь, как наши вели себя в Китае, Бирме, Индонезии, на Филиппинах — везде, куда пробивались? Почему же их солдаты должны быть лучше? Война есть война, на ней всегда горе побежденным.

— А если серьезно? Мне не до шуток.

— Мне тоже, — уже раздраженным тоном продолжал поручик. — Кое-кто из высокопоставленных носится с идеей, что если амэко удастся высадиться в Японии, то продолжать сопротивление здесь и в Китае. И императорский двор сюда переправить... Удивительное дело, как мы, японцы, можем серьезно готовить самые нелепые планы. Вот раньше, еще до войны с русскими, один стратег предложил план завоевания Сибири женскими бедрами.

— Бедрами? Женскими?

Поручик даже улыбнулся.

— Да, да! Поскольку в Сибири было мало женщин, то предлагалось послать туда сто тысяч японок. Японки выходят замуж за русских и рожают детей, но воспитывают их в японском духе, а когда начнется война, то у

русских в тылу, от Урала до Владивостока, окажется наша армия в несколько сот тысяч человек. Представляешь себе?

— Опять шутишь! — недовольно прервал его Сэнда.

— А что остается делать? Вот я и приехал с целой группой чинов из генштаба, чтобы убедиться — можно ли сюда его величество в случае чего. Как вы тут?

— Что может знать ефрейтор? Командование уверяет, что если русские нападут, то дальше укрепрайонов не пройдут, все там полягут.

— Да? — иронически переспросил поручик. — Те самые русские, которые разгромили армию Гитлера, уничтожили все немецкие крепости и укрепрайоны, здесь не пройдут? Может, теперь мне привести цифры, что можем выставить мы и они? Да знаешь ли ты, что в вашей дивизии есть всего восемнадцать противотанковых пушек? Тоже духом собираетесь побеждать?

— Я всего лишь ефрейтор, — снова повторил Сэнда. — Мое дело выполнить приказ. Я как песчинка.

— Песчинка... Все мы, японцы, живем как в море — большие рыбы поедают малых, а малые — креветок. В большие рыбы мне не пробиться, тебе тоже, но я не хочу быть и креветкой, которую может слопать любая малая рыба. Я решил и должен выжить во что бы то ни стало. И тебе советую. Позже все болваны, которые втравили нас в эту авантюру, уйдут, и его величеству, отечеству, понадобятся люди дальновидные, такие, как ты и тебе подобные. Мы не должны допустить, чтобы и у нас началось то, что произошло в России после той мировой войны. Я, признаться, из-за этого тебя и разыскал.

— Выжить?! Да я шагу самостоятельно не могу сделать. Даже в сортире чувствую, как за мною следят.

— Тут я ничего советовать не могу, — устало ответил поручик. — У тебя неплохая голова. Я хотел только предостеречь тебя, чтобы сам добровольно в какие-нибудь «никуданы» не полез. — Он посмотрел на часы. — Больше не могу с тобой. Прочти письмо жены и сожги при мне. Для моего спокойствия. И отправляйся назад.

— Слушаюсь! — автоматически ответил Сэнда. Он опять почувствовал себя ефрейтором перед поручиком.

Когда Сэнда быстро пробежал письмо и тут же сжег его, поблагодарив родственника, тот встал и на прощание сказал:

— Когда будут спрашивать, зачем вызвал, скажи, что я беседовал с тобой по твоему делу, выяснял детали. Надо же было тебе сболтнуть такое. Храни тебя боги!

Поручик Накамура, нахмурившись, с важным видом зашагал к штабу. Сзади него почтительно шел ефрейтор Сэнда...

Он снова трясся в кузове грузовика, который, оставляя за собой густой шлейф пыли, неторопливо катил по узкой дороге, извивающейся между сопок, все вперед и вперед на восток, туда, где на левом фланге укрепленного района непрерывно совершенствовала окопы, блиндажи и дзоты рота капитана Сато. Рота, которая, оказывается, в числе остальных войск Квантунской армии, возможно, может стать последним щитом, прикрывающим его величество императора Японии.

Мысли Сэнда путались, перескакивая с одного сообщения Накамуры на другое, оценивая их, пытаясь из всего услышанного слепить какую-то общую картину. Эта картина получилась такой безрадостной, страшной, что Сэнда старался тут же забыть о ней. В письме жены ничего особенного не было. Она с дочерьми сразу же после его ареста перебралась к родителям, жившим в небольшом сельском городке, на который американцы вряд ли станут тратить бомбы. Обычные новости, и ничего опасного в них не было. Поручик не хотел себя компрометировать способом доставки письма — не больше.

Накамура всегда был более ловок, чем он, Сэнда. Может быть, даже дальновиднее. Во всяком случае, всегда его опережал. Даже в такое страшное время сумел попасть в генштаб. Это не джунгли Бирмы или Индонезии, не такой далекий от родины край, как Сингапур, где все, кто попал туда, вернее, кого погнали туда, полегли в безвестных могилах или так и остались лежать на растерзание хищных зверей, птиц, ползучих гадов.

Он очень благодарен родственнику за то, что тот сумел разыскать, увидеть его, предупредить по-своему. Предупредить? Но Сэнда еще тогда, в сорок первом, предчувствовал неизбежность поражения. Хотя нет, он и тогда не думал о такой катастрофе, о таких жертвах. Ведь всегда дипломаты, жертвуя многим, умели сохранить главное. Но боги лишили разума высокопоставленных, тех, кто распоряжался судьбами его соотечественников. Безумцы, решившие пожертвовать всем народом. Кому, какие дьяволы могли внушить мысль перебраться сюда, в Маньчжоу-Го, и продолжать битву здесь? За Японию без Японии? История свидетельствует о том, что иногда государства, потерпевшие поражения, потом возрождались в еще большем величии и блеске и громили бывших победителей.

Но кто же возродит его Японию, если все, поголовно все погибнут, сражаясь до последнего?

Сэнда с тоской посмотрел на поросшие редким лесом склоны сопок. Чужая земля, чужое небо, чужое солнце. И где-то на таком же склоне будет лежать его труп и трупы солдат его отделения. А ведь большинство этих солдат, мобилизованных из колонистов, верят и надеются, что именно они не пустят, остановят и уничтожат русских, если те нападут на Маньчжоу-Го. Может, они сами хотят в это верить? Они-то защищать будут не далекую Японию, а свои семьи, поселки, дома, поставленные на земле, отобранной у китайцев. И, может быть, они этих китайцев боятся не меньше, чем русских. Рабы всегда ненавидели господ, ненавидели люто, жестоко.

Он вспомнил слова Накамуры: «Выжить во что бы то ни стало». Как? Что он может? Разве где-то в глубине души не надеются тайно на спасение от гибели и другие? Вот и его солдаты запаслись амулетами, поясами из тысячи стежков, молитвами, зашитыми в мешочки. Рядовые, ограниченные люди, они теперь надеются только на милость богов. Неужели им не понятно, что безжалостные боги отвернулись от всего народа, и где им позаботиться о каком-то солдате, зарывшемся в земляную нору в этом богами забытом месте?

Сэнда не запасался амулетами, даже письмо жены он вынужден был сжечь. У него не осталось ничего — ни прошлого, ни будущего.

Грузовик замедлил ход, натужно взбираясь на перевал, за которым стоял штаб роты, где ефрейтора Сэнда ждут вопрошающий взгляд капитана Сато и назойливые распросы старшего писаря.

Во время недолгой встречи с родственником поручик Накамура не все сказал ему, а возможно, и сам не знал всего.

Правители его страны, оттягивая срок неизбежного поражения, не считались ни с какими жертвами их народа. В первый же день сорок пятого года японский премьер-министр хвастливо заявил по радио: «Настал благоприятный момент для победы в войне». Ему вторил министр иностранных дел Сигемицу, выступая в парламенте: «Мы не сомневаемся в нашей окончательной победе».

20 января 1945 года была принята «Общая программа боевых операций императорской армии и императорского флота», согласно которой весь японский народ должен был стать пушечным мясом. Предусматривалось «вооруже-

жить все живое на императорской земле» и воевать так, чтобы, «погибая, тянуть вместе с собой на тот свет и противника».

В апреле главная ставка распространила «Руководство для населения по ведению оборонительных боев».

В июне командующий армией, дислоцированной в Осака, откровенно заявил: «В настоящее время, когда в стране не хватает продовольствия и ее территория превращается в поле сражения, существует необходимость уничтожить всех стариков, детей, больных и слабых. Они не годны, чтобы погибнуть вместе с Японией».

Это были не пустые слова безумца в генеральской форме. На Сайпане японские вояки сами убивали японцев — жителей острова — или принуждали их к массовому самоубийству. На Окинаве солдаты врывались в дома, насиловали женщин, выгоняли их из выкопанных убежищ и сами прятались в них.

Даже дикие звери защищают своих детей. Но те, кто обрекал детей на гибель, о себе побеспокоились заранее. В самой отдаленной от моря местности — Мацусиро — по их приказу тайно строилась огромная подземная крепость, и в ней готовились они укрыться, пока японцы будут, «погибая, тянуть с собой на тот свет и противника».

Другие, как правильно рассказал поручик Накамура, планировали перебраться в Маньчжурию и продолжать войну.

6 августа в восемь часов пятнадцать минут американцы сбросили на город Хиросиму атомную бомбу. Больше половины жителей погибло сразу в момент взрыва, шестьдесят тысяч домов превратились в покрытые пеплом развалины. Но и атомная бомба не поколебала решимости правителей страны продолжать войну. В центре Хиросимы не было военных объектов, а гражданскому населению они и без того планировали тотальную гибель. На следующий день радио оповестило, что от новой американской бомбы можно спастись, если носить белую одежду и укрываться в убежища при появлении даже одного американского самолета.

Но об этом еще не знали ни поручик Накамура, ни его родственник ефрейтор Сэнда. Как раз в те часы, когда они беседовали в скверике около штаба дивизии, Хиросима пылала огромным погребальным костром.

Известие об атомной бомбе дошло и в сопки Приморья. Заявление Гарри Трумэна, переданное по радио

в тот же день, известило весь мир о создании нового оружия массового уничтожения.

Майор Марштейн принес полный перевод заявления американского президента члену Военного совета армии. Тот внимательно прочитал его, подумал и спросил:

— Ну и как самураи, испугаются, капитулируют?

— Думаю — нет!

— И я так думаю. Больше тебе скажу: господин Трумэн знает, что не было нужды жечь Хиросиму. Они так же сожгли Дрезден, когда мы из фашистов дух уже вышибли. Понял?

— Так точно. Догадываюсь.

— Как говорят, комментариев больше нет, — скупо улыбнулся генерал. Он поднялся, прошелся по довольно просторному для подземелья кабинету. — Одно скажу — только мы можем заставить японцев сложить оружие.

— Американская пресса не скрывает, что война может продлиться до весны сорок седьмого года.

— Знаю. Ваши сводки читаю. А на Сайпане и Иводзима наши союзники обожглись. Такое превосходство в силах имели. Подавляющее. И такие потери понесли. Ничего не скажешь, стойко самураи воюют. Даже когда сопротивление бессмысленно. Ну, а как твои? Технику всю получили?

— Так точно. Все положенное имеем.

— Добро. Учтите — Военный совет вашей службе придает большое значение.

— Спасибо. Мы постараемся.

Последние два дня донимал дождь. И, как это бывает летом в Приморье, обильный, крупный, иногда похожий на ливень. Небо то прояснялось, то вдруг снова заволакивалось свинцово-черными тучами. И даже когда, казалось, солнце успевало все подсушить, стоило только тронуть куст, ветку, как с листьев срывался дождевой сноп. Алексей Морозов даже удивлялся, что склоны сопок были все мокрыми, и сапоги чуть не по щиколотку увязали в сырости.

— Такие уж у нас сопки, — разъяснил Николай Королев. — Тонкий слой почвы, а под ней камень. Вот вода и не успевает впитываться. У нас много непохожего на другие места. Реки разливаются только весной и летом, а осень — самое сухое время года.

— Это так. По такой погоде с дороги не свернешь, — подтвердил Подсосенко. Он сидел рядом и чистил карабин.

— Послушай, отец, — пошутил Морозов, — а тебе приходилось из такой штуки хоть раз стрелять?

Подсосенко посмотрел на свет в ствол карабина, удовлетворенно хмыкнул и только потом ответил:

— А вот давайте попробуем всем экипажем, кто больше выбьет. Я свой солдатский срок отбыл, когда кое-кто еще у мамки титьку сосал. И всю жизнь, между прочим, отпуск зимой беру. А почему? Потому что в тайгу иду с ружьишком. Я тут все сопки облазил. Никогда с пустыми руками домой не возвертался. Так-то! — удовлетворенно закончил он и, вставив затвор, несколько раз передернул его. — Ничего, справный карабин, и спуск мягкий.

— Силен! — крутнул головой Морозов. — Ведь это он насчет нас с тобой просхался, — подмигнул он Королеву. — Может, посоревнуемся?

— Похоже, времени не осталось, не разрешат. Вчера я разведчиков встретил, к самой границе подались. Хлопцы — на подбор. Ей-богу, с ними захотелось, — признался Королев.

— Мало ли что кому захочется. Тебя не для этого два года заставили самурайскую азбуку учить, — примирительно ответил Морозов.

Он был в прекрасном настроении — сегодня он получил письмо от матери и сестры. Живы, здоровы. Мать даже наградили медалью «За доблестный труд»... Только от отца ни слова, о нем ничего не известно. Сестра уже станочница, невеста. Подумать только, беленькая Олька с жидкими косичками — уже невеста. Когда успела? А в конце письма привет от матери Вероники и приветы самой Веронике.

Как хорошо, что она встретилась ему. Как странно бывает: болезнь Лотяну, так огорошившая их всех, принесла встречу с Никой, а через нее отыскалась и мать. Ника! В эти дни томительного ожидания он все чаще вспоминает ее и не решается первым написать ей. Теперь он вправе, должен это сделать. Привет от матери и сестры обязан передать. О том, что он получил письмо от матери, давно уже знал весь экипаж.

— Да... — нерешительно протянул он, — надо бы Веронике привет от матери с сестрой передать, а я номера ее полевой почты не записал. И рядом, и не знаю как. Был бы Иван...

— А что Иван? — вдруг обиженно отозвался Подсосенко. — Подумаешь, задача какая. Да из госпиталя сюда каждый день санитарная ходит. Сегодня после обеда

туда снова пойдет. Пиши, старший лейтенант, сделаю это дело.

— Шофера всегда одна шайка-лейка, — подал голос Гаврилович.

— А как же! — охотно согласился Подсосенко. — Без выручки в нашем деле нельзя. Кто как куркуль себя держит, никогда настоящим шофером не будет. Не знаю, как где, а на Дальнем Востоке по-другому нет возможности.

— Ладно, патриот-дальневосточник, — согласился Морозов, — сейчас я напишу записку, и отправляй ее своей шоферской фельдсвязью...

Морозов сел писать, а Николай Королев вышел из машины и глубоко вдохнул напоенный сыростью, приглушенными лесными запахами воздух. Солнце пекло так сильно, что от каждой зеленой ветки, каждого листа, травы, открытой солнечным лучам, подымался заметный, искажающий перспективу след испарений. Умолкнувшие во время дождя птицы снова подали свои голоса, не обращая внимания на грозные машины, укрывшиеся под кронами деревьев, на занятых своим делом людей. Люди не трогали птиц, и те быстро к ним привыкли.

К своему стыду, Николай плохо разбирался в растительности, даже не мог определить всех деревьев. Конечно, такие, как береза, ель, кедр, тополь, осина, он знал, но это почти все. Типичный кругозор большинства горожан. Батальон, где он служил свой солдатский срок, стоял в почти безлесной местности. Куда ни посмотря — на сопках рос только низкорослый дубняк, который сохранял желто-красные листья до самых холодов. Они с треском горели в солдатских кострах на зимних учениях. А весной, в начале лета сопки голубели, розово синели в кипени багульника.

Он не хвастал, когда сказал остальным, что ему вдруг захотелось быть вместе с разведчиками, которых сегодня встретил. Конечно, теперь он хорошо понимает — ему поручено ответственное дело, нужное. Но... Разве можно сравнить его нынешнюю службу с работой разведчиков, которые всегда впереди, на острие штыка, как говорил их комбат. Туда берут отборных, самых ловких, сильных, способных в сотую долю секунды решить главный вопрос: кто кого. И разве им не нужен человек, знающий язык врага?

Но уйти с ними было не в его власти. И он не стал бы сам просить сейчас о переводе в разведчики. Он не может так поступить потому, что он поставлен на точно определенное место, специально готовился. Он не мог поступить

так и потому, что ему было бы стыдно перед теми, кто сидящие сейчас в кузове МГУ, они признали его своим, надеются на него. И сами эти люди пришлись ему по душе.

Вот если бы, размечтался он, выстроили всех политотдельцев и сказали: «Нужны разведчики-добровольцы!» — он бы первым сделал шаг вперед и тогда бы, наверное, ни командир МГУ Морозов, ни оператор Гаврилович, ни пожилой Подосеенко не смогли бы укорить его, и он бы мог с чистой совестью посмотреть им в глаза.

Николай посмеялся своим мыслям. Действительно, смешно, словно он снова стал школьником, мечтающим совершить подвиги буденновцев.

Из машины показался Морозов, за ним Гаврилович.

— Николай, — позвал командир МГУ, — пошли в столовую. А то опять от селедок одни хвосты достанутся.

— Потопали! — согласился Королев. — Как говорят солдаты: лучше пересесть, чем недоспать.

Они не прошли и половины пути, как Морозов остановился, внимательно посмотрел вокруг и сказал:

— Чует мое сердце, что в столовой сегодня будет много свободных мест. Похоже, загорать нам здесь осталось с гулькин нос.

— Ты так думаешь?

— Эх ты, разведчик! Да ты посмотри, сколько «виллисов» и мотоциклов собралось вон под теми деревьями, где машины оперативников и разведчиков стоят. И штабники чуть не бегом все. О своей рыженькой, наверное, замечтался. Или в мыслях вместе с разведчиками сейчас?

Николай Королев внимательно посмотрел вокруг, и хотя внешне вроде бы мало что изменилось, он после слов Морозова сам почувствовал, что пульс скрытого под землей штаба армии забился учащеннее, что нервы этого армейского организма более напряжены словно у человека, начавшего дело, которое требует отдачи всех сил.

— Похоже, ты прав, — с тревогой согласился он. — Может, сначала зайдем к начальству?

— Зачем? — голос Морозова был спокоен. — Учти — даже на войне главное для солдата вовремя поесть. А потом, дорогой друг, как это ни обидно, во время наступления нас с тобой дальше второго эшелона не пустят. Поверь моему опыту. В наступлении нужен огонь. Любого вида, как можно больше. И броня. У нашей громкоговорящей нет ни того ни другого. Я бы сейчас со всей душой пошел со взводом связистов, чтобы с теми, кто впереди всех. Ну да ничего, мы тоже понадобимся. Уверен. Хватит и нам работы. А пока пошли обедать.

Чутье фронтовика не обмануло командира МГУ. Вечером, когда с новой силой разразился дождь, всех политотдельцев собрали по тревоге. Боевая тревога была объявлена во всех ротах, батареях, эскадрильях, эскадронах, во всех частях и подразделениях советских войск, которые сконцентрировались на советской и монгольской границах с Маньчжоу-Го и Внутренней Монголией на протяжении более чем в четыре тысячи километров.

На огромной территории Маньчжоу-Го засела Квантунская армия — любимое детище японской военщины. О, они чувствовали себя очень уверенно. С запада природа поставила непреодолимую преграду — гигантский горный барьер — Большой Хинган, а перед ним безводная монгольская пустыня. С севера — широкие воды Амура, горы Малого Хингана, которому наименование это так же соответствует, как для Великого океана — Тихий. С востока — воды Уссури и самого большого озера на востоке — Ханка, хребты Тайпинлина, вековая тайга, болота. И уже несколько месяцев, как японцы уничтожили здесь дороги, переправы, минировали мосты, выгнали все живое подальше от границы.

Но не полагаясь только на силы природы, они построили мощные, современные укрепленные районы, каких еще не знали в Азии. Только безумцы попытались бы их штурмовать — так думали квантунские вояки. Пусть только сунутся сюда русские...

Начальник политотдела сообщил о заявлении Советского правительства, о том, что Советское правительство, верное своему союзническому долгу, присоединилось к Потсдамской декларации и этот акт Советского Союза является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции. «С завтрашнего дня, то есть с 9 августа, — говорилось далее в заявлении, — Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Затем начальник политотдела прочитал обращение Военного совета. Закончив, он обычным тоном сказал:

— Поздравляю вас, товарищи. Наконец наступил день, которого мы все ждали. Ждали годы, терпели наглые провокации самураев, теряли наших советских людей. У нас большой счет к японским империалистам. Он начат еще нашими отцами и дедами, защищавшими Порт-Артур, Советскую власть на Дальнем Востоке. Я уверен,

что все вы и все воины нашей Краснознаменной армии выполнят приказ Родины с честью. Прошу всех разойтись по местам и действовать согласно приказу. Майору Марштейну остаться.

Когда все разошлись, начальник политотдела закурил и, посмотрев на майора, сказал:

— Садись, майор. Когда мы окажемся на маньчжурской территории, все будет очень сложно. Без вас я буду как без рук. Я должен иметь информацию каждый день, где бы я ни был. Обращение командования к населению получили?

— Да. Уже разослали в авиацию армейского подчинения, в передовые отряды, инструкторам соединений. Сейчас печатаем дополнительный тираж.

— Добро. В общем, вы будете моим министром иностранных дел и советником, — пошутил генерал. — Если нужна какая-либо помощь — сразу ко мне. Вы же столько лет со своими орлами аккумулировали энергию, что должны каждый работать за двоих-троих.

И еще одно. Предупредите еще раз своих подчиненных, чтобы не лезли очертя голову куда не следует. Без излишнего геройства чтобы.

— Понятно, товарищ генерал.

— Ну, если понятно, тогда действуйте. Желаю успеха!

— Спасибо, товарищ генерал!..

На этот раз майор Марштейн повернулся четко, как настоящий строевик...

К вечеру дождь не утих, а ночью превратился в настоящий ливень. В темном августовском небе плыли тяжело налитые грозовые облака. Они пришли со стороны Тихого океана, нависли над сопками Маньчжурии, долиной Уссури, озерными просторами близкого Ханка. То в одном, то в другом месте вспыхивали ослепительно яркие молнии, гремели раскаты грома. Николаю Королеву вдруг подумалось, что это сама императорская Япония или боги, которым молятся самураи, прислали эти тучи, гром, ливень, чтобы остановить, напугать воинов его Отечества, которые сейчас полками, дивизиями двигались к границе в исходные районы для наступления.

Напрасные надежды. Это им не морская армада хана Хубилая, которую разметал по морю, перетопил божественный ветер — камикадзе, тайфун, спасший тогда от вторжения феодальную Японию.

Это шла армия, которая несла на своих знаменах идеи освобождения порабощенных, точно так же, как пронесла

она их по странам Европы, освобождая их от гитлеровской тирании. И нет силы, которая могла бы остановить наступательный порыв армии-освободительницы.

И еще подумалось Николаю, что ему удивительно повезло, что он тоже участник этого похода, что он тоже в числе тех, кто впишет в историю Отечества еще одну славную страницу. Он постарается быть достойным этого, если надо, и жизнь отдаст.

Потом он сам смутился, что ему пришли такие, по его мнению, высокопарные мысли. Но ведь это он говорил сам с собой. Не перед строем, не с трибуны. Он был даже рад предстоящей войне, хотя понимал, что в этой радости есть что-то эгоистическое. Ему будет потом что ответить своему сыну на вопрос: «Папа, а ты воевал?»

Он долго ворочался на нарах, уже упрекая себя за самомнение, «высокий штиль» своих мыслей. Не выдержав, он поднялся, тихо, стараясь не разбудить других, оделся, потом взглянул на часы — около полуночи. Накинув плащ-палатку, он вышел в темноту и дождь. На западе, на маньчжурской стороне, все еще распарывали черное небо зигзаги молний, доносились раскаты грома. Скользя, стараясь не упасть, Николай прошел к дороге, и еще издали, еще не видя ее, почувствовал массу людей.

Дорога и на самом деле была буквально забита. Почти впритык стояли танки, самоходки, грузовики, плотно набитые солдатами. Прикрытые плащ-палатками, плотно прижавшиеся друг к другу, солдаты в темноте казались чем-то единым, монолитно-целым. До Николая доносился шум голосов, иногда прерываемый словами каких-то команд, которые перекатывались вдоль колонны, словно много раз повторяющееся эхо.

Вдруг откуда-то впереди раздался непонятный крик, который приближался от машины к машине, все ближе и ближе. Наконец Королев разобрал: «Пошли!»

«Пошли! Пошли!» — этот клич понесся куда-то в темноту, вглубь. И младший лейтенант вдруг представил, как это «пошли» несется от самой границы в глубь Приморья, Приамурья, Забайкалья, Монголии и дальше, дальше до самой Москвы.

Взревели моторы, засветились подфарники и фары, закрашенные синим, стали видны большие белые круги на задних стенках грузовиков. Голоса стали громче, возбужденнее, кто-то торопливо карабкался в кузова. И как-то незаметно колонна тронулась, сначала медленно, потом набирая ход.

Николай долго стоял, чувствуя, как дождевые капли

забираются под плащ-палатку, как набухли сапоги. А машины все шли и шли. Танки сменяли машины с солдатами, тех — самоходки и пушки, покорно следующие за мощными тракторами. И еще, еще...

Поняв, что он так может простоять всю ночь, Николай Королев вернулся в землянку, быстро разделся и заснул быстро, словно провалился в сон без сновидений.

Утром экипаж МГУ увидел, как с сопок скатывались внезапно появившиеся ручьи, которые, сливаясь у подножий, мчались, как горные потоки. С дороги по-прежнему раздавался гул моторов. Дождь прекратился, но тучи, прерываемые светлыми, ярко-голубыми прогалинами, по-прежнему мчались откуда-то с просторов необозримого Тихого океана.

— Да... Погодка! На радость самураям, — зло проговорил Морозов.

— Не говори, старшой, — согласился Подсосенко. — И ведь какая штука, скажи на милость. Когда на Хасане бои были, такие дождищи разразились — ни пройти ни проехать. С самолетов жратву сбрасывали. Не иначе как самураи колдовать умеют. Помоги, Якуб, цепи надеть. С цепями мы, право слово, не хуже вездехода справимся. Опять же, лопаты и топор я припас, леса кругом много, из любой канавы выберемся.

«Нервничает. Ишь какой разговорчивый стал», — подумал Морозов.

— Давай, Николай, смотайся к оперативникам, узнай, как там наши.

«Как там наши?» — это было первой мыслью у всех, как только они проснулись. Они знали, что в полосе наступления их армии нет укрепрайонов японцев. Армия действовала в стыке между японскими крепостями. Но сама природа воздвигла здесь, казалось, непреодолимые препятствия: поросшие непроходимой мощной тайгой горы, болота, а тут еще проклятые ливни, когда каждый ручей, каждая речушка могли стать непреодолимыми. А по таким местам должны пройти не только танки или самоходки, но и такие машины, как их МГУ.

Высоко-высоко в небе с востока нарастал, становился все мощнее гул авиационных моторов. Морозов, Гаврилович и Подсосенко, задрав головы, старались увидеть самолеты в просветах между тучами.

— Вон они! — первым заметил Гаврилович. — Смотри сколько. Как под Кенигсбергом, помнишь, старшой?!

Эскадрилья за эскадрильей, строго придерживаясь

боевого построения, на запад устремились бомбардировщики. Выше их серебристыми точками обозначились истребители прикрытия.

— Сила! — уважительно и чуть восторженно произнес Подсосенко. — Эти дадут самураям по башкам.

— Ладно, — не выдержал Морозов. — Вы тут заканчивайте — и завтракать. Я — к начальству. Нашего диктора не дождешься! Поедите — и к машине.

— Добре, — согласился Гаврилович. — Только ты на младшего лейтенанта понапрасну. Чин у него маловат, чтобы ему сразу докладывали. Он мужик моторный.

— Ладно тебе, — примирительно согласился Морозов.

— А я на полчасика загляну к автобатовцам, — уже из-под кузова раздался голос Подсосенко. — Может, койчего добуду.

— Да ты вже столько разного натаскав, што новую машину можно запросто собрать, — рассмеялся Гаврилович.

— А если што, — возразил с досадой Подсосенко, — у кого я какую мелочь просить буду? У медведей? Так они со страху поразбегались. По такой погоде — едешь на сутки, а запасайся на неделю. Тут асфальта нету.

— Чего нет, того нет, — согласился Якуб.

— Все! Прения без меня заканчивайте! — решил Морозов, скатав плащ-палатку...

Майор Марштейн внешне был спокоен, хотя это давалось ему с трудом. Он рассчитывал, что чуть ли не с первых часов к нему начнет поступать информация от инструкторов соединений, его подчиненных, которых он послал в части. Особенно он полагался на капитана Зотова, которого послал в передовой отряд. Капитану-фронтовику было легче оценить обстановку, чем кому-либо другому из его подчиненных.

Но пока ни от кого ни слова. Поэтому у майора было ощущение, что он что-то упустил, что-то делает не так. Он уже узнал от оперативников и разведчиков, что передовые части продвигаются медленно. Не потому, что встретили жестокое сопротивление японцев, а потому, что чуть ли не каждый метр пути надо было прорубать, очищать, форсировать, настилать, чтобы проложить пути, по которым смогли бы пройти основные силы армии. Знал он также, что деревни, поселки, которых еще не достигли авангардные части, пусты, что японцы уже несколько месяцев как изгнали из них все живое, и поэтому в этот

день не могло быть контакта ни с одним жителем Маньчжурии даже у разведчиков.

Но это нисколько не утешало майора Марштейна, не умаляло беспокойства, которое он старался не показать никому. Поэтому он не особенно любезно встретил заглянувшего к нему командира МГУ.

— Что у вас? — спросил он.

— Все в порядке, жду команду.

— Команду? Я сам жду команду, — недовольно произнес майор. — А вам такая команда — никуда от машины, хорошо отдохнуть, а если ничего не изменится, вечером заступите на дежурство.

— Слушаюсь! — не сдержал улыбки Морозов.

— Не понимаю, что веселого для вас я сказал? — нахмурился майор. Он особенно щепетильно относился к фронтовикам, которых у него в подчинении было всего несколько. И он уже был недоволен собой, что ни с того ни с сего напустился на командира МГУ.

— Простите, товарищ майор, — извинительно произнес Морозов. — Так, один случай припомнился.

— Ну-ну, поделитесь. Присаживайтесь.

— Да так, ерунда.

— А все-таки?

— Был я, товарищ майор, командиром взвода. И служил у нас в части начхимом капитан Климов. Такой выдержанный, интеллигентный офицер. А как-то я его встретил и ушам не верю: идет капитан Климов и сквозь зубы матерится, да так это складно и забористо, что удивился я очень. Не выдержал, подошел и спросил, кто же довел его до этого. Мы с ним в хороших отношениях были. А он мне и говорит:

— Понимаешь, заладили меня дежурным по полку через каждые сутки. Только отоспишься, на бумаги все не успеешь ответить, как снова дежурить. Надоело это мне до тоски зеленой. И решил я обратиться к командиру полка. К нему, сам понимаешь, сейчас не прорвешься, ну я подловил момент, когда он из штаба вышел, и следом. Догоняю сзади и кричу: «Товарищ подполковник, я уже неделю через сутки дежурным по части. По службе не управляюсь...» И знаешь, что он мне ответил? Даже не обернулся, а так это рукой махнул и буркнул: «Скажи начальнику штаба, чтобы начхима назначил!»

Майор Марштейн засмеялся:

— Какая-то аналогия есть. Но ведь у вас, старший лейтенант, по службе все в порядке, сам только что доложил

об этом. А подежурите в счет будущего. Потом ведь не удастся вас поставить на него. Согласны?

— Так точно. Согласен,— поднялся Морозов.— Разрешите идти?

— Пожалуйста!..

«Сам напросился»,— досадовал Морозов, выйдя из землянки.

Погода, как говорят, разгулялась, и чистого неба было куда больше, чем туч. Морозов даже сощурился от яркого света, от солнечных зайчиков, которыми искрились каждая лужица, каждая капля воды. И по этим солнечным зайчикам, так что брызги из-под сапог, к нему бежал Николай Королев.

— Что случилось? — встревожился Морозов.

Круглое веснушчатое лицо младшего лейтенанта расплывалось в улыбке, глаза из-под рыжеватых бровей хитровато щурились.

— Чего сияешь, как надраенный котелок? — улыбнулся Морозов.— Можно подумать — очередное звание получил.

— Ну, звание еще надо заслужить,— перевел дух младший лейтенант.— А вот встреча у меня была...

— Что еще за встреча? — недовольно перебил его Морозов.— Я куда тебя просил сходить? А ты, как та коза за орехами. Подумаешь, встреча у него.

Но Николай Королев продолжал безмятежно улыбаться.

— В разведотделе и оперативном мне сказали только одно: «Прорубаются». И все. А встреча... Встретил я одну очень даже симпатичную медичку, которая интересовалась одним старшим лейтенантом брюнетистого вида. Вот так.

— Вероника? — смутился Морозов.— Как она здесь оказалась?

— Видно, судьба,— снова расплылся в улыбке Королев.— Их хозяйство теперь вон в том леске,— показал он рукой.— Пятнадцать минут хорошего шага. Я бы на месте кой-кого сходил. Когда еще удастся.

— Ты так полагаешь?

— И думать нечего! — убежденно ответил Королев.

Морозов минутку поколебался, словно решая, как поступить.

— Сходи! — даже подтолкнул его в плечо Королев.— Когда такой случай еще выпадет. Тем более в оперативном мне сказали, что сегодня наш второй эшелон никуда. Здесь пока припухать будем.

— Пойду! Я быстро! — решился Морозов.— Если что срочно, пошлешь за мной Якуба. Хотя, что может слу-

читься за полчаса, час. Спасибо! — протянул он руку Королеву, потом провел ею по подбородку. — Побриться бы не мешало.

— И так хорош, — не согласился младший лейтенант. — Иди!

Морозов поправил пилотку и напрямую зашагал к лесу. Новенькие просторные палатки были пустыми, еще ни один раненый сюда не прибыл, впереди с войсками были и медсанбаты.

Между палаток деловито расхаживали медички и врачи, еще не надевавшие белых халатов. Пожилые солдаты неторопливо возились, наводя чистоту вокруг. Вероники нигде не было.

Решившись, он остановил невысокую, кругленькую курносую медичку:

— Я вас очень прошу, позовите Веронику Сергеевну!

Та с откровенным любопытством осмотрела Морозова и только потом, явно довольная, согласилась:

— Сейчас. Обождите здесь. Она тут где-то.

Морозов отошел в сторону и стоял, чувствуя себя весьма неудобно. Проходившие мимо медички одаривали его лукавыми взглядами. Определенно, курносая раззвонила, что к их гордячке старшей сестре из хирургического пришел поклонник. И ничего из себя, симпатичный...

Вскоре из-за большой палатки показалась Вероника. Она торопилась и, увидев Морозова, устремилась к нему:

— Здравствуй, Алеша! — мягко взяла она его под руку и повела дальше от палаток. — Спасибо — пришел. И за записку спасибо. А то ведь подумала: не забыл ли меня?

— Вот видишь, не забыл, пришел. Правда, на несколько минут.

— Понимаю, — остановилась она. — Я ведь тоже сейчас занята очень. Но все равно очень рада. И мне от мамы письмо пришло. Там у твоих такая радость, такая радость...

— Как ты оказалась здесь? Хотя, что это я...

— Я сама напросилась.

— Миронова! — послышался от палаток громкий женский голос.

Вероника бессильно опустила руки.

— Ну вот, меня уже зовут, — потерянно произнесла она, взяла его руку, крепко сжала ее и шепотом, словно кто-нибудь мог подслушать, быстро проговорила, ищуще глядя ему в глаза: — Я .. я хотела быть поближе к тебе. Только ничего мне не говори, Алеша.

— Ника!..

— Пожалуйста, ничего не говори. Я боюсь... — И, закрыв глаза, закончила: — Поцелуй меня, Алеша.

В ее голосе прозвучала мягкая жалоба, такая непохожая на нее робость. Морозов осторожно привлек ее голову и мягко поцеловал полные губы. Тут же она, упершись ладошками в его грудь, отстранилась и так же, шепотом, чуть задыхаясь, проговорила: «Береги себя. Очень прошу — береги!..»

Морозов не успел опомниться, как Вероника скрылась за кустом.

«Да... Ника...» — проговорил он сам себе и медленно, обходя стороной госпитальные палатки, пошел к своей громкоговорящей. Пошел, чтобы, выполняя приказ майора Марштейна, подготовиться к очередному дежурству, как тот самый начхим полка, о котором он сам рассказал майору.

Короткая встреча с Вероникой снова нарушила его внутренний покой. Опять она его удивила. И опять женщина на войне просит его беречь себя. Перед ним снова неотразимо ярко предстала светленькая Зайка и искренне, до самого донышка сердца, ее: «Без тебя я не смогу жить...»

И снова он не мог до конца разобраться в своих чувствах. Ника, новая, не школьная Ника, правилась ему. Больше того, его влекло к ней все больше и больше — в этом он мог признаться себе. Он невольно связывал ее с таким радостным событием — живые мать и сестра, найденные с ее помощью. Уже одно это как-то связало его с нею. Да разве только это? Зачем обманывать себя. Какие они разные. Зайка — такая безответная, незащищенная, которую хотелось заслонить от всего. А Ника в этом не нуждается, она может идти рядом. И все-таки, как это хорошо, когда на войне есть кому сказать тебе от всего сердца, почти с мольбой: «Береги себя!»

Тучи окончательно исчезли куда-то на запад, стало ярко-светло и душно. Со стороны границы в небе показались бомбардировщики. Они шли в таком же четком строю. «Возвращаются», — догадался Морозов. Истребителей прикрытия не было. Не успели бомбардировщики скрыться за близким горизонтом, ограниченным гребнями сопок, как к границе с воющими звуками пронеслись эскадрильи штурмовиков. Тех самых, которых, как знал он, немцы называли «черной смертью».

«Видно, тонка кишка у самураев, — подумал он, — раз такая летная погода и ни одного японца в воздухе». И, по-

смотрев на зенитные точки почти на вершинах сопок, сам себе добавил: «Эти тоже, как наш экипаж, без дела».

Самолеты улетели, а с севера и юга доносился неясный гул. Там шел штурм укрепрайонов. «Вот где достается», — представил он мысленно бой там. Ему это легко было сделать, он видел, как штурмовали Кенигсберг. И никогда не забудет этого. Такое невозможно забыть.

Араки Танэго сидел на циновке, поджав ноги, вперив неподвижный взгляд в одну точку. Посторонний мог бы подумать, что он просто отдыхает — ничто не отражалось на его бесстрастном лице. Только тихо, боязливо суетившаяся в соседней комнате жена знала, что в душе ее мужа и господина бушует буря. О, она научилась угадывать его настроение, предугадывать его желания по одному только выражению глаз, шевелению бровей, даже по походке. Она торопливо готовила ему еду, а сердце сжималось от страха: вдруг она чем-то прогневила его и кара последует незамедлительно.

Но она ошибалась. Мысли Араки были далеки от этой женщины, его жены, матери его двоих детей. В голове ворочались более важные, тяжело-свинцовые мысли. Когда ночью над поселком громыхали громы, полыхали молнии, а дождь, казалось, вот-вот мог пробить черепичную крышу, он был спокоен. Такое в августе случалось почти ежегодно. Но утром, когда небо очистилось, он поначалу полагал, что гул издалека — это раскаты удалявшейся грозы. Однако гул не смолкал при чистом небе. С тревогой он бросился к телефону — единственному в поселке, чтобы узнать, что случилось, но аппарат был безмолвен. Может быть, линию повредила гроза, — так подумалось. Но когда в небе над поселком показались русские самолеты, он понял — война! И гул, который не утихал, не гроза, а отголоски битвы.

Самолеты пролетели, не считая нужным сбросить бомбы на дома поселка, у них, очевидно, были более важные цели. Он даже схватил винтовку и в ярости стал стрелять вслед вражеским самолетам, хотя понимал, что вреда им причинить не может. Он, староста поселка, должен был так поступить, чтобы показать другим пример мужества и стойкости.

Хотя кому показать? В поселке остались только старики, женщины, дети. Еще весной, сразу же после посевной, призвали всех оставшихся мужчин в армию, отряды охраны. Отобрали и оба легких пулемета, и теперь на обеих вышках стояли деревянные макеты. Пусть все вокруг

думают, что пулеметы на месте. Дежурить на вышках он тоже посылал женщин. Издали никто не поймет, кто там. А близко к поселку подходить не решались. Он внушил всем должное уважение, недаром при встрече с ним, Араки, китайцы еще издали начинали почтительные поклоны.

Что война может случиться — Араки знал. И был уверен, что русских разобьют. Он уверен в этом и сейчас. Ведь границы Маньчжоу-Го защищает императорская Квантунская армия. Пусть гремят еще сильнее орудия там, у границы. Это воины его величества сокрушают красных русских у неприступных крепостей. Когда враг истечет кровью, эти воины нанесут сокрушительный удар, стремительно пойдут вперед.

Так говорил ему и другим старостам таких же поселков его благородие майор Сасаки в штабе дивизии. Так объяснял и он всем колонистам.

Ему ли, Араки — унтер-офицеру в отставке, — бояться выстрелов? Восемь лет он прослужил в императорской армии и год в жандармерии. Еще осенью сорок второго он воевал в Китае. Незабываемое время. Воины императорской армии были посланцами бога гнева. «Политика трех лучей», — так тогда называли их действия. А по-простому: жги, убивай, грабь... Хорошее было время.

А кто мог лучше рубить головы этим китайцам, чем он, Араки? Его слава лучшего рубаки гремела далеко. О, он мог показать, как это делают настоящие мастера. Посмотреть его рубку приходили и господа офицеры. Это была картина, достойная богов.

Вот он, Араки, выпятив грудь, гордо держит сверкающий меч. Вот этот самый, теперь висящий на стене. К яме двое солдат подводили осужденного и ставили на колени со связанными за спиной руками. Араки делал несколько картинных взмахов мечом, потом опускал меч в чан с водой («чтобы жир не прилипал к лезвию», — так он объяснял), затем, широко расставив ноги, слегка прикасался лезвием к шее жертвы. Интересно, что даже если осужденный вырывался, после прикосновения лезвия замирал в ожидании удара. Потом молниеносный взмах, удар — и голова казненного падала в яму, а туловище еще стояло на коленях.

После каждого удачного удара он принимал поздравления и знаки восхищения от окружающих сослуживцев.

Неплохо жил он и в тот год, когда служил в жандармерии. Но в карательной экспедиции против бандитов, не желающих освобождать землю для японских колонистов, он получил пулю в колено и охромел. Его демобилизова-

ли и в награду за верную службу назначили старостой это-
го поселка колонистов.

Служба оказалась несколько хлопотной, но довольно прибыльной. Вместе с тем, что ему удалось награбить в Китае, это составило солидный капитал, который потом, после победы, даст возможность заняться солидной торговлей или еще чем-либо. Он заслужил более высокого положения, чем староста поселка. Ничего, все его ценности лежат в тайнике, о котором даже жена не знает...

Вновь послышался гул авиационных моторов. Араки вышел из дому и задрал голову в небо: русские самолеты возвращались, строй их был таким же четким. Похоже, они летели спокойно, не торопясь. Араки встревожился: так спокойно лететь в этом небе должны только самолеты императорской армии. Почему эти возвращаются безнаказанными? Где наши истребители? Где зенитные пушки?

Встревоженный, он вновь возвратился в дом и снял трубку телефона — ни звука. Араки еще больше забеспокоился. Почему из штаба нет никаких указаний? То, что ранее намечалось на такой случай, выполнить он не мог. У него нет мужчин, которых он мог бы поставить на охрану дорог, мостов, создание контрольных пунктов. Что же он должен предпринять сейчас?

Потом его могут обвинить в бездеятельности, нерадивости. Сколько можно ждать, пока наладят телефонную линию?

Ему вдруг представилось, как эти мерзавцы-китайцы сотнями выползают из гаоляна, как кошки, карабкаются на столбы и прямо зубами перегрызают провода. А он сидит и напрасно ждет указаний. Нет, надо самому отправиться в штаб дивизии, все выяснить, объяснить положение в поселке, получить указания.

Приняв это решение, Араки даже успокоился. Он поднялся и буркнул жене: «Я отправляюсь в штаб дивизии. Поем, когда вернусь. Скажи старой черепахе Танаке, чтобы он тут распоряжался без меня».

Уже через несколько минут он пришпоривал лошадь, сжимал в руке винтовку и зорко посматривал вокруг, готовый послать пулю в любую человеческую фигуру. Но дорога была пустынной, на столбы связи никто не карабкался, и провода между ними были целыми. Показавшаяся в стороне деревушка словно вымерла, а гул артиллерии с востока стал более слышным, грозным. Араки успокаивал себя тем, что это гремит артиллерия импера-

торской армии, пушки которой в клочья разносят тысячи русских, и их кровь ручьями течет по склонам гор.

Солнце припекало все сильнее, лошадь под Араки покрылась потом, и он остановил ее на минуту, чтобы самому попить из фляги. И сразу же услыхал рокот самолетов. Гул нарастал, приближался. Не отрывая флягу ото рта, Араки поднял лицо вверх. Самолеты шли с востока, их было много, казалось, они скоро закроют все небо. Невольно Араки направил лошадь в глубь зарослей гаоляна и даже втянул голову, хотя понимал, что вряд ли какой-либо самолет нарушит строй, чтобы поразить одинокого всадника. И снова тревога начала терзать его: «Где же наши истребители? Почему они безнаказанно летят? Откуда у русских столько самолетов?»

Затем он увидел, как почти у горизонта часть самолетов скользнула вниз, и оттуда донеслись приглушенные расстоянием взрывы бомб. Эти взрывы точно палкой по голове били его. «Ведь там же гарнизон, штаб дивизии»,— уже с ужасом подумал он. Пришпорив лошадь, он поскакал туда, где уже стремительно поднимались к нему столбы дыма.

Когда он заехал на невысокий перевал в падь, где размещался штаб дивизии, то вместо домов, казарм, здания штаба увидел только дымящиеся развалины, вокруг которых суетились группки солдат. Он слез с коня, взял его за повод и пошел к ним сам не зная зачем.

Первым ему встретился ефрейтор с черным от копоти лицом. Он стоял и беспомощно смотрел на развалины.

— Извините,— обратился к нему Араки,— я староста поселка, и мне надо в штаб. Неужели все...

— Штаб передислоцировался перед рассветом,— угрюмо ответил ефрейтор.— Правда, часть осталась. И мы — охрана.

Араки облегченно вздохнул.

— Скажите, уважаемый, где же мне разыскать его благородие майора Сасаки?

Ефрейтор зло сплюнул.

— Отправляйтесь в свою конуру назад. Никто здесь ничего сейчас не знает. А вам и не положено. Война...

— Но мне надо,— уже надменно возразил Араки.— Я сам служил унтер-офицером...

— Да отстань ты,— озлился ефрейтор.— Раньше ты был унтер-офицер, а сейчас старая гражданская рухлядь. Сказано тебе, никто не знает здесь, где наш штаб от русских самолетов прячется. Оставили нас здесь на гибель. Прочь отсюда!— уже заорал он, поднимая винтовку.

Араки молча повернул коня и зашагал назад. Происшедшее не укладывалось у него в голове. Что же происходит? Русские безнаказанно разбомбили гарнизон. Штаб неизвестно где. Об их поселке и им подобных просто забыли. «А может, так случилось только здесь, — снова начал он успокаивать себя. — На войне всякое случается. Ну налетела русская авиация, ну разбомбили гарнизон. Но ведь ефрейтор сказал, что большая часть штаба передислоцировалась. А ефрейтор просто перетрусивший дурак. Недостойный носить мундир императорской армии болван. Надо было узнать его фамилию и потом доложить господину майору Сасаки». И тут же другая мысль встревожила его. «Ведь могло же случиться так, что, пока он, Араки, напрасно ездил сюда, майор Сасаки уже передал указания в поселок, а старосты на месте не оказалось. Это будет очень плохо для него. Да, да! Надо поскорее возвращаться назад и ждать указаний. Плохо, что он покинул свой пост. Господин майор может быть очень недоволен».

Занятый подобными мыслями Араки поднялся на перевал и снова поразился: еще недавно совершенно пустынная дорога преобразилась — по ней, навстречу ему, двигалась какая-то часть. Он поспешно перешел на обочину дороги, плотно держа повод в руке и затолкав лошадь в гаолян, так что была видна только одна ее голова.

Все-таки Араки побывал на фронте и многое повидал, поэтому сразу же понял: навстречу ему шли отступающие. Как же так? Ведь за ними укрепленные районы, грозные, неприступные. Неужели русские овладели ими, прошли? Как могло случиться невозможное?

Солдаты брели усталые, понурые, строй соблюдался условно, и ни один голос команды не раздавался, чтобы выровнять их ряды. На запыленных лицах ни одной улыбки. Они шли и шли, дребезжа амуницией, натужно тащили гранатометы, пулеметы. Впереди каждой роты, взвода пешком и верхом — офицеры; они не обращали внимания на то, что творится сзади них. Вдруг из очередного квадрата выскочил унтер-офицер и молча начал вырывать повод у Араки.

— Я староста! — возмущенно крикнул тот.

Унтер-офицер выпустил повод и одним ударом сбил Араки с ног.

— Господин капитан идет пешком, а какая-то сволочь едет, — проворчал он, уводя лошадь.

Араки поднялся, когда лошадь с офицером, вскарабкавшимся на нее, была уже далеко. Он молчал, недоумевая, как такое могло произойти. Ведь он же староста, уп-

тер-офицер в отставке, и с ним вот так?! Разве он китаец? Или какой-нибудь бродяга? Как же так?

Внезапно раздался нарастающий вой моторов, и Араки инстинктивно бросился в гаолян, подальше от дороги. А вдоль нее, казалось, чуть не цепляясь за метелки гаоляна, промчались три штурмовика, неся неумолимую смерть всему живому на этой пыльной дороге. Они взмыли вверх, круто развернулись и снова огненной метлой пронеслись над дорогой, сметая все, что еще на ней осталось.

Араки долго проламывался через гаолян, сделав большой крюк, чтобы оставить подальше место разгрома тех, кто отобрал у него лошадь. У него даже мелькнула злорадная мысль, что недалеко уехал неизвестный ему капитан на его лошади и рядом с ним улегся тот мерзавец унтер-офицер, который посмел ударить его.

Он вышел на дорогу и шел по самой ее кромке, готовый мигом нырнуть в спасительный гаолян. Сейчас не думал он ни о войне, ни о гибели штаба, ни о своих подчиненных в поселке, ни о жене и детях. Им овладела только одна мысль, которая заставляла его, припадая на искалеченную ногу, стремиться поскорее, раньше, чем это сделают русские, попасть в дом, где в тайнике хранятся все его сокровища, все деньги.

Жену, детей он сможет заиметь и в будущем, а где он возьмет деньги, без которых он ничто? С деньгами он будет везде господин, везде уважаемый. Кто бы ни правил — деньги всегда были и будут главной силой.

На дороге показалась новая колонна, но это были не солдаты: женщины, старики, дети, пожилые мужчины. Они тащили на себе, катили на тележках свертки, узлы, какие-то ящики, пакеты. Даже дети несли их на своих спинах. Некоторые умудрились везти имущество, навьюченное на быках, даже коровах.

Поглядывая, нет ли среди них его подчиненных, Араки прошел сквозь них, как сквозь воду. Беженцы молча расступались перед ним — в его руках была винтовка. Куда они шли? Зачем? Вряд ли кто из них мог бы ответить Араки. Да он и не спрашивал.

Только после полудня он добрел до поселка. Ворота были открыты, и ни звука кругом. Так!.. Значит, и эти уже убежали. Без его команды. Гнев охватил Араки, он был готов пристрелить любого из беглецов, если бы тот ему попался.

Он поспешил к колонке, накачал воды и жадно долго пил. Смочив голову и грудь, он спокойно пошел к своему дому. Сейчас он достанет свои сокровища, запасется

едой и уйдет отсюда. Куда — решит потом. Во всяком случае подальше, до тех пор, пока Квантунская армия не нанесет контрудар и не отбросит русских в их логово.

Араки даже принял как должное, когда в дверях дома, кланяясь, сияя от радости, его встретила жена.

— Вы пришли, пришли. Спасибо. Вскорости после вашего отъезда приехали на машине военные господа и приказали всем эвакуироваться. Кто как может. Я не посмела, ждала вас.

— Дети? — бросил на нее короткий взгляд муж.

— Я уложила их спать, набраться сил перед дорогой. Я собрала все необходимое.

— Дай поесть, быстрее! — скомандовал он и прошел в дальний угол дома, где у него был тайник. Хвала богам! Все ценности оказались на месте. Он уложил пакет, завернутый в клеенку, под рубаху.

Подав еду, жена стояла на коленях, не смея, пока не поест ее владыка, притронуться к еде. Он мрачно посматривал на нее. Ёсико была неплохой женой. Послушная, выносливая, с широкими бедрами. Он обращался с ней строго, поколачивал, когда считал необходимым. Может быть, он прожил бы с ней всю жизнь. Но зачем она ему сейчас? Куда он может уйти с ней и двумя детьми? Была бы хоть лошадь. Оставлять их здесь на поругание русским? Невозможно. Ему ли не знать, что бывает с женщинами побежденных. Если не русские, то китайцы... Еще неизвестно, кто хуже.

Он быстро ел, жена едва успевала подливать ему сакэ. Щеки Араки налились нездоровой краснотой. Выражение лица стало жестким, и жена с тревогой бросала на него робкие взгляды.

— Где пакет с едой? — он так резко поставил чашечку на стол, что та раскололась.

— Сейчас принесу, — торопливо встала жена. Через мгновение она снова показалась, держа пакет в вытянутых руках и снова став на колени.

Муж стоял перед ней, широко расставив ноги, и не спешил брать пакет из ее рук. Она вопросительно посмотрела на него и вдруг все поняла. Лицо ее посерело, руки безвольно опустились, выронив пакет, слезы ручейками заструились вниз по скуластым щекам.

— Я облегчу твои страдания, — пробормотал Араки и протянул узловатые руки к ее шее. Когда тело жены, затихнув, улеглось ворохом одежды у его ног, Араки перешагнул через труп и прошел в комнату, где спали дети...

С двумя свертками за спиной, фляжками воды и спир-

та на боку, карманами, набитыми обоймами, с винтовкой в руке вышел он из дома, немного поколебался — поджечь его или нет. Не стоит, решил он. Русских непременно прогонят назад. Пусть это случится не завтра или послезавтра, дом и весь поселок еще пригодятся.

За себя он был спокоен, он-то сумеет сохранить свою жизнь. Кто еще в поселке знал так, как он, все окрестности, мог уверенно ходить по диким лесам, преследуя тех, кто пытался уйти от наказания. Он знал, что за эти его качества, беспощадность к врагам империи китайцы называли его «хромым чертом». Пусть гром орудий с востока становится сильней. Он уйдет и от него. Теперь его ничто не связывает. Пожалуй, лучше всего пробраться к Гирину, там живет довольно высокопоставленный родственник. А уж если боги отвернутся от воинов императорской армии на полях Маньчжоу-Го, оттуда будет легче пробиться в Корею. Хорошо бы добыть лошадь и попутчика, такого же сильного духом, как он, Араки. Ведь человек должен спать, а сонного можно победить даже демона.

Бравируя сам перед собой выдержкой, Араки закурил сигарету и медленно вышел за ворота поселка. Он сразу же свернул на знакомую тропу, которая вела к сопкам. Пока ему никто не нужен. Ни отступающие японские солдаты, которые могут отобрать еду, ни населенные места, где китайцы только и ждут, чтобы напасть на подобных ему. Он не питал никаких иллюзий в отношении их чувств к хозяевам — японцам. Рабы всегда ненавидели господ — так повелось из века в век, и почему китайцы должны вести себя иначе?

Внезапно Араки остановился. Как же это он мог забыть? Как он мог оставить в доме меч, которым он должен рубить головы русским. Хотя бы одному русскому!

Но возвращаться было поздно. Он упорно шел, пока солнце не коснулось сопок. Тогда он забрался в заросли на склоне одной из них и мгновенно уснул, сжимая в руках винтовку, поставленную на предохранитель.

Едва на небе заалела заря, Араки проснулся. Вначале его поразила тишина — никакого гула ни с востока, ни с запада. Лес начал оживать, наполняясь птичьими голосами... Словно в мире ничего не произошло — никакой войны, никакого отступления, обычное мирное утро. Эта тишина насторожила Араки, внесла беспокойство. Но он не стал торопиться. Вскрыв пакет, он достал банку рыбных консервов, галеты, запил водой, добавив в нее немного спирта, чтобы подкрепить силы. Поразмыслив, он понял, что по сопкам, без дорог далеко не уйдет, что ло-

шадь и попутчика он здесь не найдет. Лошадь он был готов отобрать у кого угодно, так же, как отобрали свои же у него.

«Надо пробиваться к дороге», — решил он. Впереди, за очередной сопкой по широкой долине проходило несколько дорог, и одна из них, как он хорошо помнил, вела к Хэньдоэхэцзы, где стоял штаб пятой армии, и затем пролегала до самого Харбина.

Араки даже устал, пока вскарабкался на эту проклятую сопку, но зато с ее вершины открывался широкий простор. Он присел отдохнуть, достав сигарету. По дороге на Хэньдоэхэцзы—Харбин шла нескончаемая колонна отступающих. Повзводно и поротно плелись солдаты, винтовки несли кто как может. В колонне, деля ее на части, медленно катились желтые грузовики, набитые солдатами, как початки кукурузы зернами. Куда просторнее сидели офицеры в легковых автомашинах. Двигались пушки, зарядные ящики, повозки, отобранные у китайцев телеги, запряженные лошадьми, ослами, быками.

По бокам колонны, оттесненные на обочины, плелись беженцы. Иногда их группки сворачивали в сторону, направляясь в сопки. То ли они шли туда передохнуть, подкормиться, то ли искали убежище, не в силах идти дальше. Было даже видно, как многие подымали лица вверх, опасаясь налета русских самолетов.

Араки мрачно смотрел на отступающих и размышлял о том, что в другое время он бы смог легко купить не только лошадь, но любую из этих автомашин. Любую из тех, в которых ехали господа офицеры. Ведь он богаче любого из них. Но даже деньги, лежавшие на его груди, были сейчас бессильны. А может быть, попробовать спуститься вниз, к ним, попробовать дать кому-нибудь из офицеров взятку за одно место в грузовике. Он согласен сидеть на полу, стоять на одной ноге, лежать под ногами солдат, но только ехать.

Да, сказал он сам себе, надо попытаться, пешком далеко уйти не удастся. Он отбросил окурок сигареты, поднялся, приладил за спиной свертки и, опираясь на винтовку, хотел было спускаться с крутого склона, но вдруг замер на месте. Из узкого дефиле между двумя сопками на другой стороне долины показался танк, за ним другой, третий, четвертый... Много! Они лихо делали крутой поворот у параллельной отступавшим дороги и, набирая скорость, мчались по ней, а их башни медленно поворачивались, направляя длинные стволы пушек в сторону японской колонны...

Такое Араки видел только в кино, когда им показывали хронику о победах императорской армии в Китае, Бирме, Филиппинах, Сингапуре и многих других странах. Такое он видел и в немецких киножурналах о победах армии Гитлера в Европе.

Он снова сел и смотрел, сжав зубы, как гибла японская колонна, только местами пытаясь оказать явно безнадежное сопротивление. Вот танки, как один, повернули в сторону колонны, сверкая в струях воды, форсировали разделявший дороги ручей и стали давить орудия, грузовики, машины с господами офицерами. Он видел, как под этим напором стали и огня солдаты, словно волны, покатились к спасительным сопкам. Вдруг Араки вскочил на ноги, сжав кулаки. Он увидел невероятное. Он увидел, как некоторые воины императорской армии подымали руки вверх...

Скоро с колонной было покончено, и русские танки остановились, открыв люки. Русские солдаты окружили пленных. Их было немного, но они были!

Араки снова сел и сжал голову руками. «Предатели! — исходил он бессильной злобой. — Какой позор! Не могли достойно умереть!»

Он снова достал флягу, разбавил спирта и выпил, чтобы унять нервную дрожь. Теперь он понял, что ни на Харбин, ни на Гирин ему так просто пробиться не удастся. «Надо пересидеть в сопках, — решил он. — Потом разберусь, что к чему».

И, чтобы не видеть пленных, которым сам сейчас отрубил бы головы, пошел в глубь леса, на обратный склон горы...

В роте капитана Сато о начале войны с русскими узнали раньше, чем поступило сообщение из штаба полка. Об этом их оповестили громы орудийных выстрелов с юга, где находились доты укрепрайона. Они раздались на рассвете 9 августа. Поэтому капитан Сато мог со спокойной совестью доложить, что вверенная ему рота по боевой тревоге заняла отведенную ей позицию.

Капитан Сато был спокоен. С юга находился укрепрайон, мощь которого он видел сам, и тоже считал невозможным, чтобы кто-либо смог им овладеть. С севера — бескрайние воды озера Ханка, а впереди — горы, непроходимые ущелья, непролазная тайга. Кроме того, ливни в последние дни превратили в болота даже обычно проходимые пади. «Тут даже зверь не сможет пройти», — уверенно полагал капитан.

Он решил еще раз проверить оборонительную позицию роты. С утра, как он убедился, все были заняты только тем, что вычерпывали воду из траншей, окопов, стрелковых ячеек. Все устали, измазались, были злы. Последнее капитан считал даже полезным. Солдат должен быть злым. Потом он, собрав подчиненных повзводно, прочитал приказ господина командующего армией о его непоколебимой уверенности в том, что воины вверенной ему армии отразят и уничтожат врага и тем еще более увеличат славу императорской армии.

Считая, что он сделал все, что мог, капитан Сато удалился в свой штаб, полагаясь в остальном на командиров рот.

Ефрейтор Сэнда Васиро был зол не менее солдат. Но не дождь и вода в окопах были тому причиной. Он думал о более важном, не замечая ни грязи, ни воды, которую вычерпывал брезентовым ведром.

«Итак, русские начали, — горестно размышлял он, — начали до того, как кто-нибудь из правителей догадался начать переговоры о мире и прекратить эту войну, которую он еще в самом ее начале определил как проигранную. Война с русскими теперь не даст возможности укрыться в Маньчжоу-Го тем, кто так настаивает продолжать ее, ни тем более двору его величества. Чего же они там в Токио ждут? На что надеются? Может, на то, что ефрейтор Сэнда Васиро, его солдаты-резервисты и им подобные разобьют русских? Тех самых русских, которые дошли до самого Берлина?

Хорошо, если русские застрянут перед укрепрайонами и истекут кровью. А если нет? Тогда он, ефрейтор, и его солдаты должны стать крепче дотов из бетона и стали. Накамура прав — у немцев было больше техники, их инженеры были более искусными, и все-таки все их крепости, валы, «неприступные» линии пали.

Накамура прав, прав до жестокости. Хорошо ему было советовать сохранить жизнь любым способом для будущего — его величеству, отечеству понадобятся люди дальновидные, такие, как ты и тебе подобные». Так почему же его величество и отечество не позаботятся сохранить таких людей?

Им еще повезло, что достался такой участок фронта, где вряд ли русские смогут пройти. Но ведь в любой момент может поступить приказ, и они окажутся на самом главном направлении наступления русских. И ничего, ничего поделать нельзя.

— Как дела, ефрейтор? — прервал мысли Сэнда го-

лос унтер-офицера Хирано. Тот стоял над самым окопом, отмахиваясь веточкой от комаров. Хирано был послан в их роту командиром батальона. Для всех не было секретом, что он связан с кэмпейтай [1], и Сэнда был уверен — слежку за ним проводил Хирано.

Сэнда вытянулся в окопе.

— Ефрейтор Сэнда заканчивает очистку окопа. Отделение тоже!

— Вижу, вижу, — покровительственно произнес Хирано. — Но я о настроении. Как? Дадим русским по черепам?

— Так точно. Пусть только сунутся. Мы их разгромим! — снова четко ответил Сэнда и подумал: «Нарочно, мерзавец, выбрал такой момент, чтобы на меня сверху вниз смотреть».

— Правильно, ефрейтор. Наша победа еще более вдохновит императорскую армию, и она быстрее добьется окончательной победы в священной войне. Как настроение солдат?

— Они преисполнены боевого духа, господин унтер-офицер!

— Так и должно быть. Если кто в бою окажется малодушным, пристрели такого без сожаления. Я буду с вами. Прапорщик Уцида заболел, и я назначен командиром вашего взвода вместо него. С малодушными я буду беспощаден, передай всем солдатам. Когда закончите очищать окопы, собери отделение и сообщи мне.

— Слушаюсь, господин унтер-офицер.

Сэнда с ненавистью посмотрел вслед удалявшемуся новому командиру взвода. Хирано, действительно, был беспощаден и жесток. Избить солдата — для него удовольствие. Тупой, способный на любую подлость, он слепо верил в силу приказа, действительно, считал императорскую армию непобедимой, ее офицеров — всемогущими, и, пожалуй, если бы кто из них приказал ему покончить самоубийством, он бы выполнил и такой приказ. Начальство это знало и покровительствовало ему.

Беседа, которую Хирано провел со взводом, стала пыткой для Сэнда. Убежденно, с полным апломбом Хирано распространялся о трусости русских, их слабосилии, плохой воинской подготовке, слабом оружии. Договорился до того, что у русских, если идет танковая рота, то настоящих танков среди них два, а остальные — старые автомашины, замаскированные под танки. Поэтому, если

[1] Кэмпейтай — жандармерия.

уничтожить два настоящих, что совсем легко, остальные сами повернут назад.

Ефрейтор слушал и с тоской думал, что вряд ли чушь, которую нес Хирано, могли принять всерьез даже самые тупые из его солдат. Они стояли безликие, покорные, смирившиеся со всем, что принесет им судьба. Судьба? Какое коварное и страшное понятие. «Судьба как тень следует за человеком»,— так твердит старинная поговорка. А раз так, что человек может сделать против своей судьбы? Ничего. Только терпеть и считать ее естественной, неотделимой от него, как собственную тень.

Выходит, им всем, собравшимся здесь, самой судьбой предназначено погибнуть в этих окопах — могилах, которые они вырыли сами себе. Судьбой предназначено его детям остаться сиротами, если они останутся живыми, а жене «еще не умершей» — так читаются три иероглифа, составляющие слово «вдова»,— вдовой, которой, возможно, придется родить ребенка с рыжими волосами.

Сэнда даже зубами заскрипел от бессильной ярости, охватившей его. В эту минуту унтер-офицер Хирано показался ему олицетворением безжалостной судьбы, выпавшей на его долю, и он готов был застрелить его. Потом он постарался взять себя в руки. Смешно подумать: Хирано и судьба. Если бы он сейчас убил унтер-офицера, то только ускорил бы свою гибель, приблизил то, что предназначено ему судьбой. Что ж, видно, ему придется пополнить бесконечные списки святых в храме Ясукуни, если сам храм уцелеет от бомбежек, от которых вряд ли способны спасти даже сонмы святых.

— Разойдись по местам! — услыхал он команду унтер-офицера и повел свое отделение к окопам.

Солнце припекало все сильнее. Солдаты, рассевшись на траве, занимались кто чем мог. Некоторые писали последние прощальные письма.

Сэнда откинулся на спину и смотрел, сощурив глаза, в бездонно-синее небо, в котором где-то обитали недобрые боги, ниспославшие им жестокую судьбу. С юга к непрекращающемуся гулу артиллерии добавился звук моторов, и в то же время раздался крик: «Воздух!»

Все поспешно попрыгали в окопы. Нехотя спустил ноги в окоп и Сэнда, но, посмотрев на не просохшую еще грязь на его дне, так и остался сидеть на бруствере. Взглянув в направлении гула моторов, он увидел эскадрилью русских самолетов, которые шли на запад так высоко, что казались маленькими серебристыми крестиками.

— Ефрейтор! — послышался злой окрик Хирано. — По-

чему не выполняешь команду? Ты, мерзавец, всех демаскируешь!

— Никак нет, господин унтер-офицер! Разве русские способны что-нибудь увидеть с такой высоты? Да и самолет там, наверное, настоящий один, а остальные фанерные. Мы не испугаемся и тысячи таких! — бодрым голосом ответил Сэнда.

Солдаты явно ухмылялись, но унтер-офицер неожиданно поддержал Сэнда.

— Правильно, ефрейтор, молодец! — проговорил он, вылезая из окопа, и тут же скомандовал:

— Впредь в окопы прыгать только тогда, когда русские самолеты будут атаковать наши позиции. И немедленно открывать по ним огонь. Мы не должны уподобляться тем, кто боится дуновения ветра и крика журавля.

День тянулся медленно, в беспокойном, нервном ожидании. Потом капитан Сато неожиданно приказал покинуть позиции — таков был приказ из батальона. Оказывается, русские прорвали оборону севернее, и рота могла оказаться в окружении.

Понуро и молча отходили они на новый рубеж обороны и только к вечеру, перейдя такую же падь, остановились. Капитан Сато быстро отвел участки для взводов, показал позиции гранатометчикам, и, не отдыхая, все начали рыть окопы — каждый для себя. Времени, чтобы отрыть траншею и все, что предусмотрено на такой случай уставом, не было.

Сэнда устало долбил землю под кустом орешника. Он требовал усердия от солдат, но сам не был уверен в том, что они задержатся и здесь. Иногда появлялся унтер-офицер и не скупился на затрещины тем, кто, по его мнению, плохо старался. Уже было совсем темно, когда они, поев наскоро галет и сушеной рыбы, завалились спать в кустах рядом с окопами.

Утром они успели спокойно поесть, доделать окопы и замаскировать их. Погода вновь стояла жаркая, безветренная, солнечная. Потом унтер-офицер снова приказал построить взвод на поляне, где собралась вся рота.

Капитан Сато вновь призвал солдат сражаться мужественно, достойно воинов императорской армии. Русские, оказывается, непонятным образом сумели преодолеть горы и болота, теперь они могли скоро появиться здесь. Впереди роты больше нет никого, и его солдаты обязаны не пропустить врага, что они, как твердо убежден капитан, сделают блестяще.

Затем голос капитана стал патетическим:

— К нам на помощь пришли храбрейшие из храбрейших, самые славные из славных. Они не пропустят танки, а остальных мы уничтожим сами!

По его команде из-за деревьев вышло четким строем семеро солдат. На руках у них были белые повязки, вместо поясов — связки толовых шашек, а в руках шесты с минами. «Никудан», «смертники», — догадался Сэнда, с острым любопытством вглядываясь в их бесстрастные лица.

Капитан скомандовал, и вся рота застыла в поклоне перед этими семерыми, а затем разошлась по окопам. Сэнда снова улегся в тень под орешником, и ему вдруг показалось, что что-то изменилось. Он даже приподнялся, всматриваясь вдоль долины, куда было послано отделение в качестве боевого охранения. Вроде бы все как было. И вдруг догадался — тишина! Ни звука с той стороны, где укрепрайон. Что это может значить? Русские отступили? Не может быть, чтобы они сумели так быстро овладеть укреплениями. Они же не всесильные, такие же смертные. Может быть, подтягивают силы для нового штурма? Но ведь где-то севернее они прошли, раз их роту отвели с позиций, на которые они потратили столько сил. Что там ни произошло в укрепрайоне, все равно их час приближался.

Не один он заметил наступившую тишину.

— Солдаты! — раздался голос унтер-офицера Хирано. — Вы слышите, как перестали стрелять пушки?! Это воины укрепрайона отразили русских, разбили их и заставили отступить. Воинам укрепрайона банзай! — заорал он истошно. «Банзай!» — жиденько раздалось по окопам.

«Может, и прав этот болван, может быть, действительно так и есть», — подумал Сэнда и тут же привстал: в горловине долины показались солдаты боевого охранения. Они бежали изо всех сил, пригибаясь, иногда оглядываясь. Не иначе как слишком большие силы оказались перед ними, чтобы они смогли принять бой. «Но все равно они были обязаны принять бой», — зло подумал он. Солдаты перебежали долину и скрылись в зарослях на ближайшем склоне сопки. И тут же неторопливо показался русский танк, за ним еще и еще. На броне танков сидела пехота.

— Без моей команды не стрелять! — крикнул Сэнда своим солдатам. — Не сметь без команды! — повторил он.

Его отделение находилось на правом фланге, оконечности обороны роты, и он понимал, что придется в ходе боев принимать решения самому.

Танки русских, покачивая длинными стволами пушек, перестраивались в боевой порядок, словно радуясь, что вырвались из узости; урчание моторов заполнило долину.

«Как только они там прошли? Откуда? — почти спокойно подумал ефрейтор. — Надо подпустить ближе, на прицельный выстрел, и тогда ударить по пехоте».

Но, очевидно, не хватило выдержки у капитана Сато или еще у кого, раздался выстрел — хлопок гранатомета, первый столбик дыма и земли взметнулся перед танками, за ним другие. Потом стали палить из винтовок где-то на левом фланге. Танковый десант как ветром смело с брони — русские скрылись в высокой траве. Вскоре на позицию гранатометчиков полетели желтые ракеты, указывая танкам цель. Башни танков, словно по команде, развернулись, задержались на мгновение, дула орудий, казалось, посмотрели прямо в глаза Сэнда, раздалась гулкая канонада и так же быстро смолкла. С позиций гранатометчиков больше не раздалось ни одного выстрела.

Краем глаза Сэнда успел заметить, как по склону сопки наперерез русским танкам скользнули семеро смертников. Он даже забыл о команде своим солдатам — те начали огонь самовольно. Русские солдаты наступали не спеша, то показываясь на мгновение, то снова исчезая за малейшими укрытиями. Вдруг там, в зарослях, взбух столб взрыва, потом чуть в стороне — еще и еще. «Уничтожают смертников, — догадался Сэнда, — вот почему они не спешат — охраняют танки. Они знают о смертниках». И ему снова вспомнились слова поручика Накамуры: «Да знаешь ли ты, что в вашей дивизии всего восемнадцать противотанковых пушек».

И все же один «никудан» прорвался к танку, около которого раздался взрыв. Танк резко развернулся, расстилая за собой перебитую гусеницу, и, повернув башню, открыл огонь.

Танки тронулись с места и пошли дальше, минуя роту капитана Сато. Они, по всему было видно, не считали роту целью, ради которой стоило надолго задерживаться.

«Тем лучше», — подумал Сэнда, кладя винтовку на бруствер и старательно ища в прицел первого же русского. Он должен был убить, чтобы не убили его самого.

— Господин ефрейтор! Патроны кончились, — раздался голос солдата Мимуры из соседнего окопа.

— Куда попало стреляешь! — заорал на него Сэнда, бросив ему две обоймы. — Стреляй только прицельно, мерзавец!

А русские солдаты продвигались все ближе и ближе. И Сэнда лихорадочно прицеливался, стрелял; фигурки русских снова пропадали, и он не знал, убил кого из них или только ранил. Внезапно они исчезли, растворились в траве. «Неужели отступают?» — успел подумать Сэнда, тем более что последний танк уже покинул долину и только с поврежденного пушка продолжала не торопясь плеваться огнем и сталью.

Но тотчас же над их окопами стали раздаваться гулкие взрывы, постепенно передвигаясь с левого на правый фланг. «Откуда?» — чуть приподнял голову Сэнда и тут же увидел: в дефиле долины уже стояли минометы, грузовики с русскими солдатами, и оттуда сверкали огненные сполохи. «Ну вот и конец», — подумал, вжимаясь на дно окопа, Сэнда. А гигантский молот ударял все ближе и ближе, вот совсем рядом: в окоп полетели комья земли, сучья, и снова все стихло.

Преодолевая тошноту, цепляясь за стенки окопа, Сэнда поднялся, удивляясь, что он еще жив, способен видеть, чувствовать. Русские солдаты, перекликаясь, шли к подножию сопки во весь рост. «Они пройдут мимо, могут пройти мимо, могут не заметить», — почти молился Сэнда, цепляясь за последнюю надежду. Но неожиданно раздалось почти нечеловечески истошное «банзай!» — и из-под земли показался унтер-офицер Хирано. Он вытянулся в полный рост, взмахнул зажатым в руке пистолетом и, завопив: «За мной!» — ринулся вниз по склону, навстречу русским. За Хирано, шатаясь, побрели еще несколько солдат. Раздались очереди русских автоматов, и Хирано с последними защитниками упали, подкошенные огнем. В сторону взвода снова пронеслась наводящая желто-дымная ракета, и вновь по склону забили чудовищные молоты. И опять все ближе и ближе. Стенки окопа вдруг вздрогнули, неведомая сила приподняла Сэнда и вновь положила на дно, присыпая землей.

Он очнулся, не соображая, где он и что с ним. Потом все случившееся встало перед ним во всей жестокой правде. Он сел, пошарил руками и нашел флягу. Жадно напился, потом промыл глаза. Небо над окопом стало темно-голубым. «Значит, уже вечер», — вяло подумал он. Отдохнув еще немного, он, цепляясь за стенки окопа, приподнялся, стал на ноги и лег грудью на бруствер. Долина была пуста. Даже подбитого русского танка уже не было, и только следы гусениц свидетельствовали, что стальная крепость умчалась догонять остальных.

— Кто живой? — слабо крикнул он. — Мимура! Уэда! Судзуки! — перечислял он фамилии своих солдат, как на вечерней поверке; голос его постепенно креп, но даже стона он не услыхал в ответ.

«Значит, один», — с тоской и ужасом подумал он и стал выкарабкиваться из окопа. Он заполз под орешник и снова прилег, набираясь сил, осмысливая все, что произошло.

Отдохнув, ефрейтор поднялся и, пошатываясь, побрел вдоль окопов взвода. Он увидел убитых в самых нелепых позах — кого как застала смерть. Он добрел до окопа командира взвода, несколько раз крикнул и дальше не пошел. Какой смысл? Ни одного живого.

Подобрав чью-то флягу и мешочек с галетами, он начал спускаться в долину, но вечер все густел и густел — идти дальше не стоило. Он улегся под деревом на мягкую, дышащую теплом траву, достал платок, прикрыл лицо и мгновенно уснул.

Утром он пожевал галет и побрел по дороге, не скрываясь и не таясь, до ужаса одинокий, беспомощный. Потом он подумал, что напрасно не прихватил винтовку, и если его встретит какой-нибудь другой Хирано, сочтет его дезертиром и тут же расстреляет на месте. Но не все ли равно, кто его убьет — свои или русские? Он уже живой мертвец.

Сэнда брел долго, загребая ногами пыль. Ему было все равно, куда идти. Он даже не обернулся, когда сзади послышался нарастающий шум автомашины, и шел, ссутулясь, ожидая выстрела в спину, который наконец покончит для него со всем. Шум автомашины нарастал, и когда заскрипели рядом тормоза, он остановился, не поднимая глаз. Из кабины выскочил пожилой русский с револьвером в руке и остановился перед японцем, не зная, что делать. Японец понуро стоял перед ним, и опущенные руки были вывернуты пустыми ладонями вперед. Из кузова, загруженного ящиками, спрыгнули несколько женщин в полувоенной форме и, окружив японца, тоже молча уставились на него.

— Ну, бабоньки, — раздался из кабины громкий голос водителя, — это ж надо такое! Военторг в плен самурая взял! — Он рассмеялся, налегая от хохота грудью на руль. — Вы хоть справку мне составьте. Брехуном назовут, когда расскажу про такой случай!

Женщины тоже засмеялись, сначала тихо, потом громче, и пожилой старшина спрятал наган в кобуру. Потом

он тронул Сэнда за плечо и показал на кузов: «Залезай!»

Сэнда, как в тумане, подхваченный сильными женскими руками, мгновенно оказался в кузове.

Глава четвертая

Наконец-то пошли и они. Во втором эшелоне политотдела и штаба армии, который образовал довольно длинную колонну автомашин. Капитан Марсин, которому майор Марштейн поручил командовать всеми оставшимися подчиненными, был озабочен, деловит, команды подавал суровым, отрывистым голосом. Он был доволен, впервые получив возможность иметь в подчинении столько людей, и чувствовал себя настоящим военачальником, выполняющим крупную боевую операцию.

Конечно, в его распоряжении оказались не артиллеристы или танкисты, а наборщики, печатники, радисты, машинистки, шоферы. Вместо танков или самоходок — походная типография, МГУ, машины с имуществом. Но все-таки это тоже было воинское подразделение, необходимое на войне, им нужно было командовать, руководить.

Спокойствие капитана было чисто внешним. Он нервничал, опасался сделать что-нибудь не так и поэтому был излишне суетлив, надоедал мелочной опекой. Пожалуй, только экипаж МГУ он не беспокоил, справедливо полагая, что у ее командира есть опыт, которого у самого нет, и тот может заметить, что капитан в чем-то поступил или распорядился не так.

Подсосенко только довольно хмыкнул, когда капитан приказал МГУ следовать за машинами походной типографии. Там, где пройдут эти тяжело нагруженные машины, для МГУ препятствий не будет. С другой стороны, он одобрил распоряжение капитана, понимая, что, если машины типографии застрянут, идущие сзади помогут им, не позволят отстать.

Когда вступили на маньчжурскую землю, они окончательно поняли, какой подвиг совершили передовые отряды, сколько невероятных усилий, колоссального труда пришлось им затратить, чтобы прорубить, проложить и сохранить колею, по которой они сейчас ехали. Японское командование вправе было считать эти места непроходимыми для любого вида машин, тяжелого оружия, без которых немыслима современная воинская часть. Свернуть с колеи было невозможно. По обеим сторонам земля вдрызг разворочена гусеницами танков, самоходок, тягачей.

Алексей Морозов, сидя рядом с Подсосенко, с любопытством смотрел на буйство зелени, стену мощных деревьев. Казалось, нырни в этот зеленый океан — и затеряешься в нем навсегда. Такого он не видел нигде. Ни в Белоруссии с ее дебрями, ни тем более в Пруссии, где леса больше были похожи на ухоженные парки.

Колонна шла медленно — ни развернуться, ни обогнать невозможно. Только местами были созданы искусственные «развилки» на такой случай.

Командир экипажа по достоинству оценил своего нового водителя. Это был мастер, ас. Почти на каждой остановке Подсосенко осматривал ходовую часть МГУ и только потом разрешал себе закурить. Если путь был труден, он вел машину молча, считая, что работа и пустые разговоры несовместимы. Он не сетовал ни на дорогу, ни на малый темп движения, при котором не езда, а мука, ни на то, что шедшая впереди машина — наборный цех типографии — иногда резко тормозила. Только однажды, не вытерпев, Подсосенко на остановке подошел к ее водителю, о чем-то коротко поговорил, после чего тот стал тормозить аккуратнее.

Алексей Морозов знал, что Подсосенко среди шоферов пользуется непререкаемым авторитетом и в случае чего его вызывают «на консультацию», так же, как самого Морозова вызывали радисты на западных фронтах. Вообще он был доволен своим экипажем, считал каждого из них великолепным парнем, надежным человеком, без чего нельзя на войне. И то, что они движутся так медленно, его не раздражало. Он знал по опыту — на войне всякое бывает. А тем более чего нервничать, когда едешь в колонне и не надо принимать решений самому.

Другое дело Николай Королев. Ему быстро надоело сидеть в раскачивавшемся кузове, хвататься руками, когда машина подскакивала на колдобинах или мелко тряслась по лежневке. Даже посмотреть в окошко было неудобно да и не на что: по обе стороны видна была только стена непроницаемого для взора леса. Он нервничал, время тянулось тягуче медленно, и он чувствовал себя беспомощным пассажиром, которого неизвестно куда и когда привезут. Он очень удивлялся, глядя на Якуба, который, примостившись в углу, умудрялся безмятежно дремать.

На каждой более или менее длительной остановке Королев нетерпеливо выскакивал из кузова, ожидая увидеть что-либо новое, кроме замершей колонны в узком лесном тоннеле. Водители не глушили моторов, и Королева возмущало, что никто не мог ему объяснить, почему остано-

вились, сколько придется ждать. Когда машины впереди снова трогались с места и он вновь залезал в кузов, Гаврилович иногда приоткрывал сонные глаза и спрашивал: «Ну, чего там?»

Из таежных дебрей они вырвались только спустя часа два после обеда, и хотя грейдерная дорога — первая японская дорога, на которую они выехали, — была узковата и порядком побита боевыми машинами, все же колонна пошла быстрее; все оживились, радуясь более широкому простору, не ограниченному стеной деревьев.

Якуб Гаврилович зевнул, потянулся и довольно произнес:

— Кажись, теперь веселее поедем.

— Удивляюсь, как ты можешь вот так спать?

— А чего? — удивился Гаврилович. — На войне, ежели солдат в свободную минуту не поспит, так из него вояка никакой будет. Так, одна видимость в шинели. Практика доказала.

— Я не могу так, — признался Королев.

— Попервах все так, — стал закручивать козью ножку Гаврилович. — А потом обвыкаются. Вот у нас в дивизии был случай, зимой притом. Немцы наших из траншеи выбили ночью, а потом наши их снова выгнали. И представляешь, один славянин так заснул, что ничего не заметил, а когда ему сказали — верить не хотел.

— На фронтовую байку похоже, — не поверил Королев.

— Да точно говорю, — убежденно продолжал Гаврилович. — А то еще был случай, на Втором Прибалтийском. Там долго стояли ни взад ни вперед. И мы и немцы. Все так заминировали, что и кошка не прокралась бы. Так вот, один фриц, тоже ночью, был в боевом охранении и шнапса нализался до паморков. Решил он возвратиться, да только перепутал направления по пьянке. И представляешь, прошел свое минное поле, наше, забрался в нашу землянку и уснул как миленький. Наши утром просыпаются и глазам не верят: спит фриц с автоматом в обнимку, а от него сивушный дух на всю землянку. Разбудили его, а он в память никак не придет, снова глаза закрывает, думает, во сне ему такое примерещилось. А ты говоришь, байка. Разведчики сколько ночей проходы делают, когда за языком собираются, а этот фриц петлял пьяными ногами и прошел.

Заметив, что Королев продолжает сомневаться, Гаврилович с той же убежденностью продолжал:

— Вот скажи: может человек без парашюта с самолета

упасть и не разбиться? Тоже скажешь — нет. А были и такие случаи. Один упал на склон оврага, набитого снегом, а другого взрывная волна самортизировала и на крышу забросила. В Будапеште такое случилось. Про это и в газетах писали. На войне еще и не такое бывает.

Пока Гаврилович продолжал занимать Королева фронтовыми случаями, Морозов с любопытством рассматривал стеной поднявшиеся вдоль дороги поля гаоляна, чумизы. «Тут, действительно, сотня диверсантов-смертников может скрыться, и не заметишь», — подумал он и положил автомат на колени.

Подсосенко скосил на него глаза и проговорил:

— Должно, деревня скоро будет, раз поля пошли. Только, думаю, никого там не увидим.

— Почему?

— В такое время крестьянин в поле должон быть. А раз нет, то и выходит, или угнали их самураи, или в сопки убежали.

— Нас-то китайцам чего бояться?

Подсосенко помолчал, потер рукой свой крупный нос, хмыкнул и только потом ответил:

— Так понимаю, што у них, как у нас в старое время, человека, который с винтовкой пришел, все опасаются. А тут война. Понятное дело. Только не иначе как угнали их.

— Ты думаешь?

— Ну! Тут и гадать нечего. Посмотри — ни одного огольца. А этот народ везде одинаковый.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Морозов. — А растет здесь все хорошо, ухоженные поля, ничего не скажешь.

— Так они ж все руками. Каждое зерно. Тут ни сеялки, ни комбайна тем более не увидишь. Не знаю, как там японцы хозяйствуют, а китайцы только руками, от темна до темна. А вот, смотри, деревня их показалась. Похоже — ни души.

Подсосенко оказался прав: жалкие фанзы, скучившиеся одна возле другой, были пусты. Около одной из них валялась убитая собака. Видно, пристрелили ее за то, что не хотела эвакуироваться. Колонна, не останавливаясь, проехала через деревню, окутав ее пыльной завесой.

День все более клонился к вечеру, зной спал, тень от МГУ, что бежала рядом целый день, удлинилась. Колонна остановилась, и с ее головы перекатилась команда: «Глуши моторы!»

— Кажется, всерьез остановились. Надо сходить уз-

нать, — сказал Морозов, открывая дверцу кабины. — Эй, Николай Якуб! Выходите, разомнитесь.

Идти Морозову никуда не пришлось. У МГУ показался озабоченный капитан Марсин.

— Там, за поворотом, — показал в сторону головы колонны, — поврежден мост. В общем, застряли надолго, будем ночевать. Поблизости есть какой-то поселок. Мне приказали осмотреть его, может, там и заночуем. Пойдете со мной.

— Приказ есть приказ, — охотно согласился Морозов. — Королев и Гаврилович с нами, Подсосенко остается с машиной. Пошли! — взял он на ремень автомат.

— О, у вас даже автоматы есть, — завистливо заметил капитан. — Где получили?

— Фронтовая смекалка, — отшутился Морозов.

Присоединив к ним двух солдат из типографии, капитан Марсин повел их к поселку.

Минут через двадцать они остановились перед широко раскрытыми железными воротами. Поселок показался им странным, совершенно не похожим на ту китайскую деревушку, которую они миновали. Прочная ограда с колючей проволокой поверху, по углам — деревянные вышки, на которых виднелись стволы пулеметов.

— Концлагерь был здесь или што? — спросил, недоумевая, Гаврилович.

— Непохоже! — не согласился Морозов.

— Поселок японских колонистов, — авторитетно пояснил капитан Марсин. — Их японцы немало понастроили.

— Видать, с опаской жили. Даже пулеметами охранялись, — снова раздался голос Гавриловича. — Вон, видали! — показал он на ближайшую вышку.

— Ну-ка, ты и ты, — приказал капитан Марсин солдатам из типографии, — снять пулеметы!

Капитан Марсин чувствовал себя военачальником, руководящим боевой операцией. Пусть этот поселок пуст, но можно ведь по-разному преподнести историю о том, как он, капитан Марсин, занимал вражеский населенный пункт.

— Быстро драпанули, раз пулеметы бросили, — сказал Королев. — Хоть бы одна живая душа, чтобы поговорить, узнать, как тут все было.

— Первые дни в Пруссии тоже хутора пустыми были, — вспомнил Морозов. — Даже коров, которых не успевали с собой увести, пристреливали.

— Пошли! — скомандовал капитан Марсин, вынимая

пистолет из кобуры. — И не расходиться. Не исключено, что какой-нибудь фанатик остался.

Они шагнули вперед к домам, где еще недавно шла чужая, незнакомая жизнь, не очень-то свободная и привольная, если она была вынуждена защищаться колючей проволокой, оградой, вышками с пулеметами. И в каждом из этих добротных домов с черепичными крышами была винтовка.

— Товарищ капитан! — раздался крик солдата, бежавшего от ближайшей вышки.

— Что там? — резко остановился Марсин.

— Не пулеметы это, а туфта, — проговорил, запыхавшись, солдат и бросил на землю деревянный макет пулемета.

Все с любопытством посмотрели на деревяшку.

— Хитрецы, — толкнул ногой макет капитан Марсин. — Но там, — кивнул он в сторону вышки, — раньше настоящие были. Недавно заменили, краска свежая. Пошли! — снова скомандовал он.

— Начнем осмотр с этого, — показал капитан на более крупный дом, на стенах которого висели полосы-лозунги, написанные крупными, жирными иероглифами.

Он первым раздвинул дверь, и Морозов подумал, что надо бы предупредить капитана, напомнить, что гитлеровцы иногда минировали дома, начиняли их разными «сюрпризами», и не один наш воин на первых порах становился жертвой собственной неосмотрительности. Если в этом поселке есть мины, то в первую очередь в этом доме — самом крупном среди остальных.

Но капитан Марсин уже шагнул в дверь, и остальные потянулись за ним. Они остановились перед золотисто-светлыми чистыми циновками, устилавшими пол комнаты. На первый взгляд комната была нежилой — никакой мебели, только низенький, словно детский, столик в углу да на стене картина размером с полотенце, на которой черными полутонами изображена гора со снежной вершиной. И ни одной двери, будто остальные комнаты имели отдельные входы с улицы.

Капитан Марсин уверенно подошел к стене, оклеенной бумажными обоями, закрепленными деревянными планками, и, все еще не выпуская пистолета из руки, раздвинул стенку. Он было вошел в другую комнату, но тут же попятился.

— Там, — голос капитана дрогнул, — мертвые. Женщина и дети.

Морозов мягко отодвинул капитана в сторону и вме-

сте с Королевым прошел дальше. В углу на полу, устланном такими же циновками, пестрым узлом одежды, свернувшись калачиком, лежала женщина. Морозов нагнулся над ней, откинул ворот кимоно.

— Задушили, — мрачно произнес он. — Хозяин этого дома и задушил. Сволочь!

— Неужели сам? — почему-то шепотом спросил Королев.

— В Германии тоже такое случалось, — выпрямился Морозов. — Фашисты, самураи — одна порода. Тот же мерзавец Геббельс отравил жену и детей, а потом и сам. А Гитлер! Как скорпионы!

— Осмотреть весь дом! — раздалась команда Марсина. — И побыстрее, а то мы так долго проваландаемся. Больше в доме никого не оказалось. Когда вышли на улицу, Морозов, показав на лозунги, спросил Королева:

— Что они здесь понаписали?

Тот быстро обежал иероглифы глазами и громко прочитал:

— «Доведем священную войну до победного конца!», «Сто миллионов, встаньте, как один!», «Да здравствует победа великой императорской армии!» Ну и другая такая же ерунда.

— Конец теперь им будет. Это точно, — махнул рукой Морозов.

— Товарищ младший лейтенант, — вмешался один из солдат. — Что тут написано? — подал он толстую бутылку темного стекла с пестрой наклейкой.

Королев посмотрел на этикетку:

— Это сакэ, японская водка. Только она куда слабее нашей. Японцы пьют ее подогретой.

— Подходяще! — довольно ощерился солдат.

— Где взял? — отобрал бутылку Морозов.

— Да в этом доме. Вроде кухня. Там еще остались.

Морозов резко взмахнул рукой, и бутылка вдребезги разлетелась осколками по утрамбованной перед домом земле.

— Если хочешь домой живым вернуться, — зло проговорил он, — никогда не пей незнакомой дряни. Даже с самой красивой этикеткой. Эта сволочь, которая жену и детей задушила, могла и яда добавить для таких любителей, как ты. Случалось и такое.

— Так я ж, — стал оправдываться солдат, — смотрю — запечатанная. Открытую я не взял.

— Ладно, — примирительно проговорил капитан Марсин, — пошли смотреть остальные дома, а ты, — повернул-

ся он к солдату, — раз такой прыткий на трофеи, беги к подполковнику, скажи — заночевать здесь можно.

— Слушаюсь! — неохотно буркнул солдат и затрусил к воротам.

Они еще не успели осмотреть все дома, как в воротах показалась первая автомашина, и капитан Марсин пошел докладывать подполковнику. Когда МГУ остановилась около них и Подсосенко подошел к ним, Морозов спросил его:

— Ты как, Степан Федотович, мертвых не очень боишься?

— А чего их бояться? — недоуменно спросил тот. — Мертвяк, он завсегда безвредный, ежели запаха от него еще нет.

— Ну вот и отлично. Тогда остановимся экипажем в этом доме. Думаю, капитан Марсин к нам не присоединится. Похоже, он мертвых только в гробу видел. Там они привычнее, официальнее, что ли, смотрятся.

Королев рассмеялся. Командир МГУ придумал ловко: к ним капитан явно не подселится. Какая кошка пробежала между ними? Морозов явно недолюбливал капитана, хотя и старался не показать ему этого, а тот держался с командиром МГУ только официально.

Он долго лежал и не мог заставить себя уснуть, хотя подъем был назначен на шесть ноль-ноль. И завидовал остальным троим, которые давно уже спали. Он был моложе их, не испытал того, что Морозов и Гаврилович на фронте. Подсосенко за свою жизнь тоже немало чего повидал. Он понимал также, что они относятся к нему заботливо. Ведь даже молчун Якуб стал развлекать его фронтовыми историями во время марша сюда.

Конечно, знать, что за бумажной стенкой лежат три трупа, было не особенно приятно. Его взволновала сама трагедия, которая произошла в этом доме еще недавно. Задушить собственных детей! До какого же изуверства, какой бесчеловечности надо было дойти! Ведь даже хищные звери и те защищают своих детей до последнего издыхания.

Он пытался мысленно представить, как шла жизнь в этом доме, как хозяйничала в нем мертвая теперь японка, стараясь создать в нем уют; как резвились в этой комнате две девчушки в такой экзотической одежде.

Как вот с такими разговаривать? А ведь ему придется. Придется разъяснять такие простые, но незнакомые им истины, что они, воины Советской Армии, подняли оружие не против женщин и детей, живших в этом поселке за ко-

лючей проволокой. И от него, младшего лейтенанта, зависит немало, чтобы в таких домах не попадались трупы.

Поворочавшись, он все-таки уснул...

На рассвете Николай Королев проснулся, не дожидаясь команды. Потягиваясь, он вышел из дома и увидел, как Подсосенко и двое солдат копают яму.

— Что это вы решили землю ковырять? — удивился он.

— Могилу роем. Надо похоронить японку и детишек. Не дело оставлять их так.

— Молодец, Федотович, дельно решил. Дай-ка мне лопату, разогреюсь немного.

Подсосенко протянул ему лопату и начал скручивать папиросу.

— Я бы того гада, который их прикончил, стрелять бы не стал. Сам удавил бы и не закашлялся.

Младший лейтенант посмотрел на его руки: толстопалые, широкие ладони с вечными мозолями. Такой, действительно, мог бы задушить любого врага в схватке, если бы пришлось.

Похоронили мертвых только тогда, когда все уже проснулись. Быстро закопали, набросали небольшой холмик, и Подсосенко воткнул в изголовье могилы небольшой столбик. «Чтобы видно было — могила здесь», — пояснил он.

После завтрака на скорую руку Морозов спросил Марсина:

— Узнать бы, товарищ капитан, что на фронте за день произошло.

— Правильно, — согласился тот. — Сейчас узнаем.

Он сам пошел к начальнику колонны, у которого была рация. Вернувшись, он собрал подчиненных и торжественно-дикторским тоном прочитал записанную сводку:

— Войска нашего фронта заняли Пинянчжень, Мулин. Забайкальский фронт продвинулся на 80 километров и сейчас штурмует перевалы через Большой Хинган. Второй Дальневосточный фронт форсировал Амур, Уссури и тоже успешно продвигается вперед.

Капитан довольно посмотрел на всех и не спеша сложил бумажку.

— Слыхали, как жмут? Так мы в тылу и до Харбина проскочим. — Снова зависть послышалась в голосе Королева.

— Не завидуй, — усмехнулся Морозов. — Думаю, и на нашу долю хватит. Не торопись поперед батька...

Вскоре колонна второго эшелона политотдела выехала

за ворота поселка и вновь двинулась на запад. Через два-три километра им навстречу стали попадаться шедшие по самой обочине дороги китайцы — мужчины, женщины, детишки. Почти все с коромыслами, на которых тащили корзины, тюки с жалким скарбом. Тощие, с темно-коричневыми загорелыми лицами, босоногие, одетые в заплатанные штаны и рубахи, они широко улыбались, что-то кричали, подымая вверх большой палец. Передний нес на палке красный лоскут.

— Ну вот и хозяева в деревню возвертаются, — проговорил Подсосенко. — Значит, самураям не до них.

— Им бы лучше японский поселок занять, — заметил Морозов. — Разве сравнишь дома с их фанзами.

— Займут малость погодя, — уверенно ответил Подсосенко. — А то и растащить могут по бревнышку, по доске. Факт — растащат.

И опять потянулась такая же пыльная дорога, то сжатая склонами сопок, то идущая по просторным падям с узкими речками, через которые были переброшены свежесрубленные мосты. И снова заросли гаоляна, чумизы, перемежаемые полями сои, пшеницы, овса.

Часа через три показался не то городок, не то большое село, окруженное высокой глинобитной стеной. Ворота с разлапистой аркой вверху были раскрыты настежь, из них то выходили, то входили люди. По длинной узкой улице, вдоль которой фанзы лепились одна к другой, как лягушачья икра, колонна выехала на квадратную площадь. У дверей фанз стояли их обитатели, которые с энтузиазмом махали руками, у многих были банки, деревянные ведра с прозрачной водой, которую они предлагали всем, кто сидел в автомашинах.

На площади колонна остановилась, и сразу же ее окружила галдящая толпа любопытных. Особенно усердствовали мальчишки.

Подполковник, командовавший колонной, приказал осмотреть машины, технику, передохнуть и, естественно, сделать все, что кому нужно после такого длинного перехода.

От самого добротного дома, на крыше которого висел красный флаг, торопился лейтенант. Он представился командиру колонны как советский комендант этого уездного городка. Прислушавшись к разговору, Морозов понял: лейтенант уже успел замотаться на этой необычной для него должности. Он особенно жаловался на то, что у него нет квалифицированного переводчика, а ни он, ни его солдаты по-китайски не понимают. Нашелся здесь старик, ко-

торый когда-то бывал в России на заработках, по по-русски теперь помнит только слова о еде. Более того, большинство населения неграмотно, и что они поняли из расклеенных на стенах обращений Советского командования и приказов, лейтенант не знает. Связь работает еще плохо, все части проходили через городок не останавливаясь, и если бы не радио, он вообще бы не знал, что произошло за последние двое суток.

Подполковник внимательно выслушал лейтенанта и тут же позвал капитана Марсина:

— Задержитесь здесь с МГУ, капитан. Проведите митинг, разъясните населению положение. Надо помочь лейтенанту. Заночуем мы в Мулине. Так что помитингуйте, не особенно задерживаясь, и жмите за нами. Лучше с попутными машинами. Так безопаснее. А в общем, решайте сами.

— Слушаюсь! — козырнул Марсин. Капитан был доволен и этим поручением. Одно дело ехать на положении пассажира и другое, если он по прибытии доложит о проделанной работе.

Комендант просиял и долго благодарил подполковника, потом как тень ходил за капитаном Марсиным, словно боялся, что тот возьмет и уедет, ничего не сделав.

Едва колонна тронулась в путь, он позвал капитана и весь экипаж в комендатуру:

— Немного перекусим и — за дело. У меня тут есть староста. Может, сказать ему, чтобы собрали народ?

— Не надо собирать, сами сбегутся, как только заговорит, — кивнул капитан в сторону МГУ. — А со старостой познакомиться надо. Что он за человек?

Лейтенант неопределенно качнул головой:

— Да вроде бы человек порядочный. Как я понял — при японцах не служил. Фанза у него не лучше других и руки с мозолями.

Комендант, явно обрадованный долгожданной помощью, оказался щедр на угощение и даже поставил бутылку водки, от которой капитан Марсин и Подсосенко отказались.

МГУ выехала на центр площади и, когда раструбы динамиков выровнялись вдоль главной улицы городка, остановилась. Комендант с любопытством смотрел, что же произойдет дальше. Такую машину ему видеть не приходилось.

Когда из динамиков раздался чудовищно усиленный голос капитана, комендант вздрогнул и отошел в сторону, а любопытные жители просто отпрянули в страхе. У ка-

питана Марсина была четкая дикция, и китайский язык он знал хорошо.

— Все жители приглашаются на митинг! Все жители приглашаются на митинг!

Это событие надолго запомнилось в городке. Об МГУ потом пошли невероятные легенды, и каждый участник митинга приукрашивал ее мощь и силу до невероятного.

Как ни торопились, но час времени потратили. Капитан Марсин еле вырвался из окружившей его толпы: каждый что-то спрашивал. Вытирая потное лицо, он отверг новое приглашение лейтенанта подкрепиться на дорогу и скомандовал: «Поехали!»

— Ожидать попутных не будем? — спросил Морозов.

— Зачем? Неизвестно, сколько ждать их, а так, может быть, своих догоним.

Приподнятое настроение не покидало капитана. И понять его можно: наконец-то состоялась одна из встреч, к которым он так долго готовился.

— Ехать так ехать, — согласился Морозов. — Прошу! — показал он капитану на кузов. — Гаврилович! Привяжи дверь открытой. Оружие держать наготове. В случае чего, выпрыгивайте и занимайте позицию по обстоятельствам.

Он уже уселся рядом с Подсосенко, как вдруг в стенку застучали и раздался голос Гавриловича:

— Погодь, старшой, колонна подходит якась.

Морозов вышел из кабины. Столб пыли за глинобитной оградой свидетельствовал, что Гаврилович не ошибся.

Вскоре мимо них, не останавливаясь, прогрохотала танковая рота, и МГУ пристроилась ей в хвост.

— Подходящий конвой! — удовлетворенно проговорил Морозов. — Держись за ними, Федотович.

Уже давно остался позади городок. Солнце припекало все сильнее, но они не могли ни открыть дверцу, ни опустить стекла. Танки подняли такую пыльную завесу, что Подсосенко включил фары, но и они мало помогали.

— Да приотстань ты, — взмолился Морозов. — Хлопцы задохнутся в кузове.

На обочине дороги показался мощный тягач с прицепом, полным ящиков. Водитель склонился над открытым капотом. Только-только проехали мимо тягача, как танки остановились. Обождав с минуту, Морозов открыл дверцу:

— Пойду на разведку. Долго они прохлаждаться будут или нет.

Он быстро зашагал в голову колонны. От танков несло жаром, запахом перегретого масла, солярки. У переднего

танка стоял русоволосый капитан, комкая танкистский шлем в руках:

— Мост взорвали какие-то гады. И, видно, недавно, — с досадой сказал он. — Там помпотех смотрит берег.

Морозов пошел дальше к мосту. Да, капитан прав — мост взорван недавно, незадолго до подхода танков. Около моста стоял офицер и внимательно смотрел на берега речушки. Затем он спустился вниз, перешел ее — вода оказалась по колено, — потыкал железным прутом дно, противоположный берег и вернулся. «Мы пройдем», — удовлетворенно сказал он и пошел к роте. Вскоре танки подошли. Первый из них осторожно спустился и, взревев мотором, довольно легко выскочил на другую сторону, за ним второй, третий...

К мосту подъехала МГУ. Подсосенко и все остальные присоединились к Морозову. Подсосенко вздыхал, чесал голову, потом тоже спустился к речке, перешел ее и вернулся.

— Не пройдем! — вздохнул он. — Не пофартило.

Он снова пошел к мосту, внимательно разглядывал его, что-то бормотал про себя. Все с надеждой смотрели на него.

— И мост какой-то плюгавенький, — огорчился капитан Марсин. — Теперь не догнать наших. Что делать будем? — спросил он у Морозова.

— Скорее всего придется ждать, пока еще кто-нибудь подъедет.

Вернувшись от моста, Подсосенко проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Конешно, ежели два стояка поставить, а сверху колею положить из плах, то можно попробовать. Однако часа два провозимся.

— Тогда командуй, Федотович! — решительно произнес Морозов. — Не стоять же без дела.

Они вовсю трудились, выполняя указания Подсосенко, когда к мосту подошла группа китайцев. Они остановились и с любопытством смотрели, что делают русские.

— Капитан, — предложил Морозов, — поговорите с ними, пусть помогут. Ради них же стараемся.

Марсин вылез на дорогу к китайцам и горячо заговорил. Не дослушав его, те тут же бросились помогать, галдя и смеясь. Работа пошла быстро, дружно, и вскоре они уже накладывали колею для МГУ.

Сзади раздался гул мотора и показался тягач с прицепом, на котором сидело двое солдат. Водитель подошел, посмотрел результат их трудов и покрутил головой:

— Цирк! Как по канату хотите пройти. Не, это не для меня. А танки, значит, вот там прошли?! Тогда и я за ними.

Вскоре тягач, притормаживая от напора прицепа, спустился с берега, натужно заревел его мотор, выхлопывая густо-черные клубы дыма. Казалось, тягач вот-вот надорвется, но он под восторженные крики китайцев выполз на противоположный берег. Мотор его заурчал размеренно. Водитель вылез, осмотрел сцепку, прицеп и, весело оскалив зубы, крикнул: «Прощевайте!»

— Он же мог и нас отбуксировать! — недовольно произнес капитан Марсин. — Надо было его заставить.

— Разорвать он нас мог, товарищ капитан, — пояснил Подсосенко, — а потом по половинке вытаскивать. Давайте лучше кончать.

Вскоре колея для МГУ была настлана. Все спустились к речке, помыли руки. Капитан Марсин поблагодарил китайцев, но те не уходили, уселись у моста, намереваясь посмотреть на результат общего труда.

— Ненадежное сооружение, — с сомнением сказал капитан. — Как бы мы не угробили машину. Вы се командир, вам и решать, — обратился он к Морозову, снимая ответственность с себя.

— Как, Федотович, проедешь? Не загремишь? — спросил Морозов.

Подсосенко еще раз оценивающе посмотрел на мост и неторопливо ответил:

— Вполне можно. Головой ручаюсь. Мне за мою жизнь и не такое случалось.

— Ну тогда, как раньше говорили, с богом!

С напряженным вниманием смотрели они, как Подсосенко спокойно сел в кабину, завел мотор, минуту-другую прислушался к его работе, потом включил передачу и тихо повел машину на мост, который скрипел, покряхтывал, казалось, готовый в любое мгновение рухнуть. Впереди нее, пятясь, шел Морозов, наблюдая за передними колесами, чтобы они точно шли по колее. При общем молчании громкоговорящая коснулась берега передними колесами, потом второй парой, третьей и, наконец, выкатила на дорогу.

Раздался всеобщий радостный крик, и все бросились обнимать Подсосенко, который, казалось, был взволнован меньше всех.

— Ну, Федотович, — жал руку водителю Морозов, — геройский ты мужик. С тобой хоть куда.

— Об этом я доложу майору Марштейну, — авторитетно произнес капитан Марсин.

— Да ладно вам, — засмущался вдруг Подсосенко. Ему действительно стало немного не по себе. Ну что особенного он сделал? В дальних рейсах по тайге ему приходилось и похуже. Одному надо было выпутываться, спасать себя и машину. А тут и дел всего-то. Да еще такой артелью.

МГУ покатила, набирая скорость. Дорога снова пересекла широкую долину, всю поделенную на квадратики полей, залитых водой, которая проблескивала из-под зеленого ковра.

— Рис! — пояснил Подсосенко. — Интересное, понимаешь, дело: садят и выхаживают китайцы, а едят самураи. Да еще как садят. По росточку, руками, по колено в воде. Каторжный труд, ежели подумать. Нам на лекции капитан Зотов рассказывал. Знающий человек.

— У нас в отделении все офицеры хорошие специалисты.

— Может, и так. Только капитан Зотов человек душевный. С ним обо всем запросто можно поговорить. И присоветует дельно.

— Да откуда ты успел узнать? — уже заинтересовался Морозов. — Ты, как и мы, недавно.

Подсосенко еле заметно усмехнулся.

— У нас, солдат, свои разговоры есть. А солдат, он все видит. Вот, скажу тебе, — кивнул головой назад Подсосенко, — тоже капитан. Так он только приказывает. Осторожный...

— Капитан Марсин поступает строго по уставу. Он хороший специалист.

— Оно, может, и так...

Проехали через долину и вновь нырнули в узость, словно прорубленную между сопками неведомыми силами. Дорога начала описывать плавную кривую, и на ее окончании показался тягач с прицепом. Он стоял, загораживая дорогу.

— Что случилось у этого лихача? — недовольно проговорил Морозов.

К ним бежал, размахивая рукой, солдат и, приблизившись, закричал:

— Стой! Стой!

— Что случилось? — открыл дверцу Морозов.

— Там стреляют. Микиту убили!

Морозов и Подсосенко вышли из кабины, из кузова выскочили остальные.

Тишину нарушал только мотор тягача, и казалось, что здесь не могло быть никакой опасности.

— Давай подробнее, как все случилось?

— Как только тягач вышел из-за поворота, в нас начали стрелять. Микиту сразу же. Как он только остановил тягач, не знаю.

— А почему же вы не вытащили его из кабины?

— Так стреляют же, товарищ старший лейтенант. Снайперы. Мы хотели, так и близко к кабине не дают подойти.

Солдат был совсем юн, и, по всему видно, это были первые вражеские пули, направленные в него. Он волновался, чувствовал себя очень виноватым и с надеждой смотрел на офицера.

— Положеньице, — протянул озадаченно Морозов. — Ни вперед объехать, ни назад повернуть. Что будем делать, капитан? — обратился он к капитану Марсину. Тот пожал плечами:

— Я думаю...

— Разреши, я вытащу водителя, — прервал капитана Королев. — Может, он жив.

— Возможно, — сжал губы Морозов. — Да только ты дорогу не освободишь. Управлять умеешь?

— Нет.

— А я, наверное, смогу. Автомашину вожу, а с тягачом как-нибудь справлюсь.

— Ну нет, — вмешался Подсосенко. — Я не как-нибудь. И на тягачах и на всех тракторах приходилось. Ежели что, сам повезешь этот граммофон, — хлопнул он рукой по кабине МГУ, достал каску и надел ее на потные с проседью волосы, потом, пригнувшись, пошел к прицепу.

Морозов не стал задерживать его — солдат решил правильно.

— Будь осторожнее! — только и успел сказать он.

Затаив дыхание, следили они, как Подсосенко подошел к прицепу с невидимой для диверсантов стороны и присел за передним колесом. Вот он рывком оказался уже за кабиной тягача, немного обождал и, быстро открыв дверцу, одним прыжком оказался в кабине.

Откуда-то сбоку раздался выстрел, второй, но мотор тягача продолжал работать. Вдруг мотор взревел и прицеп попятился назад. Морозов быстро сел за руль и тоже сдал МГУ, но тягач с прицепом уже остановился. Открылась дверца, и Подсосенко, став на землю, начал вытаскивать из кабины водителя.

Гаврилович бросился помогать ему. Они положили во-

дителя в тень. Лицо его было бледным, на гимнастерке расплылось кровавое пятно.

Морозов нагнулся над ним и стал ножом распарывать гимнастерку.

— Якуб, быстро пакет, он еще жив!

С помощью Гавриловича Морозов туго забинтовал грудь водителя и влил ему в рот несколько глотков воды.

— Ничего, должен жить. В плечо его они. Жаль, крови много потерял. Его бы в медсанбат сейчас, да ведь задом не доберешься, — кивнул он на МГУ. Ладно, чуть обождем, может, кто еще покажется.

Потом он снова протянул руку Подсосенко.

— Молодец, ну молодец! Воин! Да смотрите, — показал он на каску Подсосенко, — они, оказывается, по голове его врезали.

— О вашем подвиге я доложу командованию! — внушительно произнес капитан.

— Да чего там, — непочтительно отмахнулся Подсосенко. — Простое дело. Ехать-то надо, и человека завсегда выручать положено.

Николай Королев в этот момент остро завидовал Подсосенко. Пусть не подвиг, но геройский поступок совершил самый пожилой из них. Ну пусть не геройский, а мужественный, как настоящий воин. А он оказался в стороне. Еще в разведчики хотел вернуться.

Капитан Марсин к поступку Подсосенко отнесся спокойно. На то тот и есть солдат. Не ему же, капитану, самому старшему по званию, надо было лезть под пули диверсантов. Неразумно и нецелесообразно. Да и тягачом управлять он не умеет. Так что все было правильно.

Он со странным чувством смотрел на раненого водителя, на бинты, сквозь которые все еще проступала кровь, на его обнаженную грудь с выпирающими от худобы костями. Он вспомнил, как дома малейший порез или царапина были настоящим событием, поводом обратиться к врачу. Ведь даже при малейшем порезе никто не гарантирован от столбняка. Осторожность никогда никому не вредила.

И вдруг он представил себе, что это не водитель, а он, капитан Марсин, лежит вот так, простреленный, на этой земле. И, может быть, без надежды остаться живым. И не станет молодого еще, подающего надежды научного работника. Им он был до армии и станет после демобилизации.

Да разве его можно сравнить с этим водителем? Од-

5*

на его учеба обошлась государству в большие деньги, и он обязан все возместить своими исследованиями.

Конечно, он, капитан Марсин, не трус, об этом и мысли не может быть. И, если надо, он тоже готов на подвиг. Но и цель подвига должна быть соответственной. Попасть под случайную пулю диверсанта было бы, действительно, не по-государственному.

— Откуда стреляли, заметил? — прервал мысли капитана голос Морозова.

— Так точно! — ответил Подсосенко. — Там, за поворотом, падь небольшая, метров сто двадцать, сто пятьдесят. А на той стороне, на взгорбке, вроде кумирня старая. Оттуда. Двое или трое там.

— Когда ты успел заметить? — даже удивился Морозов таким подробностям.

— Так охотник же я. Когда на зверя идешь, все враз надо замечать. Как же иначе. Только прямо к ним нельзя. Место открытое и вроде топкое.

— Понятно, — обвел всех взглядом Морозов. — Дольше ждать нельзя — человек может умереть. На машине вперед тоже нельзя — насквозь прошьют. Будем выбивать самураев — другого выхода не вижу.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился к нему официально Королев. — Давайте так: вы отсюда огнем их отвлекать будете, а я с тыла им зайду. Вернее и быстрее.

В его глазах была такая решимость и отчаянная просьба, что Морозов не мог не согласиться. «Парень сильный, ловкий, разведчиком был. Да и дельно решил», — подумал он.

— Согласен! Гаврилович, дай ему автомат и пару гранат. Только смотри, Николай, не торопись. Без лихости. Самураи тоже не дураки, может, кто из них и за тылом наблюдает. Подсосенко, отдай карабин Гавриловичу. Я приказываю! — повысил он голос. — Вы тоже с нами, — приказал он солдатам с прицепа. — Только зря не высовывайтесь и в белый свет не пуляйте.

Морозов вопросительно посмотрел на капитана.

— Согласен, — ответил тот. — Действуйте. Я останусь и пройду назад, чтобы предупредить, если кто вроде нас появится. И раненого попробую отправить. Иначе он не доживет.

— Пошли! — скомандовал Морозов, и они скрылись в зарослях.

Капитан Марсин остался, не зная, что делать. Идти назад до поворота не было смысла — любая машина мог-

ла остановиться и здесь. Кроме того, неизвестно, что там сейчас, на том повороте. Ведь диверсанты могли сменить позицию, и он окажется совершенно беззащитным со своим пистолетом. Может, лучше было бы пойти со всеми? Но ведь все равно винтовок на всех не хватает, а от пистолета толку мало. Отобрать винтовку у солдата? Тоже глупо. Ведь солдат, определенно, лучше стреляет, чем он. Его этому специально обучали. Конечно же, если рассуждать логически, он правильно решил.

И где-то глубоко в душе капитан Марсин завидовал Морозову. Его спокойствию, решимости, тому, как тот запросто, с автоматом в руках пошел выбивать диверсантов.

«Но я решил правильно, правильно! — убеждал он себя. — Морозов фронтовик, он привык, он знает, как в таких случаях надо действовать».

Внезапно раздалась автоматная очередь, которая заставила капитана вздрогнуть. Потом размеренно начали стрелять винтовки. Было даже слышно, как откуда-то впереди и сбоку доносились ответные выстрелы «арисак». Капитан с неприязнью посмотрел на Подсосенко. Как тот мог спокойно сидеть около раненого, посасывая козью ножку? Ведь рядом идет бой. Он нервно расхаживал вдоль МГУ и тягача, с нетерпением ожидая, когда все кончится и они смогут отправиться дальше. Он даже прозевал, как сзади подкатил, заскрипев тормозами, «виллис». В машине сидели полковник и два автоматчика, которые держали оружие наготове, оглядываясь по сторонам. В полковнике капитан узнал заместителя начальника политотдела. Тот, задержавшись в политуправлении фронта, догонял войска армии.

— Что случилось, капитан? — спросил полковник.

— Дальше нельзя, товарищ полковник, — вытянулся перед машиной Марсин. — Там диверсанты, ранили водителя тягача.

— А кто там с ними ведет бой?

— Командир МГУ старший лейтенант Морозов с экипажем и два солдата с тягача.

— А ты руководишь? — в голосе полковника послышалась ирония.

— Я, товарищ полковник, — густо покраснел капитан, — чтобы эвакуировать раненого. Иначе он может...

— Понятно. Как самый старший по званию взял самое трудное на себя. Где раненый?

— Там, за тягачом, — упавшим голосом ответил капитан.

Полковник вышел из машины и подошел к вытянувшемуся у раненого Подсосенко.

— Как он?

— Пока жив, — тревожно ответил Подсосенко. — Без сознания. Его бы быстрей в медсанбат.

— Понятно. Ну-ка давай его в мою машину, — нагнулся он к ногам водителя тягача.

Вдвоем они перенесли его в «виллис», уложили на заднее сиденье.

— Капитан, отправляйся с раненым, раз ты для этого оставался. Отвезешь в медсанбат хозяйства Попова. Тут недалеко — шофер знает. Дождись операции, результаты потом доложишь мне. Догонишь на попутных. Все!

— Слушаюсь!

«Виллис» круто развернулся и быстро скрылся за поворотом.

— Специалист! — процедил сквозь зубы полковник. — Да что они там возятся, чего на одном месте топчутся? — недовольно спросил он у Подсосенко. — Так могут до вечера пулять.

— Так что они, товарищ полковник, — степенно ответил Подсосенко, — самураев на себя притягивают, а в обход им младший лейтенант Королев пошел. Скоро прикончат.

— Ты так уверен?

— Ну! Што старший лейтенант, што младший, тот же сержант Гаврилович — боевые мужики. Солдатики, те, конечно, еще зеленые.

— Значит, боевые мужики? — улыбнулся полковник.

— Так точно!

— А сам чего не пошел?

— Так старший лейтенант карабин отобрал, — пожаловался Подсосенко, — а так бы я завсегда.

— Отобрал?

— Ей-богу, отобрал.

— Вот я ему задам, как у солдата карабин отбирать.

— Так ежели рассудить, товарищ полковник, он по справедливости.

Полковник не выдержал и рассмеялся.

— Защищаешь своего командира? Так и поступай всегда.

Раздался взрыв гранаты, за ним тотчас же другой.

— Ну вот их младший лейтенант и прикончил, — удовлетворенно сказал Подсосенко, — значит, скоро и тронемся.

Минут через пять к МГУ вышли Морозов и два сол-

дата. Увидев полковника, Морозов быстро подошел к нему и доложил:

— Товарищ полковник, командир МГУ старший лейтенант Морозов.

— Сражаешься? — прервал его полковник.

— Иначе нельзя было, — слегка пожал плечами Морозов. — Нашу машину любая пуля из строя может вывести. Нельзя было рисковать.

— А людьми рисковать можно?

— Война, товарищ полковник.

— Ладно, шучу. Молодец, старший лейтенант, — хлопнул его по плечу полковник. — Правильно решил. А где остальные?

— Сержант Гаврилович пошел навстречу младшему лейтенанту Королеву. Ловко тот их. Они засели в какой-то развалине, так только осколки в стороны полетели. Он нам просигналил — все в порядке.

Минут через десять на дорогу вышли Королев и Гаврилович. Они несли две японские винтовки, подсумки, свертки. Заметив полковника, остановились.

— Давайте без доклада. Ну-ка рассказывай, младший лейтенант.

Королев смутился:

— Так ничего особенного, товарищ полковник. Они отвлекали, а я зашел с тыла и гранатами их.

— Значит, ничего особенного, — чуть улыбнулся полковник. — А не боялся, если откровенно?

— Если честно, боялся, — поднял глаза Королев. — Их боялся, — показал он на остальных. — Метко били. Я от их пуль почище самурайских хоронился. Да и самураи там оказались плюгавые, — протянул он японские солдатские книжки, — юнцы, в армию полгода как призваны. А туда же, в смертники подались.

— Черт их знает, может, и не по своей воле подались, сейчас уже их не спросишь. Старший лейтенант, построй всех!

И после команды «смирно» полковник торжественно произнес:

— От имени командования выражаю всем благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — дружно гаркнули все в ответ.

Когда «официальная» часть закончилась, Подсосенко, кашлянув, вытянулся по стойке «смирно».

— Разрешите обратиться, товарищ полковник!

— Слушаю.

— Как там наши наступают? Очень интересуемся.

Полковник улыбнулся:

— Побыстрее, чем вы здесь двигаетесь. Наша тридцать девятая за сорок два часа на сорок семь километров продвинулась. А ведь вы сами видели, каким путем шли. Вам-то дорогу уже приготовили. Да ведь не просто прошли, доты штурмовали, японцев гнали... В общем, хорошо наступаем. Даже здорово. Забайкальский фронт прорвал Халун-Аршанский укрепрайон, уже перевалил через Большой Хинган и овладел городами Салунь и Ванэмяо. Наш фронт занял города Хулинь, Дунин, Линькоу. Вот так! — довольно закончил полковник, обведя всех повеселевшими глазами.

— Понятно! — солидно ответил Подсосенко. Он, конечно, не представлял, где эти маньчжурские города, но главное уяснил: наступление наших идет хорошо, без остановки, раз города занимают.

— Товарищ полковник! Вы с нами или как прикажете? — спросил Морозов.

— Я обожду свою машину, да и им надо помочь, — показал полковник на солдат с тягача. — Скоро здесь пройдет одно хозяйство, вот я от них и заберу водителя.

— Извините еще раз, а капитана Марсина прикажете подождать?

— Сам доберется, — жестко ответил тот. — Вы намного отстали от второго эшелона?

— Часа на три, — посмотрел Морозов на часы.

— Да... Может, подождете попутчиков?

— Если разрешите — мы поедем.

— Добро. Только сражений лишних не затевайте. Я бы, например, младшего лейтенанта одного в обход не послал.

— Виноват, товарищ полковник. Но он же разведчиком был. И мы знали — там только двое самураев было.

— Ну, ну, в добрый путь.

Экипаж МГУ занял свои места, и она, набирая ход, снова покатила по узкой дороге навстречу новым перевалам, падям, лощинам, зарослям гаоляна и всего, что росло, возделанное руками китайцев. На полях мелькали их согбенные спины. Видно, жизнь уже вошла здесь в нормальную колею, да и поля ждали, пропадал результат их тяжких трудов. Разве может допустить это труженик земли?

— Эй, — постучал в стенку Морозов, — дверцу открытой оставили?

— Так точно! — отозвался Королев.

— Ты тоже, Федотович, — посоветовал Морозов, —

будь всегда готов котом из кабины выскочить. На одних напоролись, могут и другие встретиться.

— Оно конешно, — согласился тот, — так с какой стороны они стрельнут? А то прямо под пули и попадешь.

— Сориентируемся.

Подсосенко, по примеру командира, положил карабин на колени.

В это время Гаврилович дотошно расспрашивал, как это Королеву удалось зайти в тыл, подкрасться к самураям, бросить гранаты, что он потом увидел.

Тот посмеивался и отделывался шутками.

Но сам вспоминал и удивлялся, что некоторые подробности не запомнил, они прошли мимо него, и если бы он должен был бы вновь проделать этот же путь, то, возможно, местами шел бы не по своим следам. Тогда им владела только одна мысль: поскорее пробраться в тыл диверсантам, пока они не сменили позицию — тогда могло получиться плохо, он мог бы нарваться на них. Но японцы оказались неопытными вояками, увлеклись перестрелкой.

Зато, как он подбирался к ним на бросок гранаты, запомнил хорошо. Он заранее намечал, где заляжет, замаскируется, и делал перебежки, когда японцы открывали огонь. И только уверившись, что не промахнется, одну за другой бросил гранаты и ворвался в развалины, когда еще не осела пыль от взрывов, чтобы застать врасплох, если кто чудом остался жив. Чуда не было, оба японца были убиты. После этого он замахал автоматом, и из леса появился Гаврилович.

Впервые он воевал по-настоящему, сразил тех, кто хотел убить его друзей. И пусть в дальнейшем ему, находясь с МГУ, не придется сделать ни одного выстрела, он был доволен и благодарен командиру за то, что тот разрешил ему пойти в обход. Понятно, что Морозов рисковал и брал на себя большую ответственность. Еще больше стал уважать Морозова он за то, что тот так спокойно и решительно приказал уничтожить диверсантов, хотя мог дождаться подхода какой-либо части с оружием, которое могло снести диверсантов вместе с развалинами с лица земли. А раненый водитель тягача мог умереть. Командир МГУ правильно решил и потому, что вряд ли японцы стали бы ожидать, пока против них пустят пушку или миномет. Они могли покинуть эти развалины и на каком-нибудь новом повороте дороги, новой излучине исподтишка убить еще кого-либо. Все было сделано правильно.

Об этом бое он когда-нибудь расскажет Лене и о том,

с какими славными парнями свела его воинская судьба на этой необычной машине. И непременно о Подсосенко, которого давно никто не называет парнем.

— Переживаешь? — догадался Гаврилович. — Так со всеми бывает. Первый бой, он на всю жизнь запомнится. О, погляди, полковник догоняет. А капитана с ним нет. Подзадержался, видать.

Мимо них промчался «виллис». Оба солдата держали автоматы наготове, вглядываясь в мелькавшие заросли.

— Правильный полковник, — снова заметил Гаврилович. — Вон как жмут, не боится. Рисковый. А вдруг впереди еще какая сволочь засела.

— Значит, надо ему торопиться.

— Не дело это, — не согласился Гаврилович. — Конешно, начальники — они тоже человеки. Разных повидал. Только, думаю, их дело командовать, а не напередки солдата лезть.

— Вот и сказал бы об этом полковнику. Мол, я, сержант Гаврилович, считаю, вы неправильно делаете, когда вот так на машине наяриваете по дороге, где диверсанты могут быть. А он бы тебе еще одну благодарность.

— Да... Он объявил бы... — рассмеялся Якуб.

Нечто подобное подумал о полковнике и Морозов.

— Постарайся не очень от них отстать, — сказал он Подсосенко.

— От «виллиса»? — удивился тот, но прибавил ход. Однако пыль, поднятая машиной полковника, все удалялась, и Морозов убедился в безнадежности своей попытки. Через час гонки у перекрестка дорог, рядом с железобетонным мостом они увидели регулировщиков.

— Кажись, к жилому месту скоро попадем. Значит, полковник проскочил в безопасности, — удовлетворенно заметил Подсосенко и убрал карабин с колен.

Они проехали по мосту, под которым бурлила быстрая горная речка, усеянная каменными глыбами. Вокруг каменей пенилась, завихривалась вода. Речка была неглубокой, неподалеку от моста в ней с гоготом обливали себя голые солдаты. Судя по всему, вода была холодна, и купающиеся быстро выскакивали из реки, потом, чуть отогревшись, снова лезли в воду.

— Ишь, жеребцы, — завистливо произнес Подсосенко. — Было бы время машину помыть, — закончил он с надеждой.

— Сам знаешь — нет времени, — недовольно ответил Морозов. Ему и самому захотелось туда, в свежую хо-

лодную воду вместе с солдатами. — Что ты все про машину, о себе подумал бы. Не водитель, а кавалерист какой-то. Те, прежде чем самим умыться, поесть, сначала коней чистят, поят, кормят.

— Правильно делают.

— Так у них лошади, живые существа. А то машина. Сравнил.

— Не скажи, старшой, — возразил Подсосенко. — Машина, она тоже понимает. Как ты к ней, так и она к тебе. Очень даже понимает, — убежденно закончил он.

— Да ну тебя, Федотович, — рассмеялся Морозов. — Прямо метафизика какая-то.

— Насчет физики не знаю, а про машину точно, — не сдавался Подсосенко.

— Ладно тебе, вон и Мулин показался. Добрались наконец. Отдохнет там твой конь.

Скоро они въехали в город, одноэтажные строения которого на окраинах составляли те же фанзы и только в центре дома вырастали на два, редко три этажа. Бросалось в глаза множество красных флагов. Улицы были заполнены людьми. Жители довольно спокойно отнеслись к появлению МГУ.

На перекрестке улиц они притормозили у регулировщицы, плотной, коричнево загорелой девушки, очень строгой и деловитой. Ей надоели шутки и заигрывания всех, кто проезжал мимо нее в автомашинах: и солдат и офицеров всех рангов.

Она довольно сухо объяснила, что политотдел можно разыскать на противоположной окраине города, где находился японский военный городок, и махнула повелительно флажком: «Проезжайте, не задерживайтесь!»

— Серьезный товарищ, — заметил Морозов.

— При деле состоит. Я так думаю — не место бабам на войне. Баба, она женщина, ее оберегать надо.

— Ты прав, старина. Но такая война была с фашистами — все воевали.

— А я што, без понятия? Только на эту войну вряд ли брать надо было. Обошлись бы.

— Может, ты и прав. Обошлись бы, — согласился Морозов.

— Погляди-ка, ну, дают славяне! — покрутил головой Подсосенко.

По улице солдат бегом тащил коляску рикши, а в коляске уселся его товарищ и бренчал на гитаре; на лице сплошное блаженство. Докатив до перекрестка, солдат с

гитарой встал, отдал ее товарищу и занял его место в оглоблях.

Навстречу им прокатил настоящий рикша. Высокий худой китаец, запрягшись в оглобли яркой коляски с высокими колесами, размеренно бежал, шлепая по земле босыми ногами. В коляске, спокойно развалясь, сидела полная китаянка. Даже по их одежде было видно: у одного — удел лошади, у другой — роль седока.

За рикшей медленно проехали нагруженные мешками повозки, в которые впряглось по нескольку китайцев.

— М-да, — произнес Морозов. — Эти «кони» сами должны себя прокормить.

— Голодный народ, — подтвердил Подсосенко.

Вскоре они въехали в покинутый японцами военный городок.

Развалины на месте двух казарм свидетельствовали — японцы не отдали этот городок без боя.

— А вон и наши! — показал Подсосенко на машины походной типографии, стоявшие около одного из одноэтажных каменных зданий.

— Давай к ним!

Походная типография работала на полный ход, и у машины печатного цеха на ящике громоздилась изрядная кипа свежеиспеченных листовок.

— А, приехали, герои! — показался из машины начальник типографии лейтенант Коль. Он был в майке, мокрой от пота, капельки пота сверкали на его крупном горбатом носу. — Говорят, вы кучу смертников набили?

— Откуда такие слухи? — поздоровался с ним Морозов. — По радио в сводке командования передали?

— В сводке потом будет, сами слушайте, а пока об этом шофер полковника раззвонил. Чуть не до рукопашной, говорит, дошло.

Морозов улыбнулся.

— Вот же звонарь. Постреляли немного, и все.

— Немного? Ну-ну. То-то полковник майора Марштейна вызывал. Иди, он там, — кивнул лейтенант на дом, — злой, как тигр. С капитана Зотова стружку сейчас снимает. Тот под Муданьцзяном в бой ввязался, вместо кого-то чем-то командовал. Явился с перевязанной рукой.

— На то и начальство, чтобы на подчиненных гневаться, — спокойно ответил Морозов и зашагал к дому.

Посреди просторной комнаты стоял капитан Зотов, и мимо него прохаживался майор, словно рассматривая провинившегося с разных сторон. Увидев Морозова, он, не давая ему слова сказать, со злорадством в голосе произнес:

— А-а... Еще один вояка явился. Тоже охотник в атаки ходить. Да садитесь вы, — недовольно бросил он капитану и снова повернулся к Морозову: — Может, вы на МГУ и на таран пойдете, амбразуры закрывать будете? Это же надо — больше в нашей армии некому дороги от диверсантов очищать. Мы здесь ждем вас, каждую минуту считаем, а вы... Как вы оба не поймете: вот расколошматим японцев, и все — танкисты, артиллеристы, летчики — отдыхать будут, заслуженно отдыхать, а у нас дел будет по горло. А с кем же я буду работать, если все по вашему примеру начнут? А кто мне даст другую МГУ?

Майор умолк, не ожидая ответа, прошел за стол, сел и уже совершенно спокойно произнес:

— Садитесь и рассказывайте.

Вопросами он уточнил скупой доклад командира МГУ, потом улыбнулся и покрутил головой:

— Прошу вас в другой раз не ввязываться. Да... В общем, полковник приказал мне представить ваш экипаж для награждения. Поздравляю. Только почему-то не упомянул капитана Марсина. Ведь он же был с вами.

— Не знаю, товарищ майор.

— Как у вас с рукой? Может, в медсанбат отправитесь? — снова обратился майор к капитану.

— Ну что вы. Пуля чуть задела. Сделаю пару перевязок, и все. Слово даю, — закончил капитан, заметив сомнение на лице начальника.

— Ну лады, орлы. На сегодня все. Завтра, капитан, съездите с младшим лейтенантом Королевым к разведчикам, у них там есть пленные. Опросите, и, главное, может быть, найдется подходящий для МГУ. Вдруг да найдется среди них такой, который собственное мнение о войне имеет. А вы, — приказал он Морозову, — напишите рапорт о бое с диверсантами. Только подробнее. Все! Можете идти. Да, тут вам, старший лейтенант, письмо передали. Подкатывает, понимаете ли, санитарная машина, я было подумал, не случилось ли чего, но, оказывается, шофер завез вам письмо.

Морозов густо покраснел. Шоферская фельдсвязь явно перестаралась.

— Спасибо, товарищ майор! — пробормотал он.

— Что там за бой у вас случился? — спросил капитан, когда они вышли из кабинета.

— Больше разговоров, чем дела. Мы немного популяли, а вот младший лейтенант Королев — тот всерьез. В тыл к ним забрался с гранатами. Мы действительно не могли ждать, у нас ранен был один — водитель тягача.

— А у вас что? — показал Морозов на перебинтованную руку капитана.

— Тоже больше разговоров, чем дела было. Под Муданьцзяном. Тяжело там. Уперлись самураи, до рукопашной доходило. Лезут, невзирая ни на какие потери. И смертников до черта. Извини, схожу перевязку сделаю. Потом поговорим.

Оставшись один, майор Марштейн откинулся на спинку стула. В душе-то он был доволен. Именно его подчиненные первыми в политотделе отличились, проявили личную храбрость. А с Марсиным что-то получилось не так. Это было видно по лицу полковника, когда речь зашла о капитане. Ну да если бы у полковника были серьезные претензии к нему, не промолчал бы. Не тот человек.

С утра МГУ, прихватив в качестве диктора старшего лейтенанта Анисимова, колесила по окрестным селам. Митинги проводились по одной программе. На первых двух митингах было интересно всем: восторженные толпы жителей, их открытое ликование, раскованность, гул одобрений на мощно усиленные слова, которые произносил Анисимов. Все, кто слушал МГУ, уже поняли, разобрались — к ним пришли друзья, освободители, те, кто избавил их от гнета иноземцев. Крестьяне еще не знали, как будет дальше, но главное поняли хорошо — с господством самураев покончено. Естественно, их радовало и то, что впервые за много лет они соберут урожай для себя. До зернышка. Даже рис, который их обязывали растить и запрещали есть. И в их фанзы не будут врываться в любой час люди в ненавистной форме с винтовками, на которых плоские штыки. Как же им было не ликовать, не прерывать слова советского офицера восторженным: «Ваньсуй!»

На третьем по счету митинге даже многоопытный командир МГУ растрогался. Деревня была сравнительно небольшая и самая бедная из всех, которые им повстречались. После окончания митинга сквозь толпу, окружавшую МГУ, протиснулся старик. Годы согнули его, выбелили голову. Старика под локоть осторожно вела отчаянно смущавшаяся девушка. Старик подслеповато посмотрел на советских офицеров и, кланяясь, что-то проговорил. Потом он достал маленький узелок, осторожно развернул его и, положив на ладони, сложенные лодочкой, протянул Морозову. Лицо старика преобразила улыбка, от которой по лицу протянулись бесчисленные морщины.

Морозов даже растерялся. На тряпочке лежала горстка каких-то серо-мутных кристаллов.

— Анисимов, — позвал он. — Объясни, что собирается подарить этот дед.

Старший лейтенант отстранил собеседников, подошел, взглянул на ладони старика и посерьезнел.

— Он тебе, командир, дарит самое дорогое, что у него есть — соль!

— Соль? Нашел чего, — удивился Подсосенко.

— Понимать надо, — упрекнул Гаврилович. — Когда наши под немцем были, так соль дороже всего была. А у партизан? Золу заместо соли подмешивали. А ты — соль...

— Скажи ему, Анисимов, я от души благодарен за подарок. — Морозов осторожно взял тряпочку с солью из рук старика. — Якуб, неужели у нас соли не найдется?

— Есть.

— Тащи сюда. Всю. И сахара, пачку чая.

Тот быстро метнулся в машину.

— Скажи этому деду, Анисимов, что мы тоже дарим ему свою пищу от души!

Морозов протянул старику продукты, но тот не брал их, вежливо кланяясь. Тогда Морозов вложил их в руки девушки, которая тоже начала отвешивать поклоны.

Оставшись без опоры, старик выпрямился и неожиданно окрепшим голосом проговорил:

— Наши предки, наши отцы и мы всегда жили с русскими как добрые соседи. У нас издревле говорят: «Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья». Сейчас русские, как братья, уничтожают японского тигра. Мы не забудем этого. Очень плохо будет, если забудем. Это говорю я — самый старый здесь.

Анисимов торопливо переводил речь старика и потом поблагодарил его за теплые слова.

— Да, — признался Подсосенко, когда они тронулись из села, — дал я промашку с солью. Ну до чего же народ довели.

— Я сам поначалу не понял. Разве здесь сразу разберешься? — успокоил его Морозов.

Они уже порядком отъехали от этой деревни, не проронив больше ни слова, каждый занятый своими мыслями. Морозов еще раз достал письмо Вероники. Та писала, что у них много работы, что она с тревогой встречает каждую партию раненых, и снова: «Очень прошу — береги себя». И снова он почувствовал, как это здорово, когда кто-то волнуется за тебя, просит беречь себя. Он теперь уже не мог не думать о ней.

МГУ поравнялась с какой-то автоколонной. Головы ее

не было видно, около некоторых машин группками стояли водители, смачно дымили самокрутками.

— Должно, автобат какой-то, — нарушил молчание Подсосенко, сбавляя ход.

Вдруг от очередной машины, мимо которой проезжала МГУ, к ним бросился солдат. «Батя! Батя!» — размахивал он руками.

Подсосенко резко затормозил:

— Парень мой, меньшой, — растерянно проговорил он.

— Вот славно как, — обрадовался Морозов за него. — Сдавай на обочину, Федотович, постоим. Эй, мужики! — стукнул он в стенку кузова. — Вылезай, Федотович сына встретил.

Они деликатно несколько минут постояли, наблюдая, как Подсосенко перебрасывался первыми словами с сыном. Что это его сын — сомнения не было. Он был удивительно похож на отца, только чуть повыше ростом, тоньше, у́же в плечах. И без отцовской сдержанности в движениях, речи.

— Пошли познакомимся, — предложил Морозов.

Когда они подошли, Подсосенко, чуть смущенно и немного гордясь, представил сына:

— Мой младший. Андреем зовут.

Парень застеснялся, сильно пожимая протянутые руки. Церемония знакомства закончилась, и отец вдруг спросил сына, кивнув на ЗИЛ за его спиной.

— Твоя?

— Моя.

— Ну-ну, — протянул Подсосенко, пошел к машине и начал осматривать ее, не обращая внимания на подходивших к ним сослуживцев сына, между которыми быстро распространилась весть, что их товарищ Андрей Подсосенко неожиданно встретил отца.

Отец возвратился от машины, и легкая тень легла на его лицо.

— Заводи! — приказал он сыну.

— Батя, неудобно! — взмолился тот.

— Заводи, говорю!

Отец стоял рядом и внимательно слушал мотор.

— Прибавь газу! — подал голос он, потом махнул рукой. — Глуши!

Все с любопытством ожидали, что произойдет дальше. На лице сына, который медленно вылез из кабины, было явно виноватое выражение.

— Та-ак, — медленно протянул отец, — значит, этому я тебя учил?

— На войне же, батя, потом машина эта уже знаешь сколько намотала, — начал оправдываться сын.

— А до армии у тебя новая была, прямо с завода? Или забыл уже?

— Мы, батя, скоро новые получаем. «Студебеккеры». Нам уже сказали, — еще более заволновался сын.

— Та-ак! — снова протянул отец. — А эту ж куда?

— Не знаю. В «гражданку», наверное, передадут. Наше дело солдатское. Начальство решит.

— Солдатское, говоришь, — голос отца посуровел. — А кто ж тебя, солдата, кормит? А знать ли тебе, как твой хлеб на «гражданке» достается? Вон у них, в Белоруссии, — показал он на Гавриловича, — фашист все огнем спалил, голым-голо оставил. Бабы на коровах пашут, у кого они сберeглись, а то землю лопатят. На поле, с поля все на плечах, а то сами в телеги — вместо коней. Так вот, говорю, может, им в «гражданку» твоя машина достанется — обрадуются бабы до плачу. А потом, значит, на ходу ее попробуют и головами закачают: «Да какой же это обалдуй до видимости ее такой довел?» А это мой сынок Андрей такую в «гражданку» послал. На тебе, боже, што нам негоже!

Сын стоял, и даже сквозь пыль и загар было видно, как он побледнел, как задрожали его стиснутые губы. Морозову даже жаль стало парня.

— Правильно говорите, отец!

Морозов обернулся — сзади стоял высокий капитан.

— Наш замполит! — пояснил тихо сын отцу.

— Только вы на сына не очень нажимайте, — продолжал капитан. — Он хороший солдат. Без награды не останется. У нас действительно запарка была, поесть времени не хватало, про сон забыли.

— Все одно, — голос Подсосенко смягчился, — вы построже с ними, товарищ капитан. Кавалеристы — те сами не попьют, не поедят, а коня в исправность приведут. Пусть и они так. Хочешь, — обернулся он к сыну, — мою пойдем послушаешь.

— Не, — отказался тот. — Разве у тебя что заметишь.

— То-то, — гнев отца прошел, и голос его стал мягче. — Пиши матери почаще. Мать, она завсегда мать. А вам, — повернулся он к капитану, — за доброе слово про сына спасибо. Такое хоть какому отцу завсегда приятно.

— Ну, дает отец, — не выдержал кто-то из шоферов.

— Тебе, видать, мало давали, — спокойно отпарировал Подсосенко. — А на пользу бы пошло. Хочешь, твою по-

слушаю? Всю правду тебе выложу. Настоящий ты шофер или только за баранку держишься.

— Нет уж, хватит тебе Андрея! — под общий смех отказался тот.

— Ну, бывай, сын! — по-мужски протянул руку Подсосенко. — Некогда разговоры разговаривать. Прощевайте все! — И он первым двинулся к МГУ.

— Таким отцом, как у тебя, — протянул Андрею руку Морозов, — гордиться надо. Его уже к награде представили.

— Батя у меня человек правильный!..

Автобат уже скрылся, оставшись позади, и Морозов, не выдержав, сказал:

— Напрасно ты, Федотович, на сына. Такая редкая встреча, а ты...

Подсосенко молчал, потом, как обычно, хмыкнул и тепло ответил:

— Я Андрюху очень даже люблю. Меньшой он. Только баловать тоже негоже. Он при деле, службе солдатской, так должно исправно ее делать.

И, немного помолчав, хлопнул рукой по баранке:

— И што это я: такую речугу завернул? Даже сам про себя удивляюсь. Ну не могу стерпеть, когда машину мучают. Хоть кому скажу в глаза. Характер у меня. Даже баба моя и та попрекает когда: промолчал бы ты в каком случае.

— Правильно делаешь.

В характере водителя МГУ Морозов стал подмечать многое, что есть и у его отца. Основательность, преданность делу, работе, на которую поставлен, привычку оценивать человека по его отношению к делу, прямоту и щепетильную честность. А мог ли он сам, как отец, этот пожилой рабочий, «хоть кому в глаза»? Конечно, армия не завод или колхоз, профсоюзная дискуссия в ней невозможна. Особенно в дни войны. Беспрекословное подчинение, выполнение приказа — святая святых армейской дисциплины, и нарушать их не позволено никому. Но все же... Он долго вспоминал случаи, когда вроде бы покривил душой, не хватило упорства отстоять что-то нужное. А иногда поделикатничал, вместо того чтобы сказать «в глаза». Почему? Ему же приходилось встречаться с нахальством, лицемерием и с подлостью, но давал ли он всегда им отпор? С подлостью — да. Но с лицемерием, нахальством, когда стыдно становилось за человека? Чего уж кривить душой — иногда отходил в сторону. Да, хороший урок преподал ему сегодня Подсосенко. Это же, действительно, по-

настоящему, по-мужски надо любить сына, чтобы вот так при всех... Отца волновало не то, какой сын сейчас, а каким он может стать. Отец боролся за лучшее в сыне — только сейчас Морозов понял это.

— Знаешь, старшой, — нарушил его молчание Подсосенко, — раз сегодня такой разговор пошел, так вот я тебе тоже, как сыну, совет дам.

— В глаза?

— Ага.

— Давай.

— Совет простой, да верный — держись за Веронику.

Морозов даже закашлялся. Чего-чего, но этого он не ожидал.

— Федотович, — не скрыл он удивления, — да ты ее всего два раза видел. И вдруг такой совет.

Подсосенко серьезно посмотрел на него и снова перевел взгляд на дорогу.

— То правда — видеть два раза видел. Только вот послушай. Встречал я разных начальников. Конешно, люди они нужные. Я про тех, которых на легковушках возят. Только тоже разные встречались. Хоть и редко, а попадался такой: речугу на собрании такую развернет, што в теле размягчение или, насупротив, сразу делать что-то захочется. И баба его им не нахвалится: и хозяин, и мужик верный. А какой он на самом деле есть — только шофер знает, который возит его. Такого иногда наслушаешься — хоть святых выноси.

— Но Вероника-то на легковушке, как ты говоришь, не раскатывает, шофера у нее персонального нет, — продолжал удивляться Морозов.

Подсосенко улыбнулся, не разжимая губ.

— У нее нет, а в госпитале очень даже. Есть сурьезные мужики, меня не моложе. Так вот они говорили, блюдет себя она очень, хоть вокруг таких всегда любители крыльями хлопают. Потом человек она справедливый, дело знает. По всем статьям справная. Очень даже ее уважают.

— Спасибо, Федотович, за совет. Но ведь твой батька говаривал: на красивой не женись.

— Так то когда как, — невозмутимо ответил Подсосенко. — Ежели красивая баба на войне верной осталась, то в «гражданке» подавно. Не прогадаешь, держись.

— Спасибо, — посерьезнел Морозов. — Ты прав — война — всем проверка самая строгая. Солдат ты или офицер, мужчина или женщина. Встречал я и таких, которые эту проверку не выдержали. Всякое бывало. А насчет Веро-

ники... Приму твой совет. Только война еще не кончилась. После победы напомнишь.

— Хитришь, старшой, — крутнул головой Подсосенко. — Про такое не напоминают.

— Хитрю, — признался Морозов. — Сам с собой хитрю.

— Так вот сам себя не обхитри. Я как свою Дашку повстречал, так сразу обеими руками. Сколько за нее, по правде сказать, синяков получил, — хохотнул он.

— Отбивалась?

— Не. С парнями до драки доходило. Знаешь, как раньше? К нашим девкам не ходи, на нашей улице штоб духу твоего не было. Только я в драке, правду скажу, лихой был. Бокса там какого не знал, а одним ударом человека завалить свободно мог.

— Ну, это дикость.

— Это, старшой, как поглядеть. Тут тоже свой резон есть. Ежели тебя один раз кулаками встретили и ты отступился, значит, серьезного у тебя к девке ничего и не было. Так, баловство одно в голове. А ежели на своем стоишь, не сдрейфил, то думки у тебя сурьезные, без обмана. Я потом с теми хлопцами мир положил. По правде сказать, четверть водки поставил и на свадьбу позвал. Друзья стали.

— Значит, тоже проверка?

— Ну! Конешно, ежели у девки ухажер уже есть, то тогда всерьез драка случалась. Тогда кто кого. Да... Так, может, в госпиталь подвернем? Я уже разведал, неподалеку.

— Спасибо! — снова посерьезнел Морозов. — В другой раз как-нибудь. Вот в редакцию непременно надо заскочить. Газет свежих раздобудем и лейтенанта Доронина повидаем. А в госпиталь всем экипажем ни к чему.

— И то правда. Редакция тоже знаю где.

— Договорились...

Уже под вечер они, уставшие, разомлевшие от жары и духоты, подкатили к редакции армейской газеты, занявшей дом какой-то японской торговой компании. Рядом стояли машины походной типографии. Подсосенко сразу же отправился к ее водителям. Гаврилович пошел искать свежей воды умыться, и только старший лейтенант Анисимов выразил неудовольствие:

— Сюда-то зачем, ясно море? Жрать хочется — сил нет. Ты надолго сюда?

— Да на пару минут. Лейтенанта Доронина надо повидать, — успокоил его Морозов.

А тот уже спешил к МГУ. Морозов даже удивился — впервые он видел Доронина без неизменной туго набитой сумки.

— Вот молодцы, что заехали, — сильно сжал руку Морозову тот. — Или все-таки передали?

— Что передали?

— Да я вас целый день разыскиваю. Полковник приказал сфотографировать вас и дать заметку. Как же — известнейшие истребители диверсантов.

— Писать вам больше нечего?

— Есть. Даже поважнее, но приказ начальника — закон для подчиненных. А вообще, я рад за вас, чертей. Сейчас вас сфотографируют, и прошу интервью.

— Раз приказ — расскажу. И прошу — пиши побольше о Подсосенко и Королеве. Мы с Якубом на подхвате были. Да и оказалось там всего два полудохлых самурая.

— Но-но, не ставь условия прессе. С нами даже крупные военачальники, не тебе чета, весьма деликатно обращаются.

— У меня человек с голоду умирает, — показал Морозов на Анисимова. — А между прочим, специалист по китайскому. Познакомься.

— С удовольствием. Вы как относитесь к колбасе? — спросил, придав лицу озабоченное выражение, Доронин.

— Очень положительно, — горячо ответил старший лейтенант. — Колбаса, ясно море, — моя мечта. От нее у меня дикция лучше становится.

— Вместо гоголя-моголя? Прелестно, сейчас проверим. Ой, братцы, — спохватился Доронин. — А где же Королев? Без ножа режете.

— Его куда-то к пленным послали с утра. Не выйдет с фото, — посочувствовал Морозов.

— Не выйдет? Такого не может быть в нашей редакции. Пойдемте! Ты мне расскажешь, вы, старший лейтенант, пожуете колбасы, потом прихватите с собой фотографа. Быстро, пока свет еще есть! А вечером я к вам подвернусь, посвободнее будет.

Младшего лейтенанта Королева они увидели, когда тот выскочил им навстречу из машины печатного цеха. Он начал торопливо надевать гимнастерку.

— Боролся с кем? С Колем? — участливо спросил его Морозов. Тот, просовывая руки в рукава, пробурчал:

— Хуже. С Колем-я быстро бы справился. С «американкой» часа два надрывался. У, эксплуататор! — показал он кулак начальнику типографии.

Тот на полном серьезе обратился к Морозову:

— Я, товарищ старший лейтенант, буду просить майора о переводе его в типографию. Прирожденный печатник. Из всех, кого мне удалось затащить к «американке», оказался самым выносливым.

— У, хунхуз, позвал честного человека помочь на пять минут и воспользовался его беззащитностью, — уже причесывался Королев. — Чтобы я к нему еще раз хоть на минуту...

— Ай-ай, губите свой талант, дорогой товарищ, — так же невозмутимо продолжал начальник типографии. — С такими физическими данными — только к нам.

— Ему нельзя, — продолжил шутку Морозов. — Артистам физический труд противопоказан, а он у нас солист. Без него мы ни одного концерта дать не сможем. Механизируйте производство. Приспособьте какого-нибудь осла колесо вертеть.

— Да вот попался один случайно, и тот больше двух часов не выдержал, — расплылся в улыбке Коль.

— Так... Значит, я еще и осел, — начал к нему подступать Королев. — Я был ослом, только когда среди пленных типографов выискивал.

— Беру слова обратно, — попятился Коль. — Ты же святая душа, за идею страдал. Отец родной, найдешь печатника, еще лучше — наборщика, на всех листовках твой портрет печатать будем. Больше того — спирта из НЗ не пожалею.

— Ты, ясно-море, — вмешался Анисимов, — аванс давай сейчас, спиртом. Раз такое дело, я тоже кадру искать буду.

— Товарищ старший лейтенант, — взмолился старшина-фотограф, — свет скоро кончится. Давайте прямо здесь.

— Согласен. Ну-ка становитесь у машины. Приказано сфотографировать экипаж. Быстро! Показывай, как нам стать.

— Только так, чтобы его типографию не было видно. Не хочу память иметь о самой мрачной странице биографии, — взмолился Королев.

— Эх, вот она благодарность, — махнул рукой Коль. — Человеком мог бы стать...

Хотя Королев порядком устал около «американки», он был доволен. Сам предложил помочь и размялся по-настоящему. После стычки с диверсантами он чувствовал себя приподнято, испытывал желание что-то сделать, требующее от него максимальной нагрузки, напряжения сил. Был доволен он и поездкой с Зотовым к пленным. Хотя их

было немного, все же нескольких он опросил самостоятельно и уверовал в свое знание японского языка. Это не то что читать через микрофон заранее отрепетированный текст листовки или обращения.

— Ну, рассказывай, удалось какого-нибудь интересного самурая откопать? — спросил его Морозов, когда они остались вдвоем.

— Пока нет. Какие-то они запуганные. Все из разгромленных частей, от которых и названия теперь не осталось. На вопросы отвечают, только мало что им известно. Большая часть из резервистов, бывшие колонисты. Что у них в Японии происходит, сами толком не знают. Но среди них есть любопытный тип. Ефрейтор, — он посмотрел в записную книжку, — Сэнда Васиро. Токиец, высшее образование. В большой фирме служил, на солидном посту. Так вот он заявил, что с самого начала был уверен — Япония войну проиграет. Рано начали — так и говорит. Слишком большая разница в экономическом потенциале Японии и союзников. Понимаешь, он не против войны вообще, а только против раннего срока. Поторопились, мол.

— Сам в плен сдался?

— Даже разобраться трудно. По нашим данным — сам. Не поверишь — его военторг в плен взял. Одни женщины на машине да старшина. Был без оружия. А он говорит, что плохо помнит, как в плен попал, куда и зачем шел. Он один из всей роты жив остался.

— Такое может случиться, — подтвердил Морозов, — некоторые окончательно умом трогались.

— Может быть, и так, — продолжал Королев. — Но сейчас рассуждает здраво. Я было попытался поговорить с ним, что раз, дескать, он уже давно считал войну проигранной, то чтобы помог ее быстрее закончить. Зачем лишние жертвы японцы несут, раз безнадежно для них. Да... Но он уперся: я верноподданный его величества, я совершил преступление, оставшись живым, и прочую муру. Я, признаться, капитану Зотову его передал, тот поопытнее меня, но все равно результат нуль. Только, полагаю, на прицеле этого ефрейтора держать надо. Может, одумается еще. Я так и майору доложил. Капитан тоже со мной согласился.

— Ничего. В первые месяцы фрицы тоже в плену рогами упирались. Да и объяснимо это: наступали-то они, в победе своей не сомневались. Это когда мы их погнали, они сговорчивее стали, «Гитлер капут» быстро заучили. А здесь наступаем мы, с самого начала. Уверен, найдем

среди них помощника. Тоже ведь люди. Найдутся и среди них неглупые.

— Так и майор говорит. И все-таки этот Сэнда уже задумывается.

Младший лейтенант Королев не ошибался. Сэнда Васиро думал. Он, действительно, смутно представлял, как оказался пленным. Отдельными кадрами вспоминалось: он едет на машине среди русских женщин. Женщины что-то говорят ему, дружно смеются. Смеются не презрительно, без насмешки. Это было видно по их добродушным лицам, без малейшей ненависти во взглядах. Они ему даже что-то предлагали. Но как он оказался на этой машине? Он помнит только, как она заскрипела тормозами за его спиной.

Потом его передали русским военным с непонятными званиями. О чем-то спрашивали на своем языке. И только когда его перевезли еще куда-то, к нему обратился русский офицер, поручик, как он сказал, на японском языке.

О чем его спрашивали, что он отвечал? Тоже вспоминается с трудом. Да это и неважно. Какую военную тайну он мог разгласить? Что у него они могли выведать? О том, что рота капитана Сато уничтожена? О том, в какой батальон, полк, дивизию она входила, какое оружие имела? Русские уже знали это сами. Ни роты, ни батальона, ни полка, ни дивизии уже не существовало. Разве это теперь тайна? А больше он ничего не знал.

Он очнулся по-настоящему только в этом кирпичном доме, где раньше была какая-то часть Квантунской армии. Пленных соотечественников было здесь немного: рядовые, он, ефрейтор, и один унтер-офицер. Незнакомые, из разных частей. Может, среди них были солдаты его дивизии, может быть, полка или батальона. Но они об этом не разговаривали. Почему? Не доверяли друг другу или каждый из них стыдился, что оказался в плену? Ведь это величайший позор для воина императорской армии.

А может быть, кто-нибудь из них в душе был рад, что оказался в плену, остался жить, в то время когда все, кого он знал, стали трупами. И боится выдать эту радость? Может быть, именно поэтому многие из них молчат и не поднимают глаз?

Их вызывали для допроса по одному, и никто не сказал другим ни слова, о чем его спрашивали, что он отвечал. Может быть, каждый подозревал остальных, что они выдали русским военные тайны, что добровольно сдались в плен? Стали преступниками?

Ну, а он сам, ефрейтор Сэнда Васиро? Ведь он, как и

эти, в плену. Но разве он думал сдаваться? Даже после разговора с поручиком Накамура он не думал о плене. Да, наверное, и поручик тогда не задумывался о таком выходе. А может быть, предполагал и не решился подсказать? Думал так поручик или нет? Теперь не узнать. Сумеет ли ловкий Накамура остаться в живых? Ведь для этого ему тоже надо оказаться в плену. У русских, американцев, у кого угодно. Другого выхода нет. Даже бежать куда-нибудь в нейтральную страну для поручика невозможно. Где они, эти страны? За сколько тысяч ри океана и суши их искать? Есть ли они? Против Японии теперь весь мир. Весь!

Так что же тогда получается? Ведь такая война — поголовная гибель. Япония, ее народ может исчезнуть с лица земли, как исчезла рота капитана Сато. Кто, кроме него, вспомнит об этой роте? Смешно даже подумать. Жены, матери, если кто из них уцелеет, вспомнят мужа, сына, отца, брата. А роту? Никто!

Все-таки интересно бы знать, где сейчас проходит фронт. Что русские продолжают наступать, ему понятно: он давно не слышит звуков боя, все русские так спокойны, уверенны. Сколько же может продлиться последняя битва Квантунской армии, точнее, ее уничтожение, планомерное и неумолимое?

Эти вопросы сверлили ему голову, не давали спать. А тут еще этот сегодняшний разговор с русскими офицерами. Откуда они так хорошо знают японский язык? Разведчики, наверное. Они говорили вежливо. В их словах была логика. Ее нельзя не признать. Конечно, они в первую очередь заботятся о своих, чтобы меньше жертв было среди русских. Но ведь и его соотечественников тем больше останется в живых, чем скорее закончится война. Да и предложили они ему сказать только правду, ничего не добавляя. Русские не убивают, не пытают пленных. Да, это правда. Его и других пленных не пытали, не избивали, не угрожали расстрелом. Лечили легко раненных здесь, а других, как утверждают, отправили в госпиталь. Сэнда готов в это поверить.

Но помогать русским, обращаться к соотечественникам через микрофон — этого он не может. Да и зачем? Ну спасет, может быть, кому-то жизнь. Допустим, кто-то из слабых поверит ему и сдастся в плен. Но что изменится, если еще несколько человек останутся живыми? Если гибнет вся страна, весь народ?

Что он может против воли его величества и тех, кому тот доверил править страной в эти черные дни? Что он,

ефрейтор, умнее их? Кому нужна будет его дальновидность? «Креветка, даже подпрыгивая, остается на дне» — так гласит мудрая поговорка. Так зачем ему «подпрыгивать»?

Проклятые мысли, как москиты, безжалостно жалили его, и он не мог уснуть. Он даже ненавидел сейчас всех, кто спал с ним в этом доме. Безмозглые быки, которым бы только поесть да поспать, переваривая пищу, съеденную за день. И он должен помогать русским спасать таких?

Ефрейтор Сэнда ворочался, вставал пить воду, снова ложился. И сам себе никак не мог признаться, что где-то в самой глубине, как мышонок в глубокой норе, попискивала подленькая мысль: «А все-таки жив, а все-таки жив...»

Почему русские оказались такими гуманными к ним, пленным? Ведь это просто необъяснимо. Какая тому причина? Как обращалась с пленными императорская армия, для него не было секретом. Об этом он много узнал еще до армейской службы. В Токио на банкетах, когда «отмечались» очередные заказы армии и флота, подвыпившие офицеры показывали такие фотографии, что пища в горло не лезла. Ходили слухи, что некоторые офицеры возродили средневековый обычай «киматори» — есть сырую печень, вырезанную у живого врага. И его, Сэнда, тогда нисколько не возмущало это. Он просто счел это делом совести военных.

Может быть, русские гуманны потому, что никто из них не попадал в плен к воинам императорской армии?!

Безвестный ефрейтор Сэнда Васиро, как и миллионы японцев на всех фронтах, не мог знать, что думают, что собираются делать правители их страны, пославшие их в огонь войны. А правители Страны восходящего солнца давно прекрасно поняли — война проиграна, поражение неизбежно. .

Они еще рассчитывали, что, устрашившись неизбежных потерь, американцы предложат выгодные для правящей клики условия капитуляции, надеялись на раздоры между союзниками. Они стремились прежде всего сохранить императорский строй, удержать власть над собственным народом, остаться его господами. Они страшились собственного народа. Станет ли он терпеть их власть после поражения? Они прекрасно помнили, что после первой мировой войны в России был свергнут царь, а в Германии кайзер. Еще в феврале 1943 года принц Коноэ, который

после капитуляции покончил с собой, страшась ответственности, докладывал императору: «Дальнейшее обострение напряженности во внутренней обстановке должно неизбежно привести к усилению красного движения».

Вопреки разуму, вопреки неизбежному поражению правители Японии отвергли Потсдамскую декларацию: «Мы игнорируем ее, — заявил премьер-министр Судзуки. — Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны».

Советский Союз объявил войну императорской Японии. Казалось, рухнули все надежды, все хитроумные планы японских правителей. Но даже после этого, 10 августа, военный министр обратился «ко всем генералам, офицерам и солдатам армии», потребовав «довести до конца священную войну».

В результате японский народ понес еще один миллион жертв, среди которых мог оказаться и чудом оставшийся живым ефрейтор Сэнда Васиро, которого донимали мысли, не дававшие ему уснуть.

Капитан Марсин докладывал майору Марштейну, почему он явился с запозданием, отстал от второго эшелона политотдела. Майор был очень занят: пошел поток информации из всех соединений, инструкторы слали донесения, звонили, сообщали о политико-моральном состоянии японских войск, о пленных, их показаниях. Все это систематизировалось, на основе новых данных писались листовки, программы звукопередач через МГУ и окопные звуковые установки. Листовки надо было доставлять в войска, командованию требовалась информация, коменданты городков и городов настоятельно требовали помощи. Разъяснительная работа среди китайского населения тоже легла на плечи его офицеров.

Майор, как и его подчиненные, не высыпался, смертельно уставал, но был доволен. К этому они готовились, именно сейчас в них нуждались все. Неожиданной задержкой капитана он поэтому был весьма огорчен — каждый человек на счету.

— Да вы садитесь, Дмитрий Яковлевич, — сказал он капитану, отрываясь от бумаг. Худощавое его лицо еще больше истончилось, под серыми глазами набухли мешки усталости.

— Почему вы задержались, я знаю. Полковник поставил меня в известность. Но я ожидал, что вы вернетесь быстрее.

— Я должен был узнать результат операции водителя

тягача — так приказал полковник. А в госпитале... Так много раненых поступило, товарищ майор. Много...

Майор внимательно посмотрел на Марсина. Капитан как-то внешне слинял: исчезла всегда самоуверенно-бодрая осанка, голос стал глуше.

— Вы не заболели? — участливо спросил он.

— Я здоров. Переутомился, наверное. На перекладных к тому же добирался не очень удачно. Три машины сменил.

— Тогда ночь отдохните, а с утра ко мне. Дел — невпроворот.

— Слушаюсь. Я должен доложить о мужественном поведении экипажа МГУ. Особенно водителя — рядового Подсосенко и диктора — младшего лейтенанта Королева.

— Знаю. Уже получил указание представить их к награждению.

— Я рад за них. Они заслужили. — Голос капитана был тих, задумчив.

Майор еще раз внимательно взглянул на капитана: «Похоже, тут не одна усталость. Что же у них там произошло?» Но разбираться было некогда.

— Идите отдыхайте, капитан. Там наши душ соорудили, воспользуйтесь.

— Спасибо...

Марсин вышел из кабинета и спросил у капитана Гаркина, где его чемодан и где можно отдохнуть. Затем устало присел на указанную ему койку и, сняв пилотку, глубоко задумался. Последние двое суток поколебали его устоявшиеся представления, заставили думать, размышлять над тем, что совсем недавно казалось ему бесспорным и ясным.

Может, все так случилось потому, что прошедшая страшная война не коснулась, по сути дела, ни его самого, ни семьи. В самом ее начале он был призван на Дальний Восток, потом семья уехала из Москвы к родственникам жены в Уфу и вернулась в столицу только в сорок четвертом, в прежнюю квартиру. Да и из близких родственников не оказалось жертв войны — хотя и в меньшинстве, но были такие счастливые семьи.

Конечно, было трудно с питанием, одеждой, но так ведь жили все — война. Армейская служба началась хорошо, ему сразу же присвоили звание интенданта третьего ранга, а когда ввели погоны, стал капитаном. На службе кроме нескольких военных дисциплин занимался привычным делом и даже считал, что кое-что накопил полезного для

диссертации. И никогда не сомневался, что в случае войны он тоже покажет себя достойно. А как же иначе?

И вдруг этот случай с диверсантами. Он никак не ожидал от самого себя, что окажется в таком положении. Этот раненый водитель, у которого через повязку расплывалось кровавое пятно. Выстрелы заранее приготовившихся убийц, для которых безразлично, в кого целить: в простого солдата — водителя тягача или капитана — почти готового кандидата наук. При этом, конечно же, если бы эти убийцы выбирали, то выбрали бы его, капитана. А почему? Потому что они нанесли бы больший вред их врагу. Так если это понимают даже диверсанты, то разве не прав он, Марсин, когда тоже так посчитал?

Может быть, если бы не внезапное появление полковника, он так и остался бы с чувством собственной правоты, сознанием своей повышенной ценности по сравнению с другими. Но он ясно, до пронзительности, видел в глазах полковника холодное презрение, нескрываемую иронию в его голосе: «Как самый старший по званию, взял самое трудное на себя?»

Эта фраза всю дорогу до медсанбата стучала, как телеграфный ключ, в его голове. Он сидел на заднем сиденье «виллиса», придерживая раненого, чувствуя, как затекает его рука, которой он старался смягчить толчки. Он смертельно боялся, не потому что жалел, волновался за раненого, а боялся, что тот умрет по дороге и он, Марсин, не выполнит приказания полковника, окончательно скомпрометировав себя в его глазах.

Он довез водителя тягача живым и искренне обрадовался, когда мчавшийся с большой скоростью «виллис» круто завернул, так что машину занесло на повороте, и выскочил в распадок, где стояли палатки медсанбата.

Он предполагал, что как только доставит раненого, то медики из уважения к его званию и органу, в котором он служил, немедленно примут меры. Но к нему отнеслись спокойно, как и ко всем остальным. Ему даже не удалось поговорить с врачами. Раненого переложили на носилки, и два пожилых солдата-санитара, покряхтев, подняли его и понесли в большую зеленую палатку. Больше его капитан не увидел.

К медсанбату подъезжали все новые машины, доставляя раненых: наступление продолжалось. Очередь к хирургическому столу решало одно: кому хирург сейчас наиболее необходим. И Марсин сам убедился, что звания здесь были уравнены. И капитан понял, что, если бы вдруг он оказался в числе тех, кого привозили сюда, врачи не ста-

ли бы сравнивать относительную по сравнению с другими его значимость.

Капитан сидел под деревом, жалея, что не курит, что не может хотя бы чем-либо заполнить часы ожидания. Здесь, где было столько страданий и боли, он начал понимать, почему полковник так говорил с ним. И он начал испытывать чувство стыда, огромной неловкости и того незнакомого, что называется угрызениями совести. Марсин откинулся на спину, улегся прямо на траву, чего никогда себе до этого не позволял, заботясь о здоровье, и задремал.

Проснувшись, он пошел узнать, как дела с его раненым. Добился он только старшей медсестры, которая, отлучившись на минуту, сообщила, что операция сделана, жизнь солдата вне опасности и что сегодня вечером его отправят в госпиталь. Капитан горячо поблагодарил эту пожилую медичку, словно именно она сделала все, чтобы спасти жизнь водителю тягача.

Он еще постоял около группы легкораненых, которые уселись на траве, дожидаясь своей очереди. Под деревом они нашли прохладу, предпочитая ее духоте палатки. Если бы Марсин был опытным служакой, он мог бы легко различить между ними тех, кому уже не впервой обращаться за помощью к медикам, и тех, с кем такое случилось впервые. Первые были сдержанны, к случившемуся относились с философским спокойствием, вторые — охотно рассказывали, как и где их «зацепило». Но, к удивлению капитана, настроение у всех было бодрое. Опытный фронтовик мог бы объяснить ему, что так бывает, когда идет успешное наступление, когда наши громят противника, не давая ему никакой передышки. И другое дело, когда раненые попадают в медсанбаты во время длительной, изнурительной обороны или, еще того хуже, отступления.

Вскоре капитану удалось сесть в санитарную машину. В кузове было душно, остро пахло какими-то лекарствами, и он обрадовался, когда машина остановилась и фельдшер, сидевший рядом с водителем, проговорил: «Нам дальше налево, капитан».

Ему долго пришлось стоять у поворота. Машины с боеприпасами, какими-то ящиками проходили мимо колоннами, не останавливаясь. Никто не стал задерживать их ради неизвестного капитана и старшины, который тоже добирался до части на попутных. И капитан Марсин, который привык, чтобы в частях его встречали как представителя политотдела армии и оказывали соответствующее внимание, вдруг остро почувствовал себя обезличенным,

всего лишь деталью слаженного огромного армейского механизма, в котором тысячи таких же капитанов, и все они представляют несомненную ценность главным образом тогда, когда находятся на отведенном им месте, на предназначенном им посту, когда исполняют свой воинский долг. Сам же по себе Марсин не имеет никакого права на какую-либо исключительность. Ни одна из колонн ради него не остановится. И какое шоферам дело до диссертации, которую в будущем напишет этот безвестный капитан.

Когда очередная колонна, завывая моторами, промчалась мимо, старшина огорченно матюкнулся, снял вещевой мешок, развязал его, достал полбуханки хлеба, кусок желтоватого сала. Ножом с самодельной рукояткой, набранной из кусков пластмассы, он отрезал здоровенный ломоть, положил на него кусок сала в палец толщиной и, поставив вещмешок на землю, хотел уже поднести массивный бутерброд ко рту, но, посмотрев на капитана, добродушно улыбнулся и протянул его Марсину:

— Угощайтесь, капитан. Как бы долгонько не пришлось загорать тут. Жмут славяне, не до нас.

Марсин, пробормотав слова благодарности, взял хлеб с салом и стал торопливо жевать, глотая большими кусками. Старшина было предложил еще, но он деликатно отказался. Старшина — человек явно немолодой — неторопливо завязал мешок, вновь вытерев тщательно лезвие, спрятал нож, закурил и, видно, хотел было поговорить, но из-за поворота показалась грузовая машина, и они дружно подняли руки. Машина остановилась, из кабины высунулась до невозможности веснушчатая физиономия молоденького шофера, который великодушно спросил: «Подбросить?»

Старшина кинул вещмешок в кузов и стал карабкаться туда, а капитану шофер открыл дверцу кабины. Едва машина тронулась, как шофер начал проклинать карбюратор, который ни с того ни с сего забарахлил, и он вынужден теперь догонять свою часть. Опять помпотех устроит ему «втыкаж», а он ни при чем, машину эту получил только позавчера, поскольку ее прежний шофер, хороший мужик Афанасьев, был убит самураями.

Занятый своими мыслями, капитан Марсин не слушал словоохотливого шофера, и так они домчались до злополучного моста, где все случилось. Перед мостом стояла довольно длинная колонна автомашин, и Марсин, чтобы размяться, вылез из кабины и пошел к мосту. От конструкции, сооруженной под руководством Подсосенко, ничего не осталось. Вместо нее стоял добротно сколоченный де-

ревянный мост, в настил которого саперы вбивали последние гвозди, а двое из них пучками веток сметали мусор, стружки, щепки.

Рядом с мостом, там, где тогда прошли танки и тягач с прицепом, берега были срыты, устланы ветками, тонкими стволами деревьев. Кто-то здесь проезжал после МГУ, не рискнув пойти по мосту.

Марсин пошел назад, когда из «доджа» с накрытым брезентом кузовом послышался голос: «Капитан Марсин!»

Марсин оглянулся и узнал пропагандиста одной артиллерийской бригады, с которым встречался на разных совещаниях в политотделе.

Майор-артиллерист подошел к нему:

— Куда направляетесь?

— Догоняю своих.

— Один?

— Да. На попутных.

— Что так?

— Выполнял одно задание, — туманно ответил Марсин.

— Понятно. Тогда пошли к нам. У нас будет удобнее.

Марсин согласился. Он вновь почувствовал себя представителем политотдела, которого знают, с которым считаются. Еще недавно испытанная безвестность закончилась, он снова занял полагающееся ему место. В кузове «доджа» сидели четыре офицера. Посредине, на перевернутом ящике, застланном плащ-палаткой, стояли банки консервов — «второй фронт», две железных кружки и фляга. Марсина встретили приветливо, даже радушно, тут же налили полкружки из фляги, и он, раньше разрешавший себе только маленькую символическую рюмку, лихо выпил, плотно закусил. Но надежды собеседников на интересный разговор не оправдал. Едва машина тронулась, как он, так же впервые, не обращая внимания на толчки, вдруг уснул и проспал до самого конца.

Когда он распрощался с гостеприимными попутчиками, то первым делом отправился доложить полковнику о выполненном приказании, но тот выехал в войска. Тогда Марсин пошел доложиться к майору Марштейну. Он шел, испытывая чувство неуверенности, вины. Майора Марштейна он уважал не только как старшего по званию, своего начальника, но и как специалиста, который, несомненно, обладал большими знаниями, чем он, и Марсин давно недоумевал, почему майор до сих пор не имеет ученой степени. Сейчас ему было бы, пожалуй, легче получить разнос от полков-

ника — служба есть служба, — чем спокойно-вежливый упрек майора.

Но деваться было некуда, Марсин шел, словно нес свою повинную голову. А что она повинна — он признался сам себе. И еще он не представлял, как он теперь встретится с экипажем МГУ, с теми, кто был с ним там, у взорванного моста, где раздавались выстрелы диверсантов. Он чувствовал, что даже перед пожилым солдатом Подсосенко, хотя тот даже не ходил в атаку, он не сможет избавиться от чувства неловкости.

Сейчас он сидел и вспоминал в деталях разговор с майором Марштейном. Выходит, что и полковник, и никто из экипажа МГУ не сказали ничего обидного или тем более порочащего о нем, Марсине. Выходит, и полковник, и рядовой — все они проявили деликатность, которую сам Марсин никогда не подозревал в них. И он снова был вынужден признаться себе, что не было у него раньше оснований чувствовать свое превосходство над ними. Оказывается, они могли и умели делать многое, в чем он, увы, пасовал, оказался «не на высоте». Это было обидно сознавать, но никуда не денешься. На первом экзамене он явно срезался.

Марсин решил больше никуда не ходить. Потом привычка взяла свое — он все же разыскал душ, который освежил его, немного взбодрил. Вернулся, быстро разделся и лег. Он еще не спал, когда кто-то появился и сказал: «О, Марсин вернулся», но сделал вид, что спит, и вскоре действительно уснул.

Марсин не знал, что в это же время разговор о нем произошел между Морозовым и Королевым.

— Капитан Марсин вернулся, — сказал Королев. — Послушай, старшой, все хочу тебя спросить, и даже неудобно как-то. Капитан, он тогда случайно немного не того? Малость ие сробел?

Морозов помолчал минуту и решительно ответил:

— Не думаю. Он, скорее, растерялся, что ли. Его можно понять: кабинетный ученый, даже армия мало что изменила в его привычках. Только и разница — условия другие. А тут вдруг чужая земля, в тебя стреляют, и надо быстро решать, что делать.

Да его, чудака, нельзя было брать с собой диверсантов выбивать. Ну какой от него прок? Стреляет плохо, маскироваться не умеет, а если бы очки потерял, за руку пришлось бы вести. Одну промашку он сделал — все равно надо было попытаться идти, предложить хотя бы. Дело другое, что от его помощи отказались бы. А так, допу-

скаю, у него теперь кошки на душе скребут. Если он человек порядочный. Но другого мы пока не вправе о нем предполагать. Не каждый, дружище, в первом же бою храбрецом становится. По себе знаю. У нас в училище был комиссар Гнездюков, еще в гражданской участвовал. Настоящий комиссар, не по должности. Так он нам как-то говорил, что, не испытав страха смерти самому, нельзя знать, что требовать от подчиненных. Только на фронте понял я его слова. А Марсин... Думаю, на пользу ему пойдет. Хватит о нем. И никому об этом.

— Я понимаю. Не совсем, правда. Знаешь, что моя Лена придумала? Добровольцем на фронт просилась. Представляешь? Мы без нее с самураями не справимся. Ну, я ей покажу...

— Трепач ты, — прервал его Морозов. — Ты же хвастаешься ею.

— Малость есть, — признался Королев.

— Да где же этот газетный «ас»? Обещал зайти и носа не кажет.

— Придет, Доронин мужик обязательный.

И тут же из дверей раздался голос лейтенанта:

— Кто здесь дает мне такую высокую оценку? Конечно не Морозов. Значит, ты? — обратился он к Королеву. — В награду попрошу ретушера, чтобы он тебя на снимке красавцем сделал. Родная мать удивится, а невеста до дыр расцелует.

Морозов сжал руку лейтенанта и тут же крикнул:

— Якуб, гони чай. Кутить будем. Ну как ты? Рассказывай. Мы, кроме сводок, ничего не знаем. Даже ваша газетка не всегда попадает.

— Газетка? Так о боевом органе? Огорчил, брат, меня. А мы-то стараемся, из кожи лезем.

Доронин присел, снял пилотку и пальцами расчесал русые волосы. Потом снял очки, протер их.

— Да не тяни!

— А что я могу сказать особенного? Здорово наши воюют. Герои. Такой подъем в войсках — чудо. Раненые отказываются в медсанбаты идти. Солдат Попов закрыл собою амбразуру дота. Завтра публикуем указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Признаться, события развиваются так стремительно, что устаревает самая свежая информация для газеты. Даже из набора уже снимаем кое-что, заменяем последними материалами. В общем, в корзину уходит больше, чем на полосы. Это у нас так. А что же в центральных газетах приходится делать? Там любая корреспонденция еще больше стареет.

— Ну, твое в корзину не пойдет, — заверил его Морозов.

— Спасибо еще за один комплимент, но, увы, я не лучше других.

— Да ты меня не понял, — ехидно улыбнулся командир МГУ. — Разве ты свою писанину в корзину выбросишь? В сумку затолкаешь. Ну, признайся!

— Угадал! — честно признался Доронин. — Понимаешь, это же факты, события, люди. Потом можно забыть.

— Что написано пером — не вырубишь топором?

— Бывает и иначе: что написано топором, не исправишь и пером. Ну, а вы все митингуете?

— Митингуем, — согласился Морозов. — Скоро я сам обращение командования по-китайски смогу прочесть. Нет стабильных фронтов. Вон как забайкальцы жмут, темп выше, чем в Белоруссии был. А ведь через пустыню и горы. Герои. Ведь я тебе уже говорил, что мы по-настоящему на противника можем работать, только когда фронт стоит. Все бы ничего, да вот Королев от рук отбился. По-китайски он ни бе ни ме.

— Вряд ли из-за меня наступление будут останавливать, — отшутился младший лейтенант.

— Может, скоро и понадобишься. Под Муданьцзяном самураи всерьез уперлись. Час назад один наш приехал оттуда, говорит, до рукопашных доходит там. Я попросился туда, так редактор ни в какую. Похоже, я в его глазах незаменимый спец по приему сводок ТАСС. Не знаю, как и подступиться к нему. По виду мужик мягкий, а на самом деле — надолб противотанковый, — пожаловался Доронин.

— Не жадничай, — возразил ему Морозов. — Ты уже своего хватил на фронте, а остальные — дальневосточники. Они годами ждали, когда и до них очередь дойдет, а ты им дорогу перебегать хочешь. — Морозов допил чай и поставил на стол пустую кружку. — Вон Николай тоже рвет и мечет, что его дальше пункта сбора военнопленных не пускают, разве я не вижу. Якуб, тот спокойнее, хватил достаточно войны. Так, что ли, Якуб?

— Правильно, — согласился Гаврилович. — Человеку войну шукать не надо, она сама его найдет.

— Вот, слыхал? Правильно, Якуб. И не думай, что я обрадуюсь, когда под твой Муданьцзян пошлют. Понимать надо — раз пошлют, значит, наступление на какое-то время выдохлось. Чему радоваться? Меня-то ты за излишне осторожного не посчитаешь?

— Сдаюсь! — поднял руки Доронин. — Только больше сделать хочется.

— Ну, если энергию некуда девать, рекомендую обратиться к нашему начальнику типографии Колю, тот охотно поможет. Вон Николай может опытом поделиться.

Гаврилович прыснул в блюдце с чаем, широко улыбнулся и Королев.

— Разыгрываете? — поднялся Доронин. — Ладно, я злом на зло не отвечаю. Завтра утром завезу газету с вашей героической шарманкой. Тебе сколько экземпляров, Федотович? Ты здесь самый положительный.

Тот спокойно отставил чашку:

— Значит, так: одну Дарье моей, две парням моим — пусть батьку знают, одну в гараж, где работал, ну и одну мне. Всего получится пять.

— Остальных не спрашиваю, сам знаю — по три. Конечно, если кто желает больше...

— Как в аптеке, — заверил его Морозов. — И насчет Муданьцзяна разузнай.

— Договорились.

Младший лейтенант Юрий Доронин оказался прав. Именно у города Муданьцзян, который японцы переименовали в Ботанко, командующий Первым фронтом Квантунской армии решил остановить наступление войск Первого Дальневосточного фронта, чтобы не допустить прорыва советских частей к центральным городам Маньчжурии — Харбину и Гирину. Подступы к Муданьцзяну прикрывали реки Мулинхэ и Муданьцзян, и таким образом японцы выбрали удачную позицию для обороны. Сюда японское командование стянуло пять дивизий и два отряда смертников. Эту группировку возглавлял командующий пятой японской армией генерал-лейтенант Симидзу.

Пожалуй, за всю маньчжурскую кампанию именно здесь произошли самые ожесточенные бои, переходившие в рукопашные схватки. Именно здесь японцы наиболее широко использовали смертников. Оставленные в тылу советских войск, они поодиночке, по два, по три охотились за автомашинами, мотоциклистами, всадниками. Некоторые из них подкрадывались к группам наших воинов и подрывали себя вместе с ними. Скрываясь в густом гаоляне, они выскакивали на дороги и бросались под танки. Когда наши танковые части наступали на Муданьцзян, против них в качестве живого минного поля было брошено одновременно двести смертников, обвязанных минами и толовыми шашками.

Номер армейской газеты был почти целиком посвящен борьбе с диверсантами, и заметка о бое экипажа МГУ вызвала в самом экипаже, как говорят, «большой читательский интерес». Уже утром солдат принес пачку газет. Подсосенко, медленно шевеля губами, прочитал заметку, хмыкнул: «Малость перегнули», — и тут же сел за стол запечатывать газету без всяких дополнительных приписок.

— Ты, Николай, прямо как настоящий герой получился, — улыбнулся Морозов Королеву.

Младший лейтенант действительно выглядел на фотоснимке лихо. Сдвинутая набок пилотка и чуб из-под нее, широко развернутые плечи и выпяченная грудь. Даже смотрел он как-то победоносно.

— Фотоаппарат, он только действительность запечатлевает, — отпарировал он, не скрывая, что рад. Он уже представлял, как мать прослезится, а отец промолчит и довольно расправит усы, когда они развернут эту газету. Ну, а Лена... Та, конечно же, познакомит с газетой весь цех.

Морозов и Гаврилович спокойно запрятали свои экземпляры в карманы. Через несколько минут Подсосенко, закончив надписывать адреса, тщательно заклеил заранее подготовленные самодельные конверты и поднялся, чтобы идти завтракать, а потом к машине. Чуть потоптавшись, он вдруг, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— На спор с кем — сегодня почта из госпиталя будет.

— Федотович! — даже плечи приподнял Морозов. — От тебя не ожидал.

— На што спорить будем? — невозмутимо ответил тот.

Но тут же все поднялись: вошел майор Марштейн.

— Ну, поздравляю, орлы! На всю армию прославились, а ведь МГУ — не танк или самолет. Только впредь не рисковать. Разве в случае крайней необходимости, когда защищаться надо. Заметка, правду сказать, — хорошая память, и на снимке вы богатыри, но ведь не своим делом тогда занялись. Не так?

— Не согласен, — твердо возразил Морозов. — Диверсанты могли сменить позицию и расстрелять нас. Другого выхода не было!

— Капитан Марсин так же об этом сказал, не будем спорить, — примирительно согласился майор, присаживаясь на стул. Потом он тихо добавил: — Погиб лейтенант Иващенко, инструктор дивизии. Снайпер подстрелил, наповал. Жаль парня, он, кажется, один у родителей был. А кем я его заменю? Кем? У всех есть резервы, у нас — нет. Поймите это.

В наступившее молчание ворвался голос Анисимова.

Старший лейтенант шагнул в комнату, потрясая газетой и не замечая майора:

— С вас, ясно-море, положено. Меньше чем литром не отделаетесь! Виноват, товарищ майор,— тут же снизил он голос, увидев начальника.

— Вы-то мне и нужны! Сегодня пойдете в распоряжение старшего лейтенанта Коля, у него заболел наборщик. Чему-то на сборах вы научились?

— Товарищ майор?! — просительно протянул тот.

— Что «товарищ майор»? — поднялся начальник отделения.— Самому мне, что ли, к наборным кассам становиться? А с вами,— продолжал он уже Морозову,— поедет капитан Марсин. Маршрут у него. Младший лейтенант Королев — в распоряжение капитана Зотова. Желаю успеха! Все!

Когда майор вышел, Королев, надевая пилотку, сказал Анисимову:

— Попросись в печатный цех. У тебя туда больше данных. Останешься доволен на всю жизнь, ясно-море!

Капитан Марсин хорошо сознавал, что волнуется, когда шел к экипажу МГУ. Как они его встретят? Как отнесутся к нему?

Подсосенко уже завел мотор. Марсин сознательно медленно подошел к стоявшему дружной группкой экипажу, старший лейтенант Анисимов что-то горячо говорил им. Заметив капитана, все примолкли.

— Здравствуйте, товарищи,— проговорил Марсин.— От души поздравляю вас, уже читал. Сегодня я опять с вами.

— Спасибо,— сердечно ответил Морозов и пожал протянутую руку.— Поработаем вместе. Вы тогда, на первом митинге, хорошо действовали. С таким диктором мы всегда готовы.

У капитана стало легче на душе. Уже бодрее он предложил:

— Давайте посмотрим по карте наш сегодняшний маршрут.

Согласно приказу, они должны были побывать в трех деревнях: одна из них была расположена рядом с тем уездным городком, где состоялся их первый митинг.

Капитан Марсин проводил митинги энергично, с подъемом и каждый раз потом долго отвечал на вопросы жителей. Потом за деревней у небольшого звонкого ручья, сбегавшегося с сопки, они остановились, перекусили и попили студеной воды.

— Скажите, товарищ капитан, — полюбопытствовал Подсосенко, — я в толпе несколько китайцев видел с винтовками. Кто такие? Не знаете, случаем?

— Спрашивал. Оказывается, здесь бесчинствует банда из отставших японцев. Поскольку гарнизоны в каждой деревне мы держать не можем, то комендант уезда создал небольшие дружины самообороны, вооружил их трофейными винтовками. В дружины выбирали на собраниях тех, кому доверяли сами крестьяне.

— Понятно, — протянул Морозов. — Ну тогда, воины, опять оружие наготове и дверцу не закрывать. Я-то полагал, здесь их всех вычистили.

— Ну как? — предложил капитан, — еще отдохнем или поехали, чтобы засветло вернуться?

— Решайте сами, капитан. Работаете вы, мы только условия вам создаем. Все зависит от вас.

— Тогда поехали!

На этот раз капитан Марсин определенно нравился экипажу. Он держался не так официально, как раньше, стал мягче, но не панибратствовал, как иногда делали некоторые. Спрашивал сам и охотно отвечал на вопросы без прежнего проскальзывавшего в его голосе тона превосходства.

— А капитан-то ничего, видно, головастый, — неожиданно сказал Подсосенко, когда машина выехала на дорогу.

— Но-но, — с шутливой строгостью ответил Морозов. — Забываетесь, товарищ рядовой, старших по званию начинаете обсуждать. Армия не профсоюз.

— Так я ничего такого не сказал, — серьезно ответил водитель. — Я понимаю.

— То-то. Я же тебе говорил, капитан — голова!

Минут через двадцать они въехали на увал, с которого стала видна деревня, куда они направлялись. Она стояла почти у самой дороги, вернее, дорога проходила у ее окраины, а деревня занимала излучину, образованную узкой с обрывистыми берегами речкой.

— Останови! Глуши! — вдруг резко приказал Морозов. Он открыл дверцу и прислушался — со стороны деревни послышались выстрелы, потом раздался взрыв гранаты. — Осади чуть назад! — Подсосенко отжал тормоз, и МГУ немного откатилась назад. — Хватит! Выходите, — крикнул он в кузов. — Опять в какую-то заваруху чуть не попали.

Вместе они поднялись на самый гребень увала и залегли. Было хорошо видно, как группа японцев атаковала

деревню с их стороны, а с противоположного конца деревни убегали ее жители. Одна фанза уже дымилась. Японцы ловко перебегали, вели огонь. Вот один из них снова бросил гранату, и одна из фанз разлетелась, как карточный домик. Из деревни отвечали редкие выстрелы. Было понятно, что неопытные и малочисленные дружинники не смогут остановить японцев.

— Вот бы их отсюда, сзади, гадов! — произнес Подсосенко.

— Мало нас, — с досадой ответил Морозов. — И опять стружку снимать будут. Ишь, сволочи, что делают. Бандиты проклятые. Побьют людей.

— А может, мы... — предложил Марсин.

— Да пойми, голова садовая, — грубо оборвал его Морозов. — Мы и спуститься до половины не успеем, как они могут перещелкать нас. Если даже одного из нас укокошат, то ни мне, ни тебе головы не сносить.

— Послушай, старшой, — вмешался Гаврилович. — А может, как под Бобровичами? Помнишь?

— А запись цела?

— А как же.

— Давай! Подсосенко, заводи! Быстро!

— Какая запись? — взволнованно спросил Марсин.

— Обожди минутку. Сейчас посмотрим, крепче ли у самураев нервы, чем у фрицев. Обожди.

МГУ загудела, и вдруг капитан услышал звуки приближающейся колонны танков. Их шло много. Звук усиливался, становился громче, лязг гусениц неотвратимо нарастал.

— Теперь смотри! — злорадно проговорил Морозов. Было ясно видно, как японцы стали выскакивать на дорогу, тревожно оглядываясь, стараясь понять, откуда идут страшные танки с длинными пушками и звездами на башнях. Они было бросились в ту же сторону, куда бежали жители деревни, но оттуда, со стороны уездного городка, показалась грузовая автомашина, полная советских солдат, которые прямо на ходу вели огонь из автоматов, ручных пулеметов. А звук танковой колонны стал постепенно стихать, слабеть и замолк — танки прошли где-то сзади и мимо.

Японцы повернули назад и мчались, пригибаясь, по дороге прямо на МГУ.

— На нас их погнали. Теперь деваться некуда. Или, может, развернемся и драпака? Как, капитан?

— Ни за что! — возбужденно ответил Марсин. — Беру ответственность на себя!

— Очень благородно. Только за МГУ отвечает ее командир. Как капитан на корабле. Подсосенко, давай машину в укрытие. Гаврилович, сколько у нас еще гранат? Две? Не густо. Одну — мне! Ты, Якуб, давай вон к тем камням, а я с капитаном — слева. Мы тут и взвод не пропустим. Только не подпускай их на гранатный бросок. Иначе — труба!

Якуб с неожиданной ловкостью вскарабкался по осыпи и залег меж двух обломков скал так, что был виден только кончик ствола автомата. Морозов с капитаном засели по другую сторону дороги.

— Теперь мы их встретим, — удовлетворенно проговорил Морозов. — Смотри, капитан, как резво бегут.

Огонь с автомашины начал достигать японцев, и они заметались, еще прибавили ходу. Вот, подкошенный огнем, упал один из них, второй, некоторые пытались отстреливаться на ходу. Вдруг машина остановилась, и солдаты посыпались из нее, разворачиваясь в цепь.

— Японцы бегут быстрее, чем наши, — нервно проговорил Марсин.

— От смерти бегут, — ответил Морозов и, повернув голову, вдруг крикнул: — Подсосенко! Куда? Вернись к машине!

Но Подсосенко, не обращая внимания на его окрик, добрался до Гавриловича. Теперь рядом с дулом автомата показался ствол карабина.

Человек восемь уже начали карабкаться на подъем, как раздался выстрел и один из японцев ткнулся лицом в землю.

— Подсосенко его, — пробормотал Морозов. — Охотник.

Капитан Марсин начал целиться из пистолета. Морозов недовольно проговорил:

— Рано, не достать. Вот сейчас мы их с Якубом. — Он поудобнее стал прилаживаться к прикладу автомата. Но снова раздался выстрел карабина, и еще один японец рухнул навзничь. Морозов дал длинную очередь, подхваченную автоматом Гавриловича. Начал торопливо стрелять и Марсин. Японцы остановились, растерявшись, не зная, куда податься, и это окончательно решило их судьбу — огонь автоматов клал их одного за другим. Только один, припав к земле, быстрее ящерицы скрылся среди камней. Морозов быстро поднялся, бросился вперед и швырнул туда гранату.

Они уже успели закурить, когда цепь солдат медлен-

но, подбирая оружие японцев, приблизилась к ним. Во главе ее шел лейтенант.

— Это ж комендант! — первым узнал его Подсосенко.

— Он, — подтвердил Морозов. — А ты, охотник, стреляешь здорово. Но учти, в следующий раз, если не выполнишь приказания, пойдешь под арест. Вот так. Бой не охота в тайге, слово командира — закон!

— Слушаюсь, — не скрыл недовольства Подсосенко. — Только што ж я опять заместо сторожа.

— Разговорчики! — еще суше произнес Морозов. — Повторять не буду.

— Понятно!..

Заметив капитана, подходивший лейтенант начал принимать официальный вид, но тут же заулыбался:

— Здравия желаю, товарищ капитан. Я думаю, кто там нам в помощь, а оказывается, знакомые. Хорошо вы самураев встретили. Пожалуй, мы бы их не догнали, а в машине лопнул скат. Спасибо. Нам эти бандюги здорово мешали. Теперь с ними все.

— Один убег, — возразил Гаврилович. — То ли раненый в ногу, то ли просто хромой.

— Один не страшен. Я сообщу командованию о вашей помощи.

— А может, не надо? — поскучнел Морозов. — Что тут особенного? Вы сами их почти всех уничтожили, а остаток на нас нагнали. Тут любой новобранец их шутя перестрелял бы.

— Извините, не понимаю вас, — удивился лейтенант.

— Ну тогда специально укажи, что мы были вынуждены защищаться.

— Товарищ капитан, — продолжал недоумевать комендант. — Что от меня старший лейтенант хочет? Я же про них в газете сегодня читал, а он...

Марсин улыбнулся:

— Понимаете, лейтенант, наше начальство не очень любит, когда они в бой ввязываются. Так пока получается — танк легче заменить, чем МГУ.

— Вот оно что, — крутнул головой лейтенант. — Ничего поделать не могу, — официально закончил он. — Без все мои подчиненные видели.

— Докладывай! — решительно махнул рукой Морозов. — Семь бед — один ответ. Что будем делать, капитан?

Капитан вытер потное лицо и с досадой ответил:

— Какой там может быть митинг сейчас? Поехали

домой! До свидания, лейтенант. Нашел себе наконец переводчика?

— Нашел. Тоже китайца с дореволюционным стажем. Чуть не рассыпается старик, но по-русски бойко лопочет. Счастливого вам пути.

— Все! — подытожил Марсин, направляясь к МГУ. Он был доволен собой. Не уронил себя в глазах экипажа, да и на этот раз он не смог бы, никогда бы себе не простил, если бы снова оказался в стороне от боя. Он как бы смыл теперь все упреки, которые могли высказать ему те, кто ехал сейчас с ним в машине.

Подсосенко же был явно не в духе. Двух самураев он уложил. Да он бы и других пострелял, если бы старший лейтенант и Якуб не скосили их автоматами. И правильно сделал, что начал первым, — в такой суматохе самураи не могли разобраться, откуда в них стреляют. А командир на него при всех нашумел, да еще арестом грозил.

Морозов сидел рядом и спокойно потягивал сигарету. Потом, выбросив окурок в приоткрытую дверцу, строго проговорил:

— Ты, Федотович, человек пожилой, мне, можно сказать, в отцы годишься, водитель классный, охотник, действительно меткий, а солдат еще молодой. Даже удивительно. Не ожидал такого от тебя. В нашем экипаже командир я, и мой приказ — закон для всех. Раз я тебе приказал быть у МГУ, ты не имел права ни шагу сделать. Если хочешь знать, ты боевой пост самовольно покинул. Ты наш тыл охранял. А если бы сзади оказался какой-нибудь одичавший самурай да нашу машину гранатой? И я и ты под трибунал бы пошли! Сам сына при всех воспитывал, чтоб службу солдатскую исправно нес, а туда же... Вот так. Учти. Дружба дружбой, а служба — службой!

До самого возвращения Подсосенко раздумывал над словами командира МГУ и постепенно вынужден был признать: прав старший лейтенант, а он на старости лет дал маху. Но ведь удержаться было нельзя. Ладно, хоть и выговор при всех схлопотал, зато двух самураев уложил. Будет что дома рассказать.

— А все-таки, старшой, тот самурай, который убег, хромой был, а не раненый. Ловкий, сволочь!..

Глава пятая

Наблюдательный Подсосенко был прав — единственный, оставшийся в живых из банды, бывший староста ко-

лонистов Араки был хромым. После памятного ему разгрома танками японской колонны он сутки скитался, как одинокий волк, готовый стрелять во все живое. Но к вечеру сам оказался в роли дичи. Грозное «Стой! Руки вверх!» из-за куста пригвоздило его к месту. «Повернись! Иди сюда!» Араки послушно выполнил команду, и только тут до его сознания дошло, что команду отдавали его соотечественники, и он облегченно перевел дух. Из-за куста показался унтер-офицер в жандармской форме, за ним еще несколько человек.

— Са... Кого я вижу? Араки-сан! Да опустите вы руки.

Перед Араки стоял, улыбаясь, его сослуживец по жандармерии Цумура.

— Вот неожиданность, — продолжал тот. — Значит, вы тоже застряли? Или решили сражаться в одиночку? Ладно, потом расскажете. Пошли!

В глубине леса оказалось еще человек пятнадцать. Они лежали под высоким кедром, но при их появлении вяло поднялись.

— Вот мои воины, — показал на них Цумура. — Двое моих, остальных подобрали. Познакомьтесь, это бывший мой сослуживец господин Араки. Опытный воин, не вам чета. Назначаю его своим помощником. Его приказ — мой приказ.

— Благодарю вас за доверие.

Араки стал усиленно благодарить. Он искренне обрадовался — теперь он не один, теперь они сила.

— Не стоит благодарности, — явно рисуясь, продолжал Цумура. — Тут несколько — настоящие воины, а остальные только-только форму надели. Садитесь, поужинаем.

Вскоре Араки понял — отряд Цумуры не бездействовал. Они уже обстреляли несколько русских автомашин, подорвали мост и грабили окружающие деревни.

— Пока русским не до нас, мы еще их здесь пощупаем, — делился планами Цумура. — Поблизости они уже перестали ездить одиночными машинами. Двоих мы, правда, потеряли, а одного я сам пристрелил — оказался слаб духом.

— Вы нам будете особенно полезны. Вы же знаете здесь все ходы и выходы. Не так ли?

— Да. Гонялся не раз здесь за бандитами.

— Я так и думал. А где ваш знаменитый меч? Я еще раз с удовольствием посмотрел бы ваш мастерский удар.

— Спасибо. Вы преувеличиваете мои достоинства.

Меч я вынужден был запрятать в тайник. Ведь мы еще вернемся?

— Несомненно. Но если русские возьмутся за нас, будем пробиваться на Тунхуа. Я слышал, что наши войска стягиваются туда. А где ваша достойная семья?

— Я, — выпрямился Араки, — облегчил их страдания.

— Вы мужественный человек, — с уважением посмотрел на него Цумура. Свою семью он давно отправил в Дайрен.

— Я был вынужден. Командование забыло о нас.

— Понимаю! Неразберихи было предостаточно. Ну, давайте отдыхать. Завтра утром мы прогуляемся в одну деревню. Надо запастись едой. Много с собой не возьмешь — жара. Хорошо бы раздобыть консервов. Ну да с новым утром новые заботы...

Утром они совершили удачный набег: застрелили несколько китайцев, не успевших убежать. Когда Араки стал помогать пристреливать свиней, ловить кур, его позвал Цумура. Он стоял в дверях ближайшей фанзы.

— Сюда, Араки-сан. Здесь есть дичь понежнее.

Араки торопливо шагнул за ним в дверь. На кане, испуганно прижавшись друг к другу, сидели две молодые китаянки.

— Выбирайте! — великодушно предложил Цумура...

Потом их пристрелили.

Днем они обстреляли большую грузовую машину, но получилось не совсем удачно. На дне ее кузова оказались русские солдаты, которые встретили их таким плотным огнем, что пришлось отступить. Потеряли двоих: один убит, второй ранен. Раненого добил, приставив пистолет к уху, сам Цумура. «Мы не можем связывать себя. Ему не повезло», — пояснил он.

На второй день при очередном налете на другую деревню их встретили выстрелами. Подчиненные Цумуры явно осторожничали, помня о судьбе их раненного вчера соотечественника. Пришлось отступить.

— Похоже, русские вооружили китайцев, — поделился мыслями Цумура со своим помощником. — Не ожидал. Весьма огорчительно. Придется перебазироваться поближе к Тунхуа. Но надо запастись продуктами для дальнего перехода. Завтра займемся этим. Только теперь надо сначала хорошо разведать. Поспешность, увы, не принесла нам успеха.

Следующий налет оказался роковым. Каким чудом Араки заметил тропинку, на которую он так удачно уполз под огнем русских, он и сам понять не мог. Взобравшись

повыше, он залег, готовясь защищаться до конца. Дальше днем идти было нельзя, его сразу бы заметили. Но, хвала богам, за ним никто не бросился в погоню. Тяжело дыша, он наблюдал, как русские солдаты наклоняются над трупами подчиненных Цумуры, над самим унтер-офицером, собирая оружие. Неподалеку послышался звук мотора. Араки рискнул приподняться. К автомашине со странным высоким кузовом шли трое русских. Их трое и шофер в машине. Значит, их было всего четверо, тех, кто скосил огнем пытавшихся отступить его соотечественников. Он было приподнял ствол «арисаки», но тут же опустил. Нельзя, остальные солдаты будут его преследовать. А далеко ли он, хромой, может уйти от молодых и здоровых? Нельзя — скрипнул он от злости зубами. Пока надо затаиться, стать ниже травы, незаметнее муравья...

Он просидел в укрытии до вечера и уже в сумерках двинулся на базу банды, надеясь, что кто-нибудь, как и он, мог спастись в последний момент. Трупов на дороге уже не было. Видно, китайцы успели убрать их.

Уже в полной темноте Араки добрался до базы, но там никого не оказалось. Опять один, опять как одинокий волк. Он устало прилег и, забыв о всякой опасности, уснул.

Когда МГУ остановилась на обычном месте рядом с типографией, Морозов и Марсин задержались.

— Не знаю, как поаккуратнее доложить майору. Опять взбучку может дать, — признался старший лейтенант.

— Ничего. Я сам доложу. Не на прогулку же ездили. Война. Другого выхода не было. Все будет в порядке, — заверил капитан. — Да, про какие Бобровичи вам Гаврилович тогда напомнил?

— В Белоруссии это было. Тогда что-то похожее произошло, и мы тоже запись танковой колонны запустили.

— А-а, фронтовой опыт, понятно. — И, уже отходя, капитан добавил: — Не везет вам со мной — второй раз поехал с вами и второй раз в передрягу попадаем.

— Ну что вы, товарищ капитан. Как раз повезло нам. Оба раза все живы, и машина цела. Мы с вами всегда готовы, как пионеры.

Марсин снова вернулся и с силой пожал руку командиру МГУ.

— Спасибо! — искренне проговорил он и пошел докладывать начальству. Сам себе не признаваясь, он в ду-

ше был доволен всем случившимся, и чувство уверенности снова стало возвращаться к нему.

...Морозов понимал состояние капитана. Ему приходилось на фронте видеть, как те, которые в первом бою робели или терялись, потом становились хладнокровными воинами. Видимо, что-то подобное произошло и с капитаном. Конечно, от него было мало помощи, но ведь на этот раз капитан был рядом, готовый принять удар вместе с ними.

А Бобровичи Морозов запомнил. Ловко тогда обманули фрицев. Когда наши войска стремительно ринулись в глубь Белоруссии, сокрушив оборону гитлеровцев, сзади наступающих войск создался настоящий слоеный пирог: многочисленные «котлы» окруженных немецких соединений, частей. Некоторые из них пытались пробиться на запад, в лесах собирались мелкими и крупными группами разбитые батальоны и полки немцев и тоже ломились на запад, обходя крупные части Советской Армии.

Они тогда довольно беспечно катили на МГУ — фронт передвинулся вперед не менее чем на пятьдесят километров. Иван Лотяну всю дорогу пел песни на молдавском языке, да и у всех тогда было приподнятое настроение: наступали! Гнали фрицев с белорусской земли. Особенно волновался Гаврилович: его деревня была километрах в тридцати от их маршрута, но свернуть к ней они не имели права.

Да и как можно было быть равнодушным, когда весь путь их был полон свидетельствами разгрома немцев — сожженные танки, самоходки, раздавленные или просто брошенные орудия, транспортеры, сожженные или раздавленные автомашины.

На выезде из леса к МГУ неожиданно бросился ефрейтор:

— Куда прете? Фрицы там! Давайте назад!

— Какие фрицы? — открыл дверцу Морозов

— Много, товарищ старший лейтенант, — сбавил голос ефрейтор. — На нас идут. Вертайте, пока не поздно. С километр им осталось.

— Ну, время еще есть, тем более в лесу, — успокоительно проговорил Морозов, вылезая из машины. — Вас-то много тут?

— Рота, человек пятьдесят, не больше, — ефрейтор топтался на месте, не зная, как быть с этим упрямым старшим лейтенантом.

— А командир где?

— Тут, рядом!

Рота залегла, поспешно роя окопчики по самой кромке леса. Ее командир, неторопливый, основательный человек лет под пятьдесят, встретил Морозова не очень приветливо.

— Чего не послушался ефрейтора? — недовольно спросил он. — Был бы на танке, в ноги бы тебе поклонился. Или хоть завалящую пушчонку имел. Смотри, сколько их, — показал он рукой. — А пропустить не могу, сзади медсанбат. Послал уже к ним, чтобы подальше убирались.

Действительно, примерно в километре от окраины следующего леса впереди них выбиралась на дорогу нестройная колонна гитлеровцев.

— До батальона уже есть, а еще не конец, — угрюмо проговорил командир роты. — Так что давай и ты, старший лейтенант, вместе с медсанбатом.

Морозов не удивился готовности командира роты принять неравный тяжкий бой.

Он уже пошел было к МГУ и, увидев, что Иван Лотяну уже развернул ее, вдруг остановился и снова вернулся к командиру роты:

— Знаешь что, командир, я попробую фрицев на испуг взять.

— Ты? Как?

— В общем, через пару минут услышите наши танки, фрицы тоже. Не вздумайте в атаку идти. Ну а если на фрицев не подействует, тогда извини.

Он бегом вернулся к машине и крикнул Гавриловичу:

— Якуб, запускай запись танковой колонны! — И тут же пошел назад посмотреть, что получится.

Через несколько минут сзади него ощутимо, естественно раздались звуки танковой колонны. Они нарастали, казалось, еще немного, и танки вырвутся из леса навстречу гитлеровцам.

Передние ряды немцев остановились, вот вся их колонна затопталась на месте, потом они ринулись снова под спасительный покров леса. Они уже испытали, что такое советские танки, и скоро вся их орда исчезла в лесу.

— Ну, молодец! — восторженно закричал командир роты. — Прямо гора с плеч. Не имел я, понимаешь, прав пропустить их. А теперь скоро весь батальон подойдет, тогда мы сами на них двинемся. Но все-таки ты пока обожди!..

В МГУ были записи движения танков, самоходок, артиллерии и пехоты, когда ясно слышалось дружное шар-

канье сотен ног, позвякивание котелков и прочей солдатской амуниции. Эти записи использовали, чтобы ввести немцев, их разведку в заблуждение при передислокации наших войск, обмануть их ложным сосредоточением наших частей в стороне от направления главного удара.

Такая запись танковой колонны и припомнилась тогда Морозову под Бобровичами, а здесь, в Маньчжурии, о ней вспомнил к месту Гаврилович.

Всякое случается на войне.

Из типографии вышел, как всегда, чуть не взмыленный начальник типографии Коль.

— А, Морозов, здорово! Ну, скажу тебе, сачка сегодня мне подбросили.

— Кого?

— Да Анисимова, старшего лейтенанта. Не стал ничего делать, пока сто граммов из НЗ не поставил. И как я тогда при нем проговорился. Правда, потом он хорошо старался, вымогатель, но к «американке» я так его и не затащил. У меня, говорит, уши короче, чем у Королева.

— Какие уши?

— Я же тогда,— с досадой продолжал Коль,— насчет осла пошутил. Памятливый товарищ. Да! Тебе же срочный пакет из госпиталя завезли. Такая курносенькая симпатичная сиделка, что Анисимов чуть под колеса «санитарки» не бросился. Всей командой за руки-ноги держали. Такое «ясно-море» развел. Ему бы «американку» для профилактики покрутить.

— Давай письмо,— прервал его Морозов.

— Фу, черт, забыл, зачем и вышел к тебе. А все «ясно-море», чтоб ему. Сейчас принесу.

— А кто-то на спор, видать, не зря побоялся,— подал голос Подсосенко. В его голосе явно слышалось примирение и извинение.

— Ладно тебе, дед-всевед.

Николай Королев, узнав от Морозова о стычке экипажа МГУ с бандой, расстроился чуть не до слез.

— А я все с пленными вожусь,— сокрушался он.— Ну что за народ? Как из-под штампа сделаны. Поговоришь с кем — жили хуже некуда, а тоже — «Воля его величества...», «Плен — величайший позор...», «Не могу знать...», «Господин унтер-офицер, господин поручик приказал...»

А с офицерами вообще не о чем говорить. Правда, кое-какие полезные для листовок факты получаем, но мало... А майор требует, будто мы не стараемся. Вон капитан Зо-

тов — с железными нервами человек, так и он иногда скучным становится.

— Так уж никого интересного не попадалось?

— Есть там один хлюст. Тот мне тайным коммунистом представился, а когда я его спросил, кто такие коммунисты, только и ответил: «Это те, кто против его величества». Представляешь? Ну, еще тот самый ефрейтор Сэнда. По всему, он самый умный среди них. И человек думающий. Сам уже вопросы задавал, освоился.

— Ничего, Николай, война еще не кончилась. А вообще-то, мы не штурмовая группа, по штату нам бой не положен.

— А капитан Марсин как?

— Представь себе, держался молодцом. А митингует совсем здорово.

— Все равно против японцев он меня не заменит.

— Ладно, не ревнуй. Мы еще с тобой поездим.

— Спасибо на добром слове. Пойду переводить трофейные документы. Тоже, скажу тебе, занятие не из веселых. Да и в письменном языке-то я не силен, — поскучнев, закончил Королев. — Пойду...

Младший лейтенант ушел, а Подсосенко все мялся, вроде что-то хотел сказать и не решался. Он все-таки чувствовал себя виноватым.

— Ну что у тебя, Федотович? — как прежде, спросил Морозов.

— Да я тут узнал, — чуть помялся он, — госпиталь теперь пять километров всего от нас.

— Вас понял, — протянул Морозов, потом решительно поднялся. — Пойду к майору, отпрошусь на часик. Время еще раннее.

— Так я обожду.

Майор Марштейн возражать не стал. Да и заслужил этот решительный, смелый парень. Капитан Марсин рассказал о стычке с бандой и особенно отметил командира МГУ.

— Поезжайте, — улыбнулся он. — Сколько времени вам надо?

— Примерно час, — смущенно ответил Морозов.

— Час? Пока доедете, разыщете. Думаю, два часа вам хватит?

— Спасибо, товарищ майор.

— Только на этот раз без стрельбы. Вы как будто специально самураев ищете.

— Это не мы, — отшутился Морозов, — это капитан Марсин.

— Да? Ну и как он?

— Воин!

— Даже воин? Вот не подозревал. А я, признаюсь вам, считал его кабинетным ученым. Тем лучше. Теперь я пошлю его поближе к фронту. Да, извините, конечно, но я просто как старший по возрасту: у вас в госпитале серьезно или просто увлечение?

— Серьезно! — убежденно ответил Морозов.

— Тогда желаю успеха!

— Спасибо!..

Гаврилович было засобирался, по привычке, с ними, но Морозов, благодарно похлопав сержанта по плечу, оставил его.

Он даже хотел было оставить и Подсосенко, самому сесть за руль, но тот категорически запротестовал:

— Не обижайся, старшой, но я в жисть никому руля не отдавал, а машина, как и жена, напрокат не сдается. Невелик труд.

— Тогда поехали. Просто думал, чтобы ты отдохнул побольше.

— Я солдат, к тому же молодой, — подчеркнул он. — А молодому чего отдыхать-то.

— А ты, оказывается, ехидный. Поехали...

На этот раз Веронику разыскивать не пришлось. Едва МГУ остановилась неподалеку от санитарных машин, как она выскочила из-за палаток и бегом помчалась к ним.

— Але-ша! — ликующе крикнула она, ни на кого не обращая внимания. — Але-еша!

Подбежав к машине, она рывком открыла дверцу и припала лицом к его коленям:

— Я знала, что ты приедешь. — Она хлопнула ладонью по его колену. — Знала! Знала!

— Ну что ты, Ника, — даже растерялся Морозов. — Успокойся. Видишь — жив-здоров.

— Вижу! — подняла она на него лицо с глазами, наполнившимися слезами. — Вижу. Пойдем! — потащила она его за руку из машины.

Подсосенко тоже вышел из кабины.

— Разрешите, старший лейтенант, — официально обратился он, — я тут к шоферам знакомым схожу. Поговорю.

— К агентам своим? — многозначительно проговорил Морозов. — Давай, Ника, познакомься: Подсосенко Степан Федотович. Мастер вождения, меткий стрелок и твой поклонник. Между прочим, он рекомендовал мне держаться за тебя обеими руками.

— Вот как! — Вероника подошла к Подсосенко и поцеловала в щеку. — Спасибо, вы хороший человек.

Подсосенко растерялся, хмыкнул:

— Да чево уж там. Правду сказал. Я пошел!..

Вероника снова схватила руку Алексея обеими руками, прижалась лицом к его плечу.

— Я вправду, Алеша, знала, что ты приедешь. Знала — и все. С обеда на дорогу посматриваю. У нас сейчас легче, всех тяжелых эвакуировали, остались одни легкораненые. У тебя много времени?

Морозов посмотрел на часы:

— Час и двадцать минут.

— Опять так мало? — огорченно проговорила она.

— Служба.

— Я понимаю. А почему ты мне не написал про ваш бой с диверсантами? И вообще почти не пишешь? Мне наша медсестра Тося приносит газету и говорит: «По-моему, это твой!» Я как увидела, так даже голова закружилась. У-у, противный! Я в тот же день ее маме твоей послала. Правда, ты там какой-то сердитый.

— Сердитый?

— И не спорь. Вот ваш рыженький младший лейтенант, тот геройски получился. Алеша, я так соскучилась...

К машине приближался пожилой, плотного телосложения майор.

— Наш главный хирург, — шепотом сказала Вероника. — В хирургии бог, умница.

— Извините, старший лейтенант, — протянул Алексею руку майор в ответ на его приветствие. — Очень любопытная у вас машина. В первый раз вижу. Надо полагать, с радио связана?

— Мощная громкоговорящая установка. Для агитации войск и населения противника.

— Весьма любопытно.

— Познакомьтесь, Олег Владимирович, это мой самый большой и единственный друг.

— Алексей Морозов!

Майор внимательно посмотрел на него из-под густых с проседью бровей.

— Единственный друг... Раньше я полагал, что в госпитале у вас тоже есть друзья. Я понимаю, что вы хотели сказать. Сейчас или забыли, или стесняются произносить хорошие русские слова: суженый, нареченный, жених... Последнее наиболее категоричное. Вам какое из них больше нравится, старший лейтенант?

— Я за категоричность, — серьезно ответил Морозов, чувствуя, как Вероника сжала его руку.

— Поздравляю. Вы сделали хороший выбор. Вероника Сергеевна — прекрасный специалист. Мы все ее любим, а я, признаться, без нее как без рук. Не вздумайте ее умыкнуть до конца войны — ни за что не отпущу. Правда, сегодня у нас полегче. Госпиталь, особенно медсанбат, лучше всякого барометра реагирует на перемену погоды на фронте. Могу смело утверждать — наши взяли Муданьцзян, основной поток раненых шел оттуда. Впрочем, судя по отметине на вашем лице, вы фронтовик и сами это понимаете.

— Да, довелось.

— Древние говорили, шрамы — украшение воина, свидетельство его доблести. Даже немецкие бурши в свое время гордились шрамами от рапир. Но вам, видно, сделали в спешке.

— Да, — неохотно ответил Морозов. — Длинная очередь тогда была к хирургам. Не до красоты им было.

— Понятно. После войны прошу к нам, сделаем пластическую операцию, и, гарантирую, почти никаких следов не останется на лице. Все-таки жених нашей Вероники Сергеевны.

— Спасибо, — поблагодарил Морозов, — но меня шрам не беспокоит.

— Все равно приходите. Это же на всю жизнь след. Да, скажите, ваша машина может только агитировать или музыку тоже передает?

— Она все может.

— Замечательно. Очень прошу, сообразите что-нибудь для раненых. Хотя бы немного. Это же лучшая психотерапия. Да вы ведь сами были госпитальным пациентом. Я понимаю, вам сейчас не до этого, но...

— Сейчас сообразим, — со вздохом согласился Морозов. — Только репертуар у нас ограниченный. С чего же начать?..

— «На сопках Маньчжурии», — попросил подошедший Подсосенко.

— Очень будет к месту, — согласился главный хирург.

— Пойдем, Ника, будешь у меня за оператора. Поработаем немного.

Они зашли в машину, которую тут же Подсосенко развернул динамиками в сторону палаток. Морозов включил, прогрел аппаратуру, потом разыскал пластинку, поставил ее и опустил на нее адаптер. Вероника с любопытством следила за ним.

— Ну вот и все, послушаем, — сказал Алексей, усаживая девушку рядом.

По всей долине понеслись мягкие, грустные звуки старинного вальса. И всем в госпитале, всем, кто высыпал наружу на эти звуки, этот вальс напомнил лучше всякой речи о том, что они пролили кровь не зря, что они сейчас на маньчжурской земле, той земле, где когда-то сражались и умирали их деды, неповинные в том, что русская армия потерпела здесь поражение... И сам Морозов, чувствуя тепло прижавшейся к нему притихшей невесты, унесся мыслями к безвестным героям Цусимы, Порт-Артура, Ляояна...

Когда пластинка закончилась, Вероника, вздохнув, попросила:

— Теперь что-нибудь веселое.

— Найдем!

Через минуту из репродукторов понеслась веселая шутливая песенка о молдаванке-партизанке.

Вероника снова прижалась к нему и, подняв на него сияющие глаза, счастливо улыбнулась:

— Спасибо.

— За что?

— За категоричность. Я такая счастливая сейчас. Я бы не отпустила тебя до утра. Понимаю — тебе нельзя. Но я хочу не так. Я не девочка, но хотелось торжественнее, чтобы на всю жизнь запомнить. А так хочется быть с тобой, — уже жалобно закончила она.

Алексей стал целовать ее, и снова закончилась пластинка...

Когда они вышли из машины, она пожаловалась, взяв его под руку:

— Голова кружится, и ноги не идут.

Около палаток, прямо на земле, нарушая все санитарные нормы, сидели раненые. Увидев Морозова и Веронику, они поднялись:

— Еще, старший лейтенант! Спасибо! Великолепно!

— Дорогие товарищи, — шутливо раскланялся Морозов, — концерт окончен. Главные номера программы у нас только для самураев.

— Приезжай еще. Причина-то у тебя такая, что я бы не уезжал отсюда, — под общий смех раздался из толпы густой бас.

— Благодарю вас, — подошел к Морозову главный хирург. — Пойдемте, поужинаете с нами.

— Времени не остается, — посмотрел на часы Морозов.

— Алеша!

— Ладно, — махнул рукой Морозов. — Только не обижайтесь — ненадолго. Пошли, Федотович, пожуем, раз приглашают.

— То можно, — заглушил мотор Подсосенко.

В штабной палатке за накрытым столом старшим был главный хирург. Он поднял кружку:

— Сегодня, друзья, мы можем разрешить себе один тост. Пусть это будет, как в старину, помолвка нашей Вероники Сергеевны. За нареченных!..

И снова у машины Вероника, припав к Морозову, сказала почти с мольбой:

— Береги себя, Алеша.

Потом она подошла к Подсосенко и опять поцеловала в щеку:

— Берегите его. Очень прошу.

— Будь спокойна, дочка, — заверил тот. — Как за сыном смотреть буду. Да у нас все горой друг за дружку.

Она долго стояла и смотрела, пока МГУ не скрылась за далеким поворотом...

Уже перед самыми воротами в военный городок Подсосенко проговорил:

— За такую можно на любые кулаки пойти. Королева!..

Первым МГУ снова встретил Коль

— Все, Морозов, кончаются мои муки. Завтра с утра переезжаем в Муданьцзян. Там типография есть, уже узнал. Разбили наши самураев вдрызг. Теперь до самого Харбина не остановятся...

Дорога на Муданьцзян являла собой картину разгрома японцев. Николай Королев и Подсосенко впервые видели такое. Раздавленные танками орудия, сожженные, опрокинутые или просто брошенные автомашины. Штабные автобусы и машины, вокруг которых землю, точно опавшие листья, густо устилали желтоватые листы каких-то документов с непонятными письменами. Тут же какое-то пестрое тряпье, обрывки обмундирования, целые и разбитые ящики, мешки, банки, рассыпанные снаряды. И вдоль обочин дороги еще лежали почерневшие трупы японцев.

— Ну и ну! — удивленно протянул Подсосенко. — Здорово тут наши их, а?

— Танкисты по их колонне ударили, — определил Морозов. Видеть такое ему уже доводилось. Особенно в Белоруссии. Только там у поверженного врага была другая форма и техники побитой больше.

— А вот там, — показал он рукой, — они определенно

хотели задержаться. Трупы кучнее лежат. Этих, наверное, «катюши» накрыли. Знакомая картина.

— Да...— крутнул головой Подсосенко.— Это им, налюгам, не в гражданскую. За все поквитаемся.

Муданьцзян оказался разделенным на две части: в одной, где жили китайцы, только несколько домов в центре выглядели более или менее современно, а остальные — лачуги, фанзы — типичные пристанища бедноты. В другой части, где жили оккупанты, стояли аккуратные каменные дома, тянулись чистые улицы. К городу прилегал большой железнодорожный узел, который наша авиация вывела из строя в первый же день войны. Да и вообще, полностью целой оказалась лишь китайская часть города. Даже мост через реку Муданьцзян носил следы боев. Как узнал экипаж МГУ, мост в последний день боев пытались уничтожить пятнадцать смертников, которые одновременно подорвали себя.

Капитан Зотов уже подобрал помещение — какое-то конторское здание. А хозяйство лейтенанта Коля сразу направилось к городской типографии. Майор Марштейн ушел докладывать начальству и вернулся еще более озабоченным. Собрав подчиненных, он рассказал об успешных действиях армии, продолжавшей стремительно развивать наступление.

— Работы у нас,— подытожил он,— прибавилось. Надо помочь командованию наладить жизнь в городе, провести разъяснительную работу среди его жителей. Командование озабочено судьбой японской части населения. Из японцев в городе не осталось никого. Они бежали. Женщины, старики, дети. Японские вояки бросили их на произвол судьбы. Если мы им не поможем, они погибнут. Надо срочно составить листовки, обращенные к ним. Попросим авиаторов разбросать их вдоль дорог, в сопках. Далеко беженцы уйти не могли. Потом уточним обстановку с разведчиками, и тогда, старший лейтенант Морозов, вся надежда на ваш экипаж. Мы обязаны спасти беженцев,— снова повторил он.— К тому же, будем откровенны, у китайцев к ним естественная ненависть, которая может принять довольно уродливые формы. Вот так. Пока все на обед. Старший лейтенант Морозов, задержитесь.

Все вышли, майор поднялся из-за стола, подошел вплотную к Морозову.

— Вы были друзья с лейтенантом Дорониным?

— Так точно.

— Он погиб. Вчера.

— Не может быть! — побледнел Морозов.

— К сожалению — правда. Полчаса назад позвонил их фотограф. Они были вместе. Может рассказать подробнее.

— Но ведь Доронин, — выдавливал из себя слова Морозов, — он... Он должен был написать книгу. Понимаете? Настоящую. О войне. Как же так? Ему нельзя было...

Майор помолчал и раздумчиво-сочувственно сказал:

— Сколько задуманного погубила война, сколько планов разрушила. Понимаете, Алексей Михайлович, ведь каждый, кто погиб на войне, должен был что-то свершить, сделать. Один — написать книгу, другой — построить дом, третий — вспахать и засеять поле. Каждый... Мне кажется, прав Максим Горький, когда еще в тридцатые годы писал, не ручаюсь за точность, но смысл его слов был в том, что, хотя и утверждают, — война рождает героев, но она еще больше их уничтожает.

— Это был действительно геройский парень, — убежденно проговорил Морозов.

— Я вам верю. — Майор устало вздохнул и прошел к столу. — А сами будьте поосторожнее. Этой ночью диверсанты напали на медсанбат. Убили врача-хирурга, несколько медсестер, раненых. А это в тылу... Может быть, попросить автоматчиков вам для охраны? Розыск беженцев — задание небезопасное.

— Не надо, — твердо ответил Морозов. — Обойдемся сами. Разрешите идти?..

Ему почему-то показалось, что майор слишком спокойно рассуждал о гибели Доронина. Хотя он же его почти не знал. А знал ли он сам Юру по-настоящему? Ну хотя бы о его прошлой, довоенной жизни. Почти ничего. Тот умел дотошно расспрашивать других и был скуп на рассказы о себе. Как же это случилось?

Морозов отправился в редакцию газеты. Убитый горем фотограф был занят печальным делом — паковал вещи лейтенанта.

— Лейтенант упросил-таки редактора послать его на передовую, в Муданьцзян. И меня с собой взял, — рассказывал он. — Там жарко пришлось. Я, признаюсь, малость того, оробел поначалу, хотя виду старался не показать. В первый раз мне такое пришлось. А лейтенант... Он, оказывается, отчаянный был. Все вперед... Наши уже мост через речку взяли, в самом городе бой шел. Ну и мы туда... Он мне все говорил: «Ты, Максим, не пистолет в руках держи, а камеру. Стрелять и без тебя есть кому. Ты воинов увековечить должен». Ну вот так мы добрались

аж до взвода, который дом штурмовал, где самураи засели. Крепко засели, никак к ним, гадам, не подойти... Тут вскорости командира взвода ранили. Молоденький такой лейтенант. Да... А Доронин мне все: «Работай, Максим, работай!»

Потом из двери дома полка с белым флагом показалась палка. Наши перестали стрелять, раз самураи сдаваться решили. Тогда в дверях японский офицер появился. Это он палку с белым флагом держал. Маленький такой, плюгавый. Стоит и ждет чего-то. Наши тоже. Тогда лейтенант поднялся и говорит: «Ну, раз никто, тогда я пойду. Давай, Максим, увековечь и меня!»

Так и пошел к тому самураю. А тот даже улыбается. А когда лейтенант подошел к нему, выхватил пистолет в почти в упор его... Только и наши этого гада сразу изрешетили... А тут самоходки подошли и всех самураев под развалинами погребли. Ни один не ушел. Вот так! — растерянно закончил он и, с минуту помолчав, добавил: — Я успел его снять. До смерти за секунду...

Морозов тяжело вздохнул, посмотрел на туго набитую сумку Доронина и решительно пошел к редактору. Тот сидел, наклонясь над еще сырыми полосами очередного номера газеты.

— Разрешите, товарищ подполковник?

Редактор поднял голову:

— Если коротко, пожалуйста. А если подольше, то прошу чуть позже, — показал он рукой на полосы.

— Я был другом лейтенанта Доронина. Мы вместе прибыли.

Подполковник поднялся.

— Понятно. Он — первая потеря в нашей редакции. У нас общее горе. И ведь, понимаете, не хотел я посылать его.

— Я знаю. Война, товарищ подполковник, а лейтенант всегда был впереди. У меня небольшая просьба, я не задержу вас.

— Я слушаю, — продолжал стоять подполковник.

— Лейтенант Доронин все время вел записи. Не о себе — о других. Ведь он думал написать книгу.

— Признаюсь, не знал. Он недавно ведь у нас.

— Поэтому я очень прошу, — стараясь говорить убедительнее, продолжал Морозов, — отправьте домой только личные бумаги, письма, публикации. А остальные записи передайте тому, кто пишет, кто может писать. У меня нет таких знакомых. Или сохраните их для архива. По

верьте, они очень пригодятся. И... когда и где его похоронят?

Подполковник внимательно посмотрел на Морозова.

— Вы хорошо поступили, старший лейтенант, — твердо проговорил он. — Мы ведь, повторяю, не знали. Что-нибудь придумаем. А похоронили его здесь же, в Муданьцзяне, сегодня. Я посылал туда своего заместителя.

— Спасибо!..

«Даже на похоронах не сумел быть», — горько подумал Морозов.

Как ни парадоксально, но пока безвестный для правителей японской империи майор Марштейн и его подчиненные, выполняя задание Советского командования, ломали головы, как спасти от гибели бежавших в сопки жителей японской части Муданьцзяна, в Токио были озабочены совершенно другим. Уже в первый день вступления Советского Союза в войну против Японии стало ясно — хваленая Квантунская армия не оправдает возлагавшихся на нее надежд. Ее командование быстро утеряло управление войсками.

12 августа американское правительство ответило на заявление японского премьера Судзуки о том, что оно готово обсудить требования Потсдамской декларации при условии, что «эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии». В американском ответе сообщалось: «С момента капитуляции власть императора будет подчинена верховному командующему союзных держав. Конечная форма правления в Японии будет установлена свободно выраженной волей народа».

Японские правители поняли: американцы не требуют ликвидации императорского строя. Но военщина, боясь возмездия, требовала продолжать войну до последнего солдата. Заговорщики из военного министерства и офицеры штаба первой гвардейской дивизии при помощи подложного приказа заняли императорский дворец. К утру 15 августа заговор был подавлен, а его зачинщикам военное командование рекомендовало покончить самоубийством, и в тот же день правительство сообщило о капитуляции империи. В эдикте императора, составленном очень хитро, говорилось о том, что Япония капитулировала «вынеся невыносимое», но народ должен утешиться тем, что «удалось сохранить и защитить национальный государственный строй».

В тот же день майор Марштейн докладывал текст им-

ператорского эдикта члену Военного совета. Тот внимательно прочитал его и отложил в сторону.

— Официально, майор, нам еще ничего не известно. Война продолжается. Будем ждать указаний из Москвы. Ну и как думаете, покорятся они воле своего императора? Да и приказа им официального, как я полагаю, не было еще?

— Судя по радиоперехвату, в Токио была попытка военного путча. Не исключено, что и среди квантунских вояк найдутся такие же ретивые. Но для агитации этот эдикт мы пустим в ход, — ответил майор.

— Добре. А наступление будем продолжать. Завтра с утра двинется мощный подвижной отряд на Харбин. В этот город первой должна войти наша армия. Прикомандируйте двух офицеров порасторопнее.

Приказ отправиться в подвижной отряд капитан Зотов воспринял спокойно, а младший лейтенант Королев откровенно обрадовался.

— Повезло, — поделился он с Морозовым, — на самую передовую отправляюсь.

Николай Королев и Зотов вместе с двумя другими политотдельцами ехали в середине мощной колонны. Танки, самоходки, бронетранспортеры, реактивные минометы, артиллерия на механической тяге неудержимо стремились вперед. Колонне не было видно ни конца ни краю. Все время поддерживалась связь с авиацией, готовой в любой момент расчистить путь колонне ударами с воздуха.

День был солнечный, яркий, но водитель был вынужден включить фары: поднялось облако густой липкой пыли. Уже через час их одежда стала серой, а на лицах сверкали только глаза.

— Противогаз надо было взять, — пожаловался Николай.

— Терпи, казак, — невозмутимо ответил Зотов.

Колонна длинной змеей вкатывалась на перевал, и стало немного чище. Впереди лежала такая же падь, ничем не отличимая от остальных, уже пройденных.

— Перекусить бы не мешало, — проговорил майор из политотдела, когда «виллис», неотрывно следуя за впереди идущей машиной, спустился со склона. — Да и умыться. О, вроде бы мои моления услышаны, — показал он рукой.

Было видно, как впереди у изгиба дороги машины уже остановились, и скоро вся колонна стала. Откуда-то издалека, от головных машин понеслась, как эстафета, команда: «Глуши моторы!» И оттуда же, прижимаясь к

обочине, мчалась легковая открытая автомашина. Иногда она притормаживала, и ее пассажир — офицер, держась за ветровое стекло, подымался и не то передавал какой-то приказ, не то что-то спрашивал. Вскоре машина почти поравнялась с ними, и офицер, так же приподнявшись, спросил:

— Где тут офицеры майора Марштейна?

— Здесь, — крикнул капитан Зотов.

— Быстрее ко мне в машину!

Зотов и Королев быстро пересели к нему, машина круто развернулась и стремительно помчалась вперед.

— Что случилось? — спросил Зотов.

— Ха! Там такое дело. Парламентеры японские заявились. С белыми флагами.

Действительно, в голове колонны стоял японский штабной «ниссан» с двумя белыми полотнищами, укрепленными по бокам ветрового стекла. Поблизости находилась группа наших офицеров и рядом с ними японский полковник, еще два японских офицера и какой-то японец в полувоенной форме. Капитан Зотов нашел глазами командира отряда генерала Максимова.

— Значит, так, капитан, — нетерпеливо отмахнулся генерал от попытки Зотова представиться по всей форме. — Насколько мы уже разобрались, это офицеры из штаба пятой японской армии. Той, которую мы расколошматили в Муданьцзяне. Их штаб в Хэньдаохэцзы. Мне разговоры разводить с ними некогда. Возьмите с собой четырех офицеров и отправляйтесь к ним в штаб. Пусть складывают оружие, в помощь вам подошлем роту. Договоритесь там и их официальных представителей доставьте в Муданьцзян. Капитуляцию от них примет командующий. Все!

В мгновение ока у капитана Зотова оказался «додж», и в нем четыре офицера. Полугражданский японец перевел слова командира отряда своим начальникам, те молча поклонились, выражая согласие, «ниссан» с трудом развернулся и покатил в Хэньдаохэцзы.

— Держись за ними, — приказал Зотов водителю. — Только в самую пыль не лезь. Ну как, — обернулся он к офицерам, вместе с которыми сидел Королев, — приходилось быть парламентерами? Нет? Мне тоже. Но держитесь так, будто это для вас обычное дело. И запомните этот день — внукам потом рассказывать будете.

А колонна снова заревела, загудев моторами, двинулась вперед, на Харбин.

Минут через сорок показалась пропыленная станция.

Два состава пустых товарных вагонов, замерший паровоз. Потянулись хибары китайцев, и затем они подкатили к приземистому серому зданию штаба.

Николай Королев с любопытством смотрел вокруг. И все ему казалось чужим, незнакомым. Было странно видеть много людей в чужой форме, с оружием в руках. Заметно, что и они испытывают острое любопытство к советским офицерам, но стараются этого не показать.

— Шарахнет сейчас какой-нибудь сумасшедший самурай гранатой, и прощай молодая жизнь, — невесело пошутил один из прикомандированных офицеров. — Вон их сколько.

— Глупая шутка, — не оборачиваясь, прервал его капитан. — Лучше помолчите.

К ним подошел тот же японец-переводчик и, поклонившись, сказал:

— Просим любезно пройти в этот садик, — показал он на сквер около штаба. — Вам подадут умыться. Сейчас доложат его превосходительству генерал-майору Ковагоэ, и он примет вас.

— Согласны! — поднялся капитан. — Пошли. Генерал — начальник штаба их армии.

В садике два японских солдата с неподвижно-каменными лицами подали кувшины с водой и полотенца. Когда все умылись и сели на скамью, капитан, посмотрев на серьезные лица остальных, скомандовал: «Закуривай!»

Но они не успели докурить, как к ним подошел полковник, сидевший в «ниссане», а за ним еще один. Полковники представились: один из них был начальником оперативного, другой — разведывательного отделов. Тут же перед ними вытянулся переводчик.

— Его превосходительство скоро примет вас, — произнес оперативник, а разведчик только внимательно рассматривал их, словно хотел запомнить на всю жизнь.

— Присаживайтесь с нами! — пригласил капитан, и переводчик тут же пробормотал это полковникам. Те охотно присели.

«О чем капитан будет с ними говорить, — думал Королев. — Что он им скажет?»

Но, к его удивлению, капитан начал жаловаться на жару, пыльные дороги, и японцы вежливо поддерживали этот нейтральный разговор. Одну из фраз переводчик передал неточно, и полковник-разведчик буркнул: «Переводи точнее!»

— Тогда, господин полковник, может быть, мы обойдемся без него, — произнес по-японски капитан. — Вы на

каком языке предпочитаете — на русском или японском?

— Са...— не скрыл удивления японец,— я это... говорю по-русски плохо.

— Не скромничайте, полковник, в школе Накано русский язык поставлен хорошо.

— А... понимаю — вы мой коллега. Разведчик?

— Да нет, но что-то около этого.

— Вы...— протянул полковник, растягивая русские слова,— это... политический работнику, да? Коммунист?

Николай Королев слушал разговор, не замечая, по-русски или по-японски произносились фразы. Остальные четверо не знали, чему больше удивляться: то ли тому, что японец говорит по-русски, то ли тому, что их капитан — так ловко по-японски.

Капитан заметил, что поблизости стоят офицеры и солдаты, стараясь что-либо услышать, и повысил голос:

— Надо было раньше капитулировать, сколько своих подчиненных сохранили бы живыми. Вы же, признайтесь, уже через два дня потеряли управление своими частями.

Полковник резко выпрямился:

— Мы не капитулировали. Мы сложили оружие по приказу его величества.

— Не вижу никакой разницы,— чуть скривил рот в улыбке капитан.— В чем она?

— Воля его величества — закон для каждого его подданного. Всякое его действие идет только на благо японской империи и его подчиненных. Никто из нас не имеет права обсуждать его действия, его волю.

— Пусть будет даже так,— снова возразил капитан,— но...

— Его превосходительство приглашает вас! — прервал капитана голос японского поручика, незаметно появившегося перед ними.

— Пошли! — поднялся капитан.

Генерал-майор Ковагоэ оказался низеньким, щуплым человеком, похожим на подростка, если бы не седая щетина волос и потемневшее лицо с резкими морщинами. Он встретил советских представителей в просторной комнате. Вдоль стен ее стояли столы, за которыми плотно уселись офицеры штаба. Капитана Зотова и других усадили за отдельный стол напротив генерала.

Капитан решил не тянуть время. Едва они уселись за стол, как он поднялся и произнес:

— Господин генерал! Господа офицеры! Я не уполномочен обсуждать какие-либо дополнительные условия капи-

туляции вашего штаба и гарнизона. Мне приказано доставить командование вашей армии к нашему командующему в Муданьцзян. Могу только подтвердить еще раз заявление Советского командования, что всем сдавшимся в плен гарантирована жизнь, безопасность, раненым будет оказана медицинская помощь. Офицеры могут сохранить холодное оружие. Что касается местного гарнизона, то оружие должно быть сдано организованно, под командованием ваших офицеров нашей воинской части, которая скоро прибудет сюда. Затем все части гарнизона должны находиться в казармах и ожидать дальнейших распоряжений нашего командования. У меня все!

Наступила тишина. Заявление капитана было категорическим. Невозмутимый вид японцев не мог скрыть, как тяжко им было, какой это удар их самолюбию.

Первым подал голос генерал. Он встал и чуть напыщенно произнес:

— Офицеры и все воины нашей армии выполнят свой долг, предписанный нам волей его величества. Но должен заметить, что господин советский капитан заблуждается, когда говорит о капитуляции. Такого термина нет в императорской армии. Мы сложили оружие по приказу его величества. Что касается представителей нашего командования, то господина командующего его превосходительства генерал-лейтенанта Симидзу сейчас в гарнизоне нет. К вашему командующему поеду я.

Капитан Зотов снова поднялся:

— Извините, господин генерал, но не будем обсуждать тонкости лексики. Очень желательно было бы отправиться к нашему командующему возможно быстрее. И захватите оперативную карту с дислокацией вашей армии на сегодня. Чтобы, как вы говорите, сложить оружие можно было оперативно. Ведь надо исключить любые эксцессы.

Генерал-майор Ковагоэ, пожевав губами, с чуть извинительной ноткой в голосе ответил:

— К сожалению, мы не имеем связи с некоторыми частями и не знаем их местоположения. Со мной поедет мой заместитель, начальник оперативного отдела и переводчик. С остальными предложениями господина капитана согласен. Прошу только еще немного задержаться. Попробуйте нашей пищи перед отъездом.

— Генерал предлагает нам перекусить. Отказаться — невежливо будет. Согласны?

Все дружно закивали головами, любопытствуя, что же японцы едят.

Мгновенно в комнату вошли солдаты с подносами, у-

тавленными тарелками и маленькими чашечками. Николай Королев и остальные, скрывая недоумение, смотрели на то, что им предлагали. Знакомым был только рис. С тем же недоумением вертели в руках хаси — палочки для еды; на всех оказалась только одна вилка, которую захватил пожилой старший лейтенант.

«За что же будем пить? — попытался догадаться Королев, когда солдаты стали наливать сакэ в чашечки. — Вот ребус. Как капитан решит его?»

Ему неприятно было чувствовать за спиной японского солдата, наливавшего сакэ. Он бросал взгляды на японских офицеров, их генерала, которые еще, очевидно, не понимают, что это последние минуты их власти, что императорская армия уже перестала существовать. И чего они еще так возражают против слова «капитуляция», ведь они, по сути дела, уже в плену. Еще недавно надменные и самоуверенные, они вынуждены слушать и выполнять то, что им говорит капитан Зотов.

Его мысли прервал голос генерала:

— Я предлагаю тост за здоровье наших гостей — доблестных офицеров Советской Армии.

Все молча выпили. Королев безнадежно пытался подцепить палочками что-либо из тарелки, но получалось плохо, и он смотрел на ближайшего японца, как тот ловко орудовал хаси. Он посмотрел вправо на своих офицеров: трое мучились, как и он, и только старший лейтенант деловито орудовал вилкой. Но удивлению Королева не было предела, когда он увидел, что капитан Зотов управлялся с палочками не хуже, чем вилкой.

Капитан поднялся и поднял чашечку:

— Я предлагаю тост за то, что ваша страна прекратила бессмысленное сопротивление и тем уменьшила количество ненужных жертв!

Едва японцы опорожнили чашечки, как с места поднялся сидевший близко от генерала подполковник и с надрывом чуть не закричал:

— Если бы не эдикт его величества, мы бы сражались до конца, мы, как и должно воинам императорской армии, выполнили бы свой долг...

Капитан Зотов снова поднялся и прервал японца:

— Господин генерал, — проговорил он твердо, — пора ехать. Каждый час промедления может принести новые жертвы.

— Да, да, — буркнул генерал. — Господа офицеры, вы свободны. Надеюсь, вы выполните свой долг!

Они снова вышли в садик, ожидая генерала.

— Чего они так уперлись в слово «капитуляция», ведь капитулировали же, — спросил капитана Королев. — Какая разница?

— Соображать надо, — похлопал тот Королева по плечу. — Я их сразу понял. Хитро задумали. Как же, императорская армия непобедима. Понимаешь — непобедима! На этом они здорово своих солдат оболванивали. А тут вдруг капитуляция непобедимой. Как же так? Вот они и подсовывают вариант: императорская армия не капитулировала, а сложила оружие по приказу их императора. Уже сейчас в будущее смотрят. Хитрецы! Ничего, мы поможем пленным разобраться, капитулировала их армия или нет.

— Фу, черт, — поскреб в затылке Королев, — а я, признаться, сразу не разобрался. А где вы так с хаси научились управляться? В Японии?

— Дома. Сам тренировался. Раз изучаешь страну, язык ее народа, надо и этому учиться. О, уже генерал показался. Поехали!

До Муданьцзяна они добирались долго. Встречный поток советских войск отжимал «ниссан» на обочину. Генерал и его спутники вынуждены были глотать пыль, поднятую советскими машинами. Но они сидели с каменными лицами, положив руки на эфесы сабель. Казалось, они не видели потока могучей техники и боевых машин...

Когда «ниссан» остановился у штаба армии, Зотов скомандовал Королеву:

— Давай, лейтенант, иди доложи майору Марштейну. Я тут их сам доставлю командующему.

Королеву очень не хотелось уходить, хотелось хотя бы краем уха услышать ход переговоров, но капитан был прав...

Майор Марштейн, расхаживая по комнате, с интересом слушал Королева, довольно хмыкал.

— Значит, начали капитуляцию? Очень хорошо. А капитан Зотов просто молодец. У него вам есть чему поучиться. Ничего, в лагерях разберутся, капитулировали они или нет. И прав капитан — мы им очень даже в этом поможем. Поможем... Ну, теперь самое время взяться за беженцев. Морозов сейчас уточняет у оперативников и разведчиков обстановку, а вы, кровь из носу, добудьте диктора-японца. У вас, несомненно, токийское произношение, но... В общем, действуйте, завтра утром начнете, — пожал он руку Королеву.

Королев долго и с нетерпением ждал капитана Зотова. Ему было обидно, что не довелось присутствовать при та-

ких важных переговорах. Поэтому, когда капитан появился, он бросился к нему:

— Ну как там, товарищ капитан?

Зотов довольно улыбнулся:

— Полный порядок. Туда вскоре доставили командующего их армией генерал-лейтенанта Симидзу. Поначалу тот тоже бубнил насчет того, что они не капитулировали. Но наш командующий, генерал Белобородов, так логично его прижал, что тот вынужден был признать: капитулировали. А потом и совсем разоткровенничался. Оказывается, они никак не ожидали, что наша армия так стремительно пройдет через горы, тайгу, болота. Они считали их непроходимыми. Поэтому их штаб быстро потерял управление войсками. Он заявил, что его армия потеряла две трети состава, что-то около сорока тысяч человек, и сопротивляться они были уже не в состоянии, хотя твердо надеялись удержать Муданьцзян. Вот тебе и «не капитулировали»...

— Да, — горячо проговорил Королев, — какую силу сломили. Теперь они долго в себя приходить будут.

— Поживем — увидим. Нам-то еще достанется. Пошли спать, пока есть возможность. Боюсь, дальше недосып у нас будет большой, — рассмеялся капитан.

Ефрейтор Сэнда Васиро продолжал мучительно раздумывать все эти дни. Пленных прибавилось изрядно, но во взаимоотношениях между ними ничего не изменилось. Главное он понял — плен не страшен, не так ужасен, как об этом говорили в императорской армии. Его даже удивляло добродушие солдат охраны. Никто из них не ударил ни одного пленного, даже голоса не поднял до крика. Ничего оскорбительного. Это было просто удивительно. Ведь в императорской армии старшие по званию били младших, старослужащие — новобранцев. И никто не возмущался — так было всегда. А здесь, в плену, никто их пальцем не тронул. Чем это объяснить? Значит, их обманывали, когда говорили, что русские пытают и расстреливают пленных. А если бы солдаты знали правду, больше бы было их в плену или нет? Больше, гораздо больше...

Но они ничего не знают и все полягут. Тайфун смерти пройдет по его стране, оставляя трупы, и последние ее защитники лягут у стен императорского дворца. Япония исчезнет, останутся безжизненные острова, которые постепенно заселят пришельцы из других стран — не будет же пустовать такая благодатная, прекрасная земля. Пройдут годы, и постепенно все забудут, что на этих островах жил

такой народ — японцы. Ведь в истории так бывало. Ну кто сейчас помнит, как до прихода испанцев назывались Филиппинские острова? А ведь на них веками жил народ, который дал этим островам свое название.

Почему божественные предки отвернулись от нас? Как такое могло случиться? Очевидно, в тех, кому его величество поручил править страной, вселились магацухи — злые духи, населяющие мир тьмы. Ведь даже сам бог Идзанаги был вынужден спасаться от сонма ведьм.

Подобные рассуждения довели бывшего ефрейтора императорской армии до того, что он был готов покончить с собой, если бы нашел для этого достойный способ и не был под невольным надзором пленных соотечественников.

Поэтому и к появлению Королева ефрейтор отнесся безразлично, но покорно пошел за советским офицером в кабинет, в котором беседовал с ним уже не раз.

«Странный человек советский офицер, — размышлял он, садясь на стул. — Неужели ему непонятно, что мне абсолютно безразлично — останутся в живых еще несколько сот соотечественников или нет. Почему это его так заботит? А, понятно... Японские солдаты сопротивляются, и русские несут потери. Это он беспокоится о своих. Конечно так. Никуда я с ним не поеду, пусть делает что хочет».

— Значит, вы, ефрейтор, по-прежнему не желаете поехать с нами? — спросил Королев.

— Нет, господин офицер.

— Значит, вы плохой верноподданный своего императора.

— Да. Я оказался недостойным — попал в плен.

— Я не об этом. Скажите, если бы вам предоставилась возможность исполнить новую волю вашего императора, вы бы сделали это?

— Да, — ни секунды не медля, ответил Сэнда.

— Мы предоставим вам такую возможность.

— Извините, — растерялся ефрейтор, — я не понимаю вас. Как это можно? Что вы имеете в виду?

Королев поднялся из-за стола, и за ним вскочил Сэнда, лихорадочно соображая, что же от него потребует этот офицер.

— Слушайте меня внимательно, — медленно проговорил Королев. — 15 августа ваш император издал эдикт о принятии условий Потсдамской декларации, другими словами, — о капитуляции.

— Этого не может быть! — хрипло выдавил Сэнда.

— Может, так и есть. Уже капитулировал штаб вашей армии. Я сам привез нашему командующему генерал-майо-

ра Ковагоэ и других офицеров штаба. Я был уже в этом штабе.

Голова у Сэнда закружилась, и он схватился руками за край стола.

— Значит... Значит, война закончилась. Простите, вы не обманываете меня, господин офицер?

— Повторяю, формально война закончилась.

— Са... — выпрямился Сэнда. — Тогда зачем же я вам нужен?

— Садитесь! — присел и сам Королев. — Да, эдикт император издал. Некоторые ваши генералы и офицеры начали выполнять волю вашего императора, но нашлись и такие, которые, грубо говоря, наплевали на императорский эдикт и продолжают бессмысленное сопротивление, губят своих солдат. Понимаете — губят. Ваших соотечественников. Я думаю не о наших. У Советской Армии достаточно сил, чтобы только огнем разгромить их, не теряя жизней наших солдат. Понимаете?

Он помолчал, давая возможность собеседнику осмыслить сказанное им.

— Но даже не это главное, — снова начал он. — Из Муданьцзяна, поселков колонистов в сопки бежали все японцы: старики, дети, женщины. Они там уже несколько дней, наверное, без еды. Ваше командование покинуло их на произвол судьбы. Но мы не можем допустить их гибели. Может быть, вам это и непонятно, но мы не можем, не имеем права отнестись к ним равнодушно. Ну чем они-то виноваты?

Ваш долг поехать с нами спасать их. Вашему голосу, голосу их соотечественника они больше поверят. Подумайте, я зайду сюда через полчаса. А пока вот вам эдикт вашего императора. Узнайте его волю.

Королев положил на стол запись императорского эдикта и вышел.

Как только он захлопнул дверь, Сэнда впился глазами в листы:

«Мы, всесторонне учитывая ситуацию в мире, а также действительную обстановку в нашей империи и желая спасти положение... повелели правительству империи известить Америку, Англию, Китай и Советский Союз о принятии нами их совместной декларации... Таким образом, продолжение войны в конечном счете приведет к гибели всю нашу нацию... Мы предостерегаем вас от опасности отступления от наших великих принципов и утраты доверия со стороны держав мира вследствие того ущерба, который мо-

жет быть нанесен безрассудной горячностью или благодаря разобщению среди наших соотечественников...»

Сэнда быстро пробежал глазами до конца эдикт императора, потом начал читать сначала, медленно, стараясь осмыслить каждую фразу, каждое слово.

Совершенно правильно — продолжение войны — это гибель всей нации. Мудро. Только надо было раньше! Очевидно, его советники убеждали, что все еще могут выиграть войну. Безумцы — начали эту войну слишком рано, не развив промышленного потенциала, не покончив с Китаем. Понадеялись на Гитлера. Обманулись сами и ввели в заблуждение его величество.

Конечно так. «...Мы предостерегаем вас от опасности... ущерба, который может быть нанесен безрассудной горячностью или благодаря разобщению среди наших соотечественников». Ведь это о том, что говорил ему этот советский офицер: есть такие, которые не выполняют эдикта его величества. Почему? Что они еще хотят? Зачем же дальше губить соотечественников? Возможно, боятся ответственности? Боятся достойно уйти из жизни?

Ненависть и презрение к ним начали охватывать Сэнда Васиро. Мерзавцы! Что им будущее их страны? Тупые и недалекие вояки. Высокомерные настолько, что игнорируют волю императора. Они опаснее бешеных собак.

Как странно. Враги его родины, как этот советский офицер, беспокоятся о судьбе японских женщин и детей. Разве может теперь он отказываться от его предложения? Каждая спасенная жизнь ребенка — жизнь будущего верноподданного его величества. Каждая женщина — мать будущих верноподданных. Тех, кто сможет позже возродить величие империи в еще большем блеске...

Когда Королев вновь вошел в комнату, Сэнда Васиро вытянулся по стойке «смирно»:

— Я готов ехать с вами, господин офицер. Я понял — это мой долг. Я выполню волю его величества.

Королев внимательно посмотрел на него. Невысокого роста, худощавый, в кургузом кителе с узкими поперечными погончиками, японец держался торжественно, словно лично получил приказ от своего императора.

— Мне безразличны ваши побуждения: исполняете ли вы волю своего императора или дошли до этого своей головой. Важно спасти женщин и детей. Учтите — возможно, придется обратиться и к солдатам: ваше командование потеряло связь с некоторыми частями и подразделениями, они не знают об эдикте императора. Будьте готовы и к этому.

— Слушаюсь!

— И еще одно запомните: читать будете по текстам, ни одного своего слова, я сразу же выключу микрофон. Вы поняли?

— Так точно!

— Тогда все в порядке. Выезжаем завтра утром. Наш маршрут: Муданьцзян—Хэньдаохэцзы. Там капитулировал штаб вашей армии, и он имеет связь с частями, которые находятся западнее. Сайонара!

Сэнда Васиро согнулся в почтительном поклоне. Он чувствовал сейчас себя уверенно. Теперь все ясно, забрезжил луч надежды. Его величество поступил мудро. Он теперь смотрел на других военнопленных снисходительно, с чувством превосходства. Тупые, недалекие люди. Но они нужны. Кто-то должен стоять у станков, доменных печей, водить железнодорожные составы, плавать на кораблях, выращивать рис. Их руки необходимы. И они отцы будущих солдат, солдат, которые в будущем сотрут позор поражения. А он, Сэнда, вернется на свое место, возможно, займет более высокий пост. С его выводами и анализами будут считаться. Ведь он оказался прав, теперь все в этом убедились. Да, он имеет возможность сделать карьеру. Помогут даже те гонения, которым он подвергся. Хвала богам — он остался жив.

...Утром Королев представил Сэнда майору Марштейну. Тот задал пленному несколько вопросов, потом, явно торопясь, сказал:

— Ну что ж, раз сам добровольно согласился, попробуйте. Лучше, конечно бы, офицера, но, как говорят, на безголосье... Найдем получше — пришлем. Счастливого пути, — подал он руку, — но только осторожнее. Нести потери сейчас уж совсем дико.

— Спасибо!

Командир МГУ скептически посмотрел на щуплого японца.

— Это тот самый «неподдающийся»? — спросил он с сомнением. — Чем же ты его убедил?

— Дал прочесть эдикт их императора.

— А-а... Значит, волю своего бога исполняет. Ничего, в плену безбожником еще станет. С немцами такое было, а этот чем лучше? Давай его в машину. Точек у нас будет много, за день вряд ли управимся. Гаврилович! Продукты все взял? Тогда тронулись!..

Только через час, когда солнце начало изрядно пригревать, Морозов, посмотрев на карту, приказал остановиться.

— Начнем! — приказал он. — Развернуть машину динамиками вон на ту падь, — показал он рукой.

Сэнда, волнуясь, взял в руки текст императорского эдикта. Рядом с такой же бумагой сидел советский офицер. Вот он махнул рукой, и Сэнда начал:

— Чуи! Чуи! — Внимание! Внимание! Офицеры и солдаты императорской армии! Гражданские японцы! Прослушайте эдикт императора Японии о капитуляции!..

Японец старался читать четко, медленно, и его голос понесся в сопки, порождая эхо, которое заполнило все вокруг. Закончив читать эдикт, Сэнда прочитал обращение Советского командования. Если бы он мог сам добавить, то сказал бы, что обещание сохранить всем жизнь, гуманное обращение он, ефрейтор императорской армии, может засвидетельствовать.

Сделав перерыв, они повторили передачу и вышли из машины. Королев протянул японцу сигарету:

— Вы хорошо читаете. Только в конце торопитесь.

— Спасибо. Я исправлюсь.

Они прождали с полчаса, но ни из пади, ни из поросших лесом сопок никто не вышел на их голос.

— Пустой номер, — решил Морозов. — Поехали дальше.

— Да, — разочарованно согласился Королев. — Начало неважное.

— Не расстраивайся. Они, конечно, все уже дальше. Тут мы для контроля поработали, — успокоил его Морозов. — Еще нахлопочемся с ними.

И действительно, на третьей точке из леса показались четыре солдата и унтер-офицер. Они вышли только тогда, когда весь экипаж показался из машины.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорил Морозов. — Первые ласточки.

Подсосенко хмыкнул и полез в кабину, было слышно, как клацнул затвором карабина. Морозов кивнул в его сторону:

— Страхуется Федотович. Чудак, они из-за деревьев с большим успехом нас перещелкали бы.

Как выяснил Королев, двое солдат были оставлены в засаде, трое остальных пристали к ним позже. Они уже видели японский «ниссан» с белыми флагами, но к нашим колоннам выйти побоялись, а одиночные машины не останавливались.

— Что делать будем с ними? — недоумевал Королев.

— Что делать? — посмотрел на японцев Морозов. — Проще простого. Пусть винтовки оставят, повесят на пал-

ку полотенце и дуют прямо в Муданьцзян. Не катать же их с собой.

— А может, дождемся попуток?

— Много времени потеряем. Командуй!

Сэнда удивленно смотрел, как эти русские отправили пленных одних, без конвоя, и его соотечественники словно обрадовались, когда оставили винтовки, когда получили ясный и четкий приказ, и если бы он знал русский язык, то понял бы слова водителя этой машины, созвучные его мыслям:

— Определенно обрадовались самураи. Живыми остались...

Только на шестой остановке они нашли то, что искали: из узкой лощины показалась толпа человек в пятьдесят. Женщины медленно шли, неся детишек за спиной, вели их за руки. Лица детей распухли от укусов комаров. На лицах остальных — настороженность и покорность. Некоторые мужчины опирались на палки.

Морозов удовлетворенно взъерошил волосы, потом поправил фуражку и застегнул воротничок:

— Ну, наконец-то. Теперь дело пойдет.

Вдруг со склона сопки у самого начала лощины раздался выстрел, и толпа исчезла в зарослях, словно растворилась. Это произошло настолько неожиданно, настолько нелепо, что какое-то мгновение все у МГУ молчали, всматриваясь туда, где недавно были видны люди.

— Да кто же это их? — спросил Королев.

— Какой-то сумасшедший самурай, не иначе! — отозвался Морозов.

— А може, и китаец. У них тоже всякие есть, — подал голос Подсосенко.

Со склона снова раздался выстрел по невидимой цели.

— Надо им объяснить, — быстро проговорил Королев.— Заводите, я сам. Надо им сказать, что стреляем не мы, не русские. Пусть осторожнее идут к нам.

— Давай! — согласился командир МГУ.

Вскоре из динамиков понесся голос Королева. Только сейчас Сэнда понял, какой огромной мощью обладает эта машина, в кузове он этого не ощущал. Он все еще не мог толком разобраться, что же произошло, кто там стреляет.

Закончив, Королев вышел из кузова, вытирая потное лицо.

— Та-ак! — протянул Морозов. — Ну, сейчас беженцы пойдут к нам, а за ними этот сумасшедший. Что делать будем, славяне? Стоять?

— Надо его встретить. Пропустить беженок и встретить! — ответил за всех Королев.

— Я тоже так думаю! — согласился Морозов. — Подсосенко, сдай машину назад, метров на пятьсот. Гаврилович! Мне и Николаю автоматы. Ты в машине. Николай, объясни японцу, чтобы он встретил беженок здесь, успокоил их. И сам вперед не рвись. Замаскируйся и жди, пока он не покажется. Только бей наверняка, иначе он снова скроется. Если не появится, через полчаса назад. Все равно в тайге его не найдешь. Пошли!..

Только после объяснения Королева Сэнда понял, что произошло. Значит, вон оно что. Стрелял по женщинам их же соотечественник. Но ведь он же, как и беженки, слыхал эдикт императора. Значит, воля его величества для этого безумца не закон? Преступник! Тут же до него дошло: русские офицеры пошли защищать японок от японца. А он, японец, вынужден только наблюдать такое. Гнев и ярость охватили ефрейтора. В неизвестном бандите для него воплотилось сейчас все зло этой войны.

Он подбежал к кузову, схватил «арисаки», передернул затвор, загнал патрон в патронник и, пригнувшись, ринулся, маскируясь за кустами, вдоль дороги.

— Стой! Куда ты! — только и успел крикнуть Гаврилович.

Начавший сдавать машину Подсосенко притормозил:

— Самурай убег?

Он схватил карабин, стал на подножку и начал ловить в прицел фигурку японца, но задержал готовый нажать на спусковой крючок палец. Японец бежал не туда, куда пошли Морозов и Королев, а дальше, чуть в сторону. К тому же выстрел от МГУ мог напугать беженок да и Морозову с Королевым помешать. Он снова сел в кабину. На этот раз ослушаться приказа командира он не посмел. «Черт с ним, с японцем, — подумал он, — заместо одного полный кузов можем привезти...»

После разгрома банды Цумуры Араки скитался один. По ночам он прокрадывался к деревням, ломал початки кукурузы, воровал овощи — голод стал донимать его днем и ночью. Он петлял в одном и том же районе, все еще не теряя надежды на контрнаступление Квантунской армии. Да и уйти далеко, в неизвестный район он не мог, рискуя напороться на русских или китайскую самоохрану деревень. И чувствовал, как слабеют его силы. Ему даже стало казаться, что временами он теряет рассудок, живет в каком-то нереальном мире, полном разных видений.

Но последняя слабая надежда на возвращение японских войск вчера рухнула окончательно: по дороге, за которой он временами наблюдал, навстречу колонне русских войск ехала японская штабная автомашина с белыми флагами у ветрового стекла. В машине сидели какие-то важные военные чины.

Сердце у него оборвалось: значит, свершилось невероятное, невозможное — императорская армия сдается русским в плен. Он даже протер глаза, думая, что это опять какое-то видение, нереальная картина, но «ниссан», держась обочины, неспешно катил по дороге. И боги не испепелили отступников, не поразили молниями. Солнце светило как обычно, и сопки не сдвинулись с места, не раздавили тех, кто ехал под белыми флагами. Он даже поднял было винтовку, чтобы поразить хоть одного, но потом одумался. За любого из этих в «ниссане» сейчас могли отомстить их недавние враги — русские, а он, Араки, не в силах уйти от их гнева. Он долго смотрел вслед машине с белыми флагами, пока та не скрылась в облаках пыли.

Потом он, не таясь, спустился в лощину, где тек узкий говорливый ручеек, и долго жадно пил его студеную до ломоты в зубах воду.

Вытерев лицо полой рубахи, он увидел свое отражение в воде и отшатнулся: на него смотрело заросшее, с запавшими щеками, с полубезумными глазами лицо, усеянное точками комариных укусов. «Значит, я таким стал», — вяло подумал он.

Поднявшись на склон, Араки залег под деревом, на подстилке из листьев, которая служила ему постелью уже несколько дней. Он уже устал бояться зверя или человека и поэтому заснул непробудным сном. Поздним утром он поел печеной кукурузы и долго лежал, не имея никакого желания что-либо делать, куда-то идти. Просто лежал, стараясь не думать ни о чем. Да и мысли, которые ему приходили, были какие-то вялые, слабосильные и незначительные. Почему-то вспомнилась лошадь, которую у него отобрал унтер-офицер. А что бы он с ней делал сейчас? Все равно бы ее отобрали. Только и всего...

Вдруг он явственно услыхал человеческий голос, словно кто-то громко обращался к нему из-за ближайших кустов. Он вскочил на ноги, и голос стал еще яснее: «Внимание! Внимание!..»

Прислонившись к стволу ясеня, он прослушал эдикт императора, обращение русского командования. Потом этот же голос начал читать их снова. Араки стоял оглушенный, в висках стучали молотки, они сплющивали его

голову. Все рухнуло! Все! Значит, те, проехавшие вчера на «ниссане», останутся жить, ссылаясь на эдикт императора. А он, Араки? Ему подсчитают, сколько китайских голов он срубил. А жена и дочери?! Все зачтут. Его даже не расстреляют, а повесят. Те же китайцы.

Эдикт его величества? Да нет, такого не может быть. Просто злые духи этих чужих гор наслали на него видение, очередной кошмар. Да и кто мог так громко говорить в этом лесу? Нечеловеческой силы голос. Такой голос может быть только у демонов.

Араки чуть спустился по склону, чтобы увидеть дорогу и убедиться, что она пуста. Цепляясь за сук, он поднял голову. Ну вот, никого. Хотя нет, вон какая-то машина с высоким кузовом, и на ней трубы. «Радио», — догадался он. Вот откуда такая сила голоса. Говорил кто-то из тех, кто стоит у машины. Жаль, далеко, стрелять бессмысленно. Но, может, они подъедут ближе. К кому же они обращались? Неужели к нему, Араки?

Он повернул голову и вдруг увидел, что с противоположного склона лощины спускаются люди, явно направляясь к машине. Значит, вот к кому обращался голос машины. Это не его, Араки, а беженцев он выманивал из сопок. И те покорно идут. Они тоже потом будут оправдываться эдиктом императора. И будут жить. Жить! А он? А его жена, дочери?

Отчаяние и злоба снова неудержимо охватили Араки, и он поднял винтовку, положил ее на сук, протер слезящиеся глаза и нажал на спусковой крючок.

Беженцев словно смыла волна, и он водил стволом винтовки, стараясь поймать новую цель. Вот что-то мелькнуло в кустах, и снова грохнула «арисака» в его руках. Он готов был перестрелять их всех и решил подойти к ним поближе.

Сэнда Васиро крался, как кошка. Где-то здесь, между беженцами и бандитом, должны были пересекаться их пути. Ярость не утихала и придавала ему такую силу, что он бы смог, не переводя дыхания, перемахнуть через эту сопку. Ему послышался хруст валежника, и он затаился, держа винтовку наготове. Чуть наискосок, сверху, не маскируясь, напролом пробирался какой-то оборванный мужчина с винтовкой в руке, на которую опирался как на палку.

«Са... — удивился ефрейтор, — не солдат. Может, тоже беженец». Он уже хотел окликнуть его, но неизвестный остановился, чуть передохнул и положил ствол винтовки на развилку деревца. Дуло чуть подрагивало, выискивая

цель. Тогда ефрейтор бесшумно вскинул «арисаки» и выстрелил в бандита, который рухнул на траву, цепляясь за ветки. Винтовка осталась висеть на ветвях.

Сэнда осторожно подошел и наклонился над убитым. «Какое страшное лицо, — подумал он, — наверное, сумасшедший». Он провел руками по трупу и нащупал на груди плотный пакет. Достав его, Сэнда не стал смотреть, что в нем, снял винтовку убитого с дерева, перебросил ее через плечо и двинулся назад.

Первым его заметил Подсосенко, когда Сэнда только вышел на дорогу.

— Сержант, — позвал он. — Крикни нашим, пусть возвращаются. Японец пристрелил бандита. Вон идет с двумя винтовками. Ишь как спокойно топает.

Гаврилович вскинул бинокль к глазам:

— Точно. Наш. И винтовки две. Как же это он своего решился? Заводи, пойду покричу.

Вскоре по долине понеслось:

— Старшой! Младший лейтенант! Вертайтесь. Наш японец того ухлопал!

Первым к машине подошел Сэнда. Он молча бросил винтовки в кузов и устало присел. С благодарностью принял самокрутку от Гавриловича и жадно закурил. Почти одновременно показались Морозов и Королев.

— Это правда? Вы прикончили бандита? — спросил Королев.

Сэнда поднялся и молча протянул ему пакет. Тот развернул клеенку; там оказалась толстая пачка денег, какие-то бумаги и фотография бравого унтер-офицера жандармерии с мечом в руках. На другом снимке этот же унтер-офицер, широко расставив ноги, взмахнул мечом над связанным и поставленным на колени китайцем на краю ямы.

— Смотрите, — протянул он снимки. — Хорош гусь был.

— Он был сумасшедший, — убежденно проговорил Сэнда, догадываясь, о чем идет речь. — Стрелять по своим женщинам и детям мог только сумасшедший.

— Да? — иронически переспросил Королев. — Но мы видели трупы женщин и детей, которых прикончили их мужья и отцы. Тоже сумасшедшие?

Японец промолчал. Он все еще переживал происшедшее.

— Передайте беженкам, чтобы шли на наш голос к машине, — скомандовал Морозов...

И они пришли, настороженно окружив машину, с опа-

ской поглядывая на русских. Их успокаивало то, что среди них они увидели соотечественника-военного. Тот засвидетельствовал, что ничего плохого с беженками, их детьми и родителями не произойдет.

Прошел еще час, прежде чем беженок удалось отправить в Муданьцзян на попутных машинах. Когда последняя из них ушла, Морозов довольно произнес:

— Ну, братцы, на обед мы все-таки заработали. Давай, Федотович, остановимся где-нибудь на открытом месте около воды и пообедаем...

Еще дважды в этот день они находили беженцев и, когда начало темнеть, решили заночевать, подобрав подходящее место. Поездка явно затягивалась. Сэнда с острым интересом присматривался к русским. Его не переставала удивлять их простота в обращении друг к другу. Даже солдат-водитель запросто обращался к поручику, вступал в разговор, как равный, с остальными. И при этом он понял, приказы командира этой машины выполняются беспрекословно. Но ни разу тот даже голоса не повысил, не подчеркнул своего положения начальника. Даже ночью сам отдежурил два часа, как и все остальные. Странные порядки, словно это не армия, а одна семья, делающая одно дело. В душе ефрейтор признался, что это даже нравится ему, но такое немыслимо в императорской армии. К концу дня он освоился, стал чувствовать себя свободнее, не напрягался, когда к нему обращался офицер, знающий японский язык. Он даже ночь проспал спокойно, только иногда просыпаясь, когда очередной из экипажа становился на пост с автоматом в руках.

Утром они, наспех позавтракав, снова отправились в путь. Дорога была пустынной, прохлада еще не покинула долины, по которой она пролегала.

Вскоре навстречу им, приближаясь, показалось облачко пыли.

— Легковая бежит навстречу, — сказал Подсосенко Морозову. — Может, «санитарка». Жмет на всю железку.

Вскоре на дороге показался быстро увеличивавшийся силуэт легковой автомашины. Вот она приблизилась и стала резко замедлять ход. В машине сидели два офицера, из которых один поднялся во весь свой длинный рост и начал махать рукой, приказывая остановиться.

— Никак старший лейтенант Анисимов, — первым узнал Подсосенко, притормаживая. — Случилось что?

Морозов открыл дверцу, и тут же рядом оказались Анисимов и незнакомый капитан.

— Хорошо, что встретил вас, — быстро проговорил Ани-

симов.— Тут такое дело, ясно-море, помочь людям надо.
— Да как ты оказался впереди нас? Кому помочь? — удивился Морозов.
— Как, как,— нетерпеливо прервал его Анисимов.— Ночью проскочил мимо вас. А дело такое. Вот их батальон,— показал он на капитана,— японцев окружил, а те, ясно-море, не сдаются. Понимаешь?
— Пока не очень.
— Я капитан Новиков,— представился офицер.— Тут километров за пять мы, действительно, блокировали японскую часть, примерно с батальон. Черт те знает, откуда и появились. Со вчерашнего вечера друг против друга стоим. Мы бы их расколошматили, но, понимаешь, старший лейтенант, не хочется людей терять. Война-то закончилась. Обидно за каждого человека будет. Связи у нас нет. Вот и еду авиацию просить — пусть их с землей смешают. А старший лейтенант...
— Да нельзя этого делать,— прервал его Анисимов.— Я бы сам к японцам пошел, только я, ясно-море, по-японски ни в зуб ногой. А тут, на счастье, вы... Вот я и сказал капитану — помогут. И авиацию не надо. Как думаешь?
— Понятно. Николай! — окликнул он Королева.— Слыхал?
— Так точно. И думать нечего.
— Поехали! Показывай куда!
— Ну вот, я же говорил тебе, ясно-море,— упрекнул Анисимов капитана.
— А я что? — удивленно пожал тот плечами.
Командир батальона, скуластый жгуче-смуглый майор, встретил их с плохо скрываемым сомнением.
— Попробуйте уговорить их,— согласился он.— Только долго возиться не будем. Наша дивизия уже, наверное, к Харбину подходит, а мы тут с ними... Вчера попробовали было с ходу сунуться, но мы их быстро в чувство привели. Я атаковать их не буду,— жестко продолжал майор.— Ни одного воина не отдам. Если не капитулируют, вызову авиацию, она, похоже, без работы уже.
Королев смутился. Что он по сравнению с этим майором, который, по орденским планкам видно, повоевал немало. Но все же он сказал:
— Нам командование приказало спасать беженцев и сообщать о капитуляции вот таким. Они, наверное, даже не знают об императорском эдикте. Тоже погибнут напрасно.
— Вот и выполняйте приказ. Разве я возражаю? — угрюмо продолжал майор.— Вон они на том пупу зары-

лись, — показал он на сопку, которая одиноко торчала посредине пади, вливавшейся в долину, по которой они приехали.

— Достанем? — спросил Королев Морозова.

— Свободно, еще перекроем. Извините, — обратился Морозов к комбату, — как я понял, у вас рация из строя вышла?

— Да! — нехотя признался майор. — Такую рацию придали — до Хабаровска достает, а радист попался — олух царя небесного.

— Пусть мне покажут, может быть, помогу.

— Вот за это спасибо, — оживился майор, — я без связи как в пустыне. Тогда мы быстро о любой поддержке договоримся. А то дивизия на марше, даже где она сейчас, не представляю, вот и пришлось в штаб армии заместителя посылать.

— Начнем? — приказал Морозов экипажу. — Подсосенко, давай метров на сто влево и развернись вон на ту сопку.

Майор, офицеры и солдаты батальона с интересом смотрели, как довольно громоздкая на вид машина осторожно разворачивалась, нацеливая раструбы динамиков, как стволы мощных минометов, в сторону засевших на сопке японцев. «Самураев агитировать будут», — разнеслось по окопам. И комбату и всем было ясно, что, если бы он отдал приказ, они, как один, пошли бы в атаку на сумасшедших самураев, непонятно почему не желающих капитулировать. И в то же время каждый чувствовал, что очень было бы несправедливо в такой день умереть на жаркой маньчжурской земле. Поэтому так живо и близко к сердцу они приняли приезд этой машины. Многие из них даже приподнялись в окопах, когда из этой машины понесся необыкновенной силы голос, от которого, казалось, пригибались трава и кусты.

Майор тоже надеялся, что экипажу МГУ удастся уговорить самураев и на этом кончится такая неожиданная и неприятная задержка батальона.

Сэнда Васиро, которому Королев рассказал об обстановке, старался как можно четче и яснее донести до его заблуждающихся соотечественников эдикт императора. Потом он, так же стараясь, прочитал обращение Советского командования. Через пять минут МГУ повторила передачу.

— Обождем! — сказал Королев японцу. — Пошли на воздух.

Около машины стоял майор и смотрел в бинокль на

сопку. Неподалеку Морозов копался в раскрытой панели рации и слушал оправдания молоденького ефрейтора-радиста.

Минута шла за минутой. Майор опустил бинокль и недовольно проговорил:

— Помогли твои речи, младший лейтенант, как мертвому припарка. Если через десять минут не появится ни один, отправляю капитана в штаб.

Прошло еще несколько минут полной тишины, такой цельной, что было слышно стрекотанье кузнечиков, карканье трех ворон, пролетевших над долиной. Поэтому все обернулись на резкие щелчки, с которыми Морозов закрывал панель рации. Потом он повернул тумблеры, посмотрел на индикатор, повертел верньер, и из динамика послышался свист, вой случайных волн.

— Товарищ майор, — официально вытянулся Морозов, — рация в готовности!

— Вот спасибо, — обрадовался майор. — Сейчас мы свяжемся со штабом, раз самураи не одумались.

— Товарищ майор, — раздался взволнованный голос Королева, — очень прошу, подождите еще немного. Ведь они не стреляли. Ни одного выстрела. Я сейчас сам к ним обращусь, скажу, что их ждет, если они не сдадутся. Ну, пожалуйста, — почти с мольбой закончил он.

Майор посмотрел на молодое взволнованное лицо бравого младшего лейтенанта. В нем было столько решимости и настойчивой просьбы, что он подумал: «А ведь этому симпатичному парню тоже не хочется помощи просить. Сам надеется справиться. Настойчивый».

— Ладно! — согласился он, махнув рукой. — Попробуй еще. Время есть, раз рация заработала.

— Если и на этот раз никто от них не выйдет, я пойду к ним сам! — твердо проговорил Королев.

— Даже так? Пока поговори с ними, а там посмотрим.

Волнуясь и торопясь, Королев забрался в кузов машины, где Гаврилович уже подготовил аппаратуру. Он взял в руки микрофон и, сам удивляясь своему спокойствию, начал:

— Солдаты и офицеры императорской армии! К вам обращается советский офицер. Вы только что прослушали эдикт вашего императора об окончании войны, теперь я расскажу вам, как происходит сдача в плен войск вашей армии на этом участке...

Далее он рассказал о том, что в плен уже сдался штаб пятой армии, ее командующий генерал-лейтенант Симид-

зу и начальник штаба генерал-майор Ковагоэ. Что часть, окопавшаяся на сопке, находится далеко в тылу советских войск, положение ее безнадежно, а сопротивление бессмысленно. Оно, это сопротивление, является теперь нарушением приказа командующего Квантунской армией генерала Ямада. И, наконец, о том, что, если они не сдадутся в плен, авиация снесет сопку до основания. Закончил он тем, что предложил сам пойти к ним для переговоров, о согласии на это пусть через пять минут просигналят двумя пулеметными очередями.

Закончив, он положил микрофон и, устало вытерев лоб, вышел из машины.

— Ну что, снова ждать будем? — спросил майор. — И долго ждать?

— Пять минут! — ответил Королев, не отрывая глаз от сопки.

— Ну-ну, — протянул майор.

Ровно через пять минут на сопке раздались две пулеметные очереди.

— Ну вот и дождались, — не скрывая досады, проговорил майор. — Пойду к рации.

— Так точно, товарищ майор, — облегченно вздохнул Королев. — Дождались. Это они отвечают мне.

— Тебе? — остановился майор.

— Да. Я сказал, что пойду к ним на переговоры и, если они согласны, пусть дадут две пулеметные очереди. Пригрозить авиацией пришлось, — признался он.

— Силен! — с уважением проговорил майор.

— Младший лейтенант Королев! — официально и твердо вмешался Морозов. — Вы не имели права один принимать такое решение.

— Так получилось, командир, — виновато опустил голову Королев.

— Ладно! — примирительно произнес майор. — Теперь деваться некуда. Как же ты и с кем пойдешь? Об этом подумал?

— Да. Вот с ним, — показал Королев на японца.

— С ним? — удивился майор. — Впрочем, логично, своему они должны поверить. Только вот чин у тебя, младший лейтенант, не авторитетен для парламентера. Придется кого-нибудь из своих послать с тобой.

Вперед из группы офицеров вышел высоченный, мощный капитан.

— Я пойду!

— Ты?

— А кому же еще? Солиднее меня по виду тут не сыскать. Не обделила матушка-природа.

— Добро! — секунду подумав, согласился майор. — Он политработник, ты тоже. Давай! Но если... если они хоть одного из вас... Ни одного живьем не выпущу. С этого и начинайте переговоры.

— Да уж ладно. Сами с усами! — добродушно согласился капитан. — Вот уж никогда бы не подумал, что под белым флагом придется идти...

Весь батальон напряженно следил, как трое с белым флагом на шесте спокойно двигались к сопке. И с еще большим напряжением следили за ними сотни глаз с ее поросших лесом склонов. Что они несут им, эти трое: жизнь или смерть? Неужели можно спастись от гибели?

Парламентеры остановились у самого подножия сопки; вскоре из зарослей к ним подошли трое японцев — подполковник и два поручика.

— Командир сводного отряда подполковник Исибаси! — представился японец.

— Представитель Советского командования капитан Никифоров! — прогудел капитан. — Надеюсь, вы поняли нашу передачу? Эдикт вашего императора об окончании войны и обращение Советского командования?

Королев торопливо перевел его слова.

— Да! Но я не имею приказа о прекращении боевых действий. А ваша передача может оказаться просто пропагандой.

— Слово офицера! — оскорбился капитан.

— Вы офицер вражеской нам армии, — спокойно ответил японец.

— С нами ефрейтор вашей армии, он может подтвердить — все правда, — решительно вмешался Королев.

— Ефрейтор слишком мелкий чин, чтобы я считался с его мнением, — высокомерно ответил японец. — В императорской армии, к сожалению, тоже мог оказаться слабый духом...

— Если вы не сдадитесь — будете уничтожены все до одного. Мы вызовем авиацию и артиллерию. Наши солдаты даже из окопов не выйдут.

— Высший долг каждого воина императорской армии — умереть за его величество на поле боя, — даже напыжился подполковник.

Капитан наливался краской, но сдерживался.

— Чего ему еще сказать? — спросил он у Королева.

— Господин подполковник, — достал бумаги Королев. — Вот текст эдикта вашего императора. Он точен.

Японец безразлично посмотрел на бумаги.

— Это же ваша запись? Она может быть ложной. Мне не верится, чтобы его величество...

— И все так думают?

— Мои подчиненные, — снова напыжился подполковник, — думают как я.

— О чем ты с ним говоришь? — нетерпеливо спросил капитан.

— Пытаюсь убедить его. Скажите, а можно пригласить кого-нибудь из них к рации? Пусть послушает, что в эфире тишина, ни одного японца? Другого не придумаю.

— Давай!

— Господин подполковник, — твердо произнес Королев. — Мы действуем так, чтобы сохранить жизнь ваших подчиненных — других целей у нас нет. Есть у вас специалист по связи?

— В императорской армии есть любые специалисты, даже такие, каких в других армиях нет.

— Тем лучше, — продолжал Королев. — Пошлите своего связиста с нами. Пусть он послушает по нашей рации, и если услышит хоть что-либо о продолжающейся войне, оставайтесь при своем мнении. Если посланный не вернется живым и невредимым, тоже оставайтесь при своем мнении. Другого способа убедить вас сейчас мы не видим. Привезти офицера штаба вашей армии из Муданьцзяна потребует значительного времени. Вы согласны?

Подполковник задумался, а его подчиненные напряженно следили за ним. По их бесстрастным лицам невозможно было понять, одобряют они своего начальника или нет.

— Согласен, — наконец выдавил из себя подполковник. — Поручик, вы сумеете разобраться в русской рации? — спросил он одного из сопровождавших его.

— Так точно. Все рации мира делаются по сходному принципу.

— Пойдете вы. Я надеюсь на вас.

— Слушаюсь.

Королев быстро переводил слова японцев капитану. Тот, выслушав, решительным тоном сказал:

— Передай им, что как только этот поручик вернется, пусть через полчаса начинают сдачу. Выходить повзводно под командой офицеров. Очередной взвод выходит, как только передний сложит оружие.

Подполковник выслушал перевод условий, изложенных капитаном, и буркнул:

— Я согласен.

Они возвращались вчетвером, и комбат с облегчением проговорил:

— Кажется, договорились до чего-то!

Узнав результат переговоров, тоже возражать не стал.

— Черт с ним, пусть послушает.

Морозов понял, что поручик действительно хороший специалист. Это было видно по тому, как он быстро разобрался в панели управления и напряженно прослушивал известные ему волны. Все молча смотрели на него.

— Да што он слухает! Пусть лучше на дорогу глянет! — раздался вдруг голос Гавриловича.

По дороге приближался взвод солдат под командованием подпоручика, рядом с которым солдат нес палку с белым флагом. Сзади лениво шагали два наших солдата-конвоира.

Королев тронул за плечо поручика и показал на дорогу. Японец приподнялся и, расширив глаза, смотрел на приближающихся пленных.

— Можно ему с тем офицером переговорить? — спросил Королев у майора.

— Пусть обнюхаются, — весело согласился тот. — Эти информированные, пусть выкладывают, что знают. Видал, какие смирные идут?

— Вы можете переговорить с подпоручиком, — сказал Королев японцу и остался, чтобы не мешать их разговору.

Несколько минут между японцами шел скорый, торопливый разговор. Подпоручик кланялся, придерживая рукой эфес сабли, которую ему оставили.

Поручик вернулся подавленный. Он не стал больше подходить к рации.

— Господа офицеры, — не скрывая тяжести в голосе, проговорил он. — Вы сообщили нам правду.

— Вы так и передадите подполковнику?

— Да! — твердо ответил японец. — Наша гибель была бы бессмысленной.

Он пошел с горестной вестью к своим соратникам. Такой одинокий и маленький на широком пространстве, разделившем две стороны. Вот он подошел к сопке и скрылся в зарослях.

И ровно через полчаса из зарослей показался первый взвод...

Когда все японцы вышли, капитан замполит спросил Королева:

— А где же тот надутый подполковник? Интересно посмотреть на него сейчас.

Только сейчас и Королев обратил внимание, что среди японских офицеров подполковника не оказалось. Об этом он спросил у поручика-связиста.

— Его благородие подполковник Исибаси, — с почтением в голосе ответил тот, — не перенес позора. Он застрелился.

— Тьфу, — плюнул, узнав об этом, капитан. — То-то он тянул, скорпион.

Построившись в длинную колонну, пленные под охраной автоматчиков вышли на жаркую пыль дороги и тронулись в путь.

— Спасибо, друзья, — жал руки экипажу МГУ комбат. — Помогли. Без единого выстрела. С меня причитается по доброй чарке. Сейчас сообразим, пока батальон соберется, да и людей покормить надо. Прошу!

Они хорошо угостились в палатке комбата. Да и довольны все были искренне. Возня с японцами закончилась благополучно, без огня и жертв.

Уже прощаясь, комбат протянул Королеву пистолет:

— Это тебе, младший лейтенант, на память. Того японца-подполковника. Все вы молодцы!

Но когда майор ушел, Морозов отвел Королева в сторону:

— Что хорошо кончилось, действительно, молодец. Нашел выход. И с подарком поздравляю... Но... Я, конечно, только командир экипажа, а ты работник политотдела, но если ты еще раз вот так, сам... Ты мог...

— Прости, старшой. Сам не знаю, как получилось. Честно скажу — малость растерялся, — искренне повинился тот.

Глава шестая

До станции Хэньдаохэцзы добрались благополучно, но долго ждали, пока удалось добыть платформу, на которую погрузили МГУ.

Николай Королев сводил друзей в тот самый скверик, где он и капитан Зотов разговаривали с японскими полковниками. Казармы гарнизона были пусты — всех пленных уже отправили в сборный лагерь под Муданьцзяном.

На станции же сдали коменданту ефрейтора Сэнда Васиро — он уже был не нужен. Королев на прощание долго разговаривал с ним — благо время было. Сэнда Васиро был спокоен, он уже убедился окончательно — в плену с ним ничего ужасного не произойдет. Но он все же жалел, что расстается с этими русскими, с которыми уже стал свыкаться.

— Должен вам сказать, Сэнда-сан, — сказал японцу Королев, — что вы допустили очень серьезную ошибку, но думаю, что вы поймете ее сами. Время у вас теперь будет.

— Да, господин подпоручик, я понимаю — мне надо было раньше согласиться помочь вам, вы оказались правы.

— Я не об этом. Ваша очень большая ошибка заключается в том, что вы считали с самого начала — Япония рано начала войну.

— Извините, но разве я не прав? Япония потерпела крах, она побеждена впервые в истории.

— И все-таки вы и сейчас ошибаетесь. Японии вообще не надо начинать войну. Не надо было в прошлом, недопустимо и в будущем. Я понимаю ход ваших мыслей: величие империи, вашего императора и прочее. Но Япония воевала долго. Да и «непобедимой» теперь бывшая, понимаете, «бывшая» императорская армия считалась потому, что воевала она против слабых соседей, отсталых стран. Вы мне скажете: «А русско-японская война?» Да, Япония тогда победила. Но кого? Мы считали, что поражение тогда понес прогнивший строй царизма; русскому народу та война была не нужна и не понятна. А чем закончились попытки напасть на Советский Союз у Хасана и Халхин-Гола? Суровый урок получила тогда бывшая императорская армия. Не так ли?

— Извините, господин подпоручик, но... Россия в этой войне с немцами тоже поначалу терпела поражения, большие, чем императорская армия на Хасане...

— Вот даже вы как? — Королев внимательно посмотрел на японца. — Да, нам пришлось тяжело, на нас напали вероломно, как всегда поступают агрессоры. Кстати, в ту войну Япония тоже напала без объявления войны, вероломно... Излюбленный прием ваших милитаристов. Но я хочу сказать о другом... Ваша страна давно уже воевала. А результат? Ну захватили Тайвань, Корею, оккупировали большие куски Китая. И что изменилось? Ваш народ стал жить лучше? Легче стало рабочим, крестьянам? Нет! И вы отлично знаете об этом. Разве я не прав?

— Япония, господин подпоручик, — упрямо продолжал Сэнда, — начала эту войну, чтобы освободить народы Азии от гнета империалистов. Япония хотела создать «Великую азиатскую сферу взаимного процветания». «Взаимного», господин подпоручик. Империалисты Америки, Англии и другие веками держали в рабстве народы Азии, и нам, японцам, богами поручено освободить их. К сожалению, мы не смогли, рано начали...

— Да... — Королев достал сигарету, закурил, предло-

жив и японцу. — Значит, освободить народы Азии? Почему же эти народы восстали против «освободителей», как только увидели, что кроется за такими красивыми словами? Вот эту землю, — показал рукой вокруг он, — вы оккупировали еще в тридцать первом году. А как живет народ этой страны? Смотреть страшно. Такую «свободу» несла бывшая императорская армия и другим странам. Вот так, Сэнда-сан. Я не рассчитываю вас переубедить сейчас. Хотите вы или нет, но вы сами задумаетесь не раз. В лагерях военнопленных вы, я уверен, услышите такое и от своих соотечественников. Там они скоро вспомнят, что до армии стояли у станков, сеяли рис, ткали... Они вам сами объяснят, нужна ли им была прошлая война, хотят они новой войны или нет... А за помощь спасибо. Желаю вам здоровым вернуться домой и встретить семью.

— Спасибо, — закланялся японец. — Вы были ко мне добры, а я только исполнил свой долг. Я расскажу всем о том, что видел. Как вы спасали наших женщин, детей... И я... Я никогда в жизни не возьму оружие против вас...

— Ну, это уже кое-что, — улыбнулся Королев. — Сайонара!..

— О чем ты так долго дискутировал с японцем? — спросил Морозов Королева.

— Да так... О разном. О войне и мире...

— Ну и как твоя агитация? Подействовала?

— Сомневаюсь. Мусора у него в голове под завязку. Но все равно рано или поздно, а и до таких дойдет.

— Ты так думаешь?

— Уверен!

— Ну-ну...

Поезд, половину которого составлял порожняк, мчался мимо станций, иногда с полурусскими названиями вроде «Вера-хэдзы». Харбин ждали с нетерпением. Тем более и с продуктами было туговато. На некоторых платформах поезда грудились японцы, большей частью женщины с детьми, старики. Они собирались группами, прижавшись друг к другу. Сидели неподвижно, молча, безразлично поглядывая на убегающие назад леса, поля, деревушки, могильники. Даже дети вели себя настороженно, никто из них не решался отойти от матери.

— Интересно, зачем они едут в Харбин? — спросил Морозов.

Королев, все еще чувствовавший себя виноватым, с готовностью откликнулся:

— Сейчас пойду спрошу. Самому интересно знать.

Морозов догадался о побудительных причинах такой готовности Королева.

— Ты, Николай, правильно меня пойми. Вот говорят: «Победителей не судят». Не очень верно это. А какой ценой победа-то досталась? Случалось, и судили, если победа неоправданно большой крови стоила. Даже подумать страшно, сколько честолюбец мог людей угробить, если власть у него большая. И такое бывало. Да... И храбрость оправданной должна быть. Знаешь поначалу войны как случалось? Выскочит такой храбрец-командир первым из окопа и крикнет: «За мной!» А так только в крайнем случае можно. Ему же боем надо руководить, а не лихость свою показывать. Его ухлопают, останутся подчиненные без командира и такие потери понесут... А в твоем случае? Там же комбат главным был, а не ты. Он за всех и за нас головой отвечал. А случись что с тобой? Он не перед командиром полка, перед политотделом армии за тебя отвечал бы. Помнишь, я еще на сборах об этом тебе говорил. Так как же ты без его согласия сам все решал? Ему ведь и деваться некуда было. Разве нельзя было иначе?

Королев понимал справедливость слов старшего лейтенанта и стоял, краснея от ушей до затылка. Если бы ему такое говорил кто другой, возможно, он себя внутренне оправдывал бы. Но Морозов! Николай ему верил, как старшему брату, которого у него не было и которого он хотел бы иметь.

— Учту, старшой. Ей-богу, растерялся, а не потому что... Запомню!

— Ладно, забудем. Ну, иди!

К Морозову подошел Подсосенко, который уходил поискать земляков на других платформах.

— Куда младший лейтенант подался? Там наших нет.

— Пошел узнать, куда японцы едут.

— А-а... Так дело ясное. Я тут с нашими поговорил. Понимаешь, какое дело, старшой... Ну, и среди наших какая сволочь может найтись — трофеев поискать после драки. Ну так што он у японца может забрать? Часы или еще какую мелочь. Ведь ежели он, к примеру, чемодан с барахлом в часть приволокет, то свободно под трибунал может... Приказ-то строгий — все знают. А китайцы... Они так голыми свободно оставят, конфорки, дверцы от печки унесут. А то и прикончить могут... Вот и бегут японцы туда, где наших поболее. Под охрану, значит.

— Может, и так, — раздумчиво согласился Морозов. — Да и то понять можно: такая нищета кругом — смотреть

страшно. Немцы по сравнению с китайцами в раю жили. Ненависть у них к японцам такая накопилась...

— Так-то оно так, — не то соглашаясь, не то возражая, продолжал Подсосенко. — Только, скажу тебе, у бабы или дитенка последнее отбирать тоже негоже.

— Тут ты прав, — согласился Морозов. — Что же ты еще узнал, дед-всевед?

Подсосенко пожал плечами, достал пачку коричневых японских сигарет из едкого маньчжурского табака. И, только прикурив, закашлявшись до слез и отдышавшись, тихо хохотнул:

— Тут, понимаешь, такая история случилась: и смех и грех. Вон там, — кивнул он в голову состава, — пятеро солдатиков едут. Ну они уже деньги получили, чудные такие, китайские. И вот на прошлой станции один молоденький стал у китайцев колбасу торговать. Видал, какая она чудная?

— Китаянка?

— Да не, колбаса. Красная такая, как нарочно покрашена. Вот солдатик взял колбасу и смотрит ее. А китайка разбитная такая, все зубы скалит ему. Засомневался солдатик и спрашивает: из чего, дескать, они эту колбасу производят? Ну, конечно, все плечами только пожали. Солдатик — ни слова по-китайски, а она по-русски — ни бе ни ме. Тогда, значит, солдатик взял колбасу ту и этак громко: «Му-у!» А китайка головой завертела — нет, дескать. Тогда солдатик: «Мэ-э!» Китайка — нет. Солдатик опять не теряется: «Бэ-э!» Опять же — нет! Думал-думал солдатик и тонко так: «Иго-го!», а она — нет. Солдатик было головой даже закрутил, а потом как заорет: «Гав! Гав!» Тут эта китайка головой закивала — да, дескать! Поглядел на нее солдатик ошалело, сунул ей колбасу назад, да так это, с присвистом: «Иди ты со своей колбасой к...» Даже деньги назад не возвернул.

— Признайся, насчет «Гав! Гав!» сам придумал, — рассмеялся Морозов.

— Придумал, — подтвердил Подсосенко. — До «Гав! Гав!», по правде сказать, не дошло. Только думаю — чудак он. Конь, он же всякой свиньи чище. Татары или башкиры завсегда едят. Я бы, право слово, не отказался.

— Что-то ты, Федотович, разговорчивый такой стал?

Подсосенко посерьезнел, несколько раз затянулся едким дымом и только после этого ответил:

— Войне конец пришел. Такой войне конец. Ведь с сорок первого... Не во мне, конешно, дело. У всех тут, —

приложил он руку к своей бочкообразной груди, — отпустило. Живыми домой возвернемся. Да ведь и дело какое справили. Какую вражью силу наземь повергли. Неужто забудут такое?

— Да, не забудут, — проникся серьезностью пожилого водителя Морозов, — а если кто попытается забыть — напомним. Напомним! — жестко закончил он.

Они помолчали. Из кузова показался Гаврилович.

— Где мы? — сонно спросил он.

— Если от Харбина смотреть, то чуть в стороне и левее, — на полном серьезе ответил Морозов.

— Как левее?

— Ну, если отсюда смотреть, то правее.

— Аа-а, — заулыбался сержант, — теперь все понятно. Эх, бараболи бы раздобыть.

— Часа два потерпи, Якуб, — утешил его Морозов. — Майор Марштейн такую бараболю может преподнести — больше суток опаздываем.

— Так мы, што ли, виноватые, што столько беженцев в сопки понабралось? И опять же, самураи, к которым младший лейтенант под белым флагом ходил. А платформу сколько дожидались? А где он сам?

— Пошел японских гейш тебе искать, спишь много.

— Ну да? Мне гейши ни на фиг. А когда ж и поспать? Вот голову в заклад отдам — запрягет нас майор, аж задубеем.

— Оно может свободно так случиться, — согласился Подсосенко, стреляя окурком за борт платформы. — Пойду-ка и я завалюсь до того Харбина.

Но водитель задержался, увидев Королева, который торопился к ним.

— Ну и что? — спросил у него Морозов.

— Сначала мялись, а потом, когда разговорились, признались: боятся китайцев, боятся быть в малом числе. Едут в Харбин, некоторые подались даже на Чан-чунь. Я спросил одну, не боятся ли они русских. Так знаешь, что она мне ответила? Русские офицеры, говорит, добрые, а солдаты хорошо поют. Вот так. Даже песня агитирует. А вообще представляешь? Едет она с тремя детьми в Харбин, там у нее никого. Муж работал в депо на станции Эхо, призвали в армию два года назад, и погиб в Бирме. Муж где-то похоронен, а она с детьми на маньчжурской земле. Остальная вся родня в Японии, да и то не знает — живы ли.

— Да... — протянул Якуб, — чего только война проклятущая с людьми не сделала. У нас тоже многие друг

дружку искать будут. Не помню уже, где эта Бирма, только наш Союз поболе места на земле занимает, чем от той Бирмы до Японии. Да, долго искать будут...

Харбин поразил их. Хотя состав прошел мимо вокзала и стал около какой-то грузовой площадки, кусок городской улицы был им виден. По ней сновало множество китайцев в самых разных одеждах, наши военные и гражданские русские.

— Неужто белогвардейцев тут так много? — удивился Подсосенко.

— В Харбине русских много, — пояснил ему Королев. — Есть и белоэмигранты — те, кто сами бежали или выгнали их. Есть и такие, что еще до революции тут поселились, когда КВЖД построили. Обзавелись домами, хозяйством, барахлом разным, ну и свыклись.

— Все одно другой народ. Они только по обличию русские, — возразил Подсосенко. — Да разве мыслимо родную землю на барахло променять?

— Сложное время было: революция, гражданская война. Вот как ты думаешь, в колчаковской армии солдатами одни буржуи да дворяне были?

— Так то ж когда было? Не все до сознания дошли, темных много было, — не сдавался Подсосенко.

— А эти, — кивнул Королев в сторону улицы, — светлее, да? Конечно, есть среди них такие, кто не рад нам. И враги есть, кто к нам через границу с маузерами пробирался, перед японцами выслуживался.

— Ну ладно, вы тут без меня заканчивайте дискуссию, — надел фуражку Морозов, — а я пойду к коменданту на разведку. Сгрузитесь и ждите.

Они, действительно, успели сгрузить машину, сложить имущество в ее кузов, прежде чем вернулся их командир. Морозов чему-то улыбался и, оглядев экипаж, доложил:

— Разговаривал с майором. Что-то, братья славяне, очень уж он вежливо говорил. Даже поинтересовался, не отправили ли мы кого в госпиталь. И цела ли машина. Сейчас сюда примчится старший лейтенант Анисимов, проконвоирует нас до места.

Анисимов приехал на трофейном мотоцикле с коляской, его вел молодой китаец с маузером в деревянной кобуре на боку. Согнутые ноги старшего лейтенанта коленями чуть не касались подбородка. Но тем не менее он довольно свободно выкарабкался из коляски и радостно загудел:

— Здорово, орлы! Где это вы, ясно-море, застряли? Майор вас еще вчера ждал!

— Сам же виноват. Кто нас самураев агитировать втравил? Не твоя ли милость? — пожал ему руку Морозов. — Да почти сутки в Хэньдаохэцзы погрузки дожидались.

— Ладно, это ты майору объяснишь. Давайте за мной. Только ты, старина, — обратился он к Подсосенко, — учти, здесь левостороннее движение. А не то, ясно-море, у самого порога машину кокнешь!

— Тьфу ты, — сплюнул тот. — Все не как у людей. И взаправду темные...

Майор Марштейн, как всегда озабоченный, обрадовался, увидев Морозова и Королева, и сразу же потребовал подробного доклада. Слушал он внимательно, только иногда уточнял детали короткими вопросами.

— Значит, так, — заключил он. — Сегодня же напишите подробное донесение. Возможно точнее укажите количество беженцев, вышедших из сопок. Численность японского отряда. Саму процедуру его капитуляции опишите. Я уже, признаться, думал, опять вы в какую-нибудь передрягу со стрельбой попали.

— С нами же не было капитана Марсина, — отшутился Морозов. — А чуть было не случилось.

— Ну-ка!..

Пришлось рассказать о том, как их диктор ефрейтор Сэнда Васиро застрелил своего соотечественника-бандита.

— Об этом тоже непременно упомяните. Ну что ж, друзья, сегодня отдохнете, а завтра с утра за дело. Служба у вас такая — другие могут и отдохнуть, а у нас самый завал работы. Это же не город, а Вавилон какой-то. Тут больше миллиона китайцев, много корейцев, русских, и кого только нет. Японцы их по общинам распределили. Так вот, есть украинская, польская, еврейская, грузинская и еще много разных. Дел невпроворот. Со всеми надо разобраться, наладить информацию населения, разъяснительную деятельность, выпустить газеты, радиостанцию с передачами на четырех языках. Комендатуры тоже требуют помощи. А что будут показывать кинотеатры? А что в других городах зоны нашей армии? В проблемах потонуть можно. Придется привлекать местные кадры, а для этого надо разобраться, на кого можно положиться. В общем, друзья, на легкую жизнь не рассчитывайте. Пока жить будем здесь, комнат много, койки для вас

приготовлены. Сегодня же получите деньги, юанями. Расспросите у дневального, что, где и как.

Спасибо и до свидания. До завтра, — как-то очень по-граждански закончил он, привставая.

— Да... Старший лейтенант! Имел честь познакомиться с вашей невестой. Поздравляю — яркая и энергичная. Мне, кажется, не удалось убедить ее, что я действительно не знал точного часа, когда вы прибудете. Но, в общем, поговорили очень мило. Я, очевидно, допустил ошибку, опередил, так сказать, событие. Но я стал немного рекламировать ваши достоинства и напросился на свадьбу. Да... Признаюсь — действовал из корыстных побуждений, а то потом ищи вас.

— Спасибо, товарищ майор, — растерялся Морозов.

— За что? — поднял плечи тот. — Серьезно говорю — в корыстных целях сказал. Должен также предупредить вас, что невольным свидетелем разговора оказался лейтенант Коль. Вы еще не знаете, какой это бешеной энергии человек. Он сказал вашей невесте, что, дескать, для однополчанина он это мероприятие может провернуть при первом же сигнале и что вам надо будет только чисто побриться, надраить пуговки и подшить свежий подворотничок. Поверьте, он действительно может такое организовать — в два счета.

Майор откровенно рассмеялся и сел за стол.

— Гвардейцы не отступают, — шутливо выпятил грудь Морозов. — Приглашение Ники подтверждаю от души.

— А меня? — растянул рот до ушей Королев.

— Тебя? Рыжие на свадьбе счастья не приносят.

— Товарищ майор! — пожаловался Королев. — Я же с ним...

— А вот с ним уже не придется, — перешел на серьезный тон майор. — Вы будете действовать с капитаном Зотовым. Вот так. Ну, еще раз спасибо, идите!..

Когда они вышли из кабинета, Королев железно стиснул руку Морозову:

— Поздравляю! И спасибо. Я этих дней никогда не забуду. Весь август сорок пятого.

— Ладно, ладно, — освободил руку Морозов. — Ну, Ника! Это надо же!

— По-настоящему любит, — горячо проговорил Королев. — Такая за любовь между двух львов пройдет.

Морозов довольно взъерошил ему волосы:

— Даже между львов? Откуда только взял такое.

— Прочитал где-то, — признался младший лейтенант. — Уже и названия книги не помню, а это запомнил:

между львов... Знаешь, Лена бы тоже прошла! — с гордостью закончил он.

— Пошли, пошли. На всех невест львов не хватит.

Вечером у подъезда дома, где разместился экипаж МГУ, остановился синий трофейный «Фиат». Из него вышел лейтенант Коль. Увидев Морозова, лейтенант сделал официальное лицо:

— С благополучным прибытием! Старший лейтенант Морозов, прошу в машину!

— Что случилось? — чуть встревоженно спросил Морозов.

— Садитесь. Дело серьезное.

Не скрывая досады, Морозов пошел к машине. «Значит, что-то случилось, раз майор не дает отдохнуть», — подумал он.

— Так что же все-таки случилось? Куда мы едем? — снова спросил Морозов, когда машина тронулась.

— Видите ли, товарищ старший лейтенант, — тем же официальным тоном начал объяснять Коль. — У меня есть качество, которое вы могли не заметить или не обратить на него внимания. Я всегда хозяин своего слова. Если я кому что пообещал, — кровь из носу — сделаю. А нос у меня... довольно выдающийся.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Морозов. — При чем тут твое слово, твой нос и при чем я?

— А то, старший лейтенант, что я клятвенно обещал одному товарищу, что доставлю вас в первый же день приезда. А я, повторяю, хозяин слова... Ой, пусти, ты же мне все кости переломаешь...

Энергичный лейтенант сам пошел вызвать Веронику. Морозов сидел в машине и ждал ее. Он представил себе, как она прорвалась к майору Марштейну — человеку, по сути дела, доброму, и он уверен, не спрашивала, а требовала. «Между двух львов пройдет», — вспомнил он слова Королева. Пожалуй, пройдет, не остановится. Но и ничего не простит. Ему удивительно повезло, что он ее встретил. На всю жизнь встретил.

Из дверей подъезда госпиталя показался лейтенант Коль. Он довольно улыбнулся и нарочно медленно пошел к машине. Лейтенант любил что-либо провернуть, организовать, чтобы удивить других. Без всякой корысти.

— Сейчас явится пред ваши светлые очи. Огнем вся полыхнула. Да... Крепись, старик, не посрами гвардейскую марку.

— Ты о чем?

— У меня личного опыта семейного нет, но... кто у вас командиром будет — не знаю. Ты бы посмотрел, как она на майора спикировала. Он перед ней, как перед генералом, тянулся. Правда, закончили они на равных.

— Ладно, разберемся.

— А вот и она! — Лейтенант тактично отошел в сторону и позвал с собой водителя: — Пошли покурим.

Вероника вышла в светлом платье, с распущенными волосами. Она остановилась, посмотрела на машину, увидела Алексея, стоявшего около нее, и спокойно, не сводя с него взгляда, пошла к нему. И только когда до него оставалось шагов пять, бросилась к нему и припала, спрятав лицо на его груди.

— Живой! Целый! — глухо говорила она ему в гимнастерку. — Я так боялась, так боялась за тебя, — уже жалобно закончила она и затихла.

Морозов положил руку ей на голову и заметил, что в каждом окне госпиталя торчали лица любопытных.

— Садись в машину, — отстранил слегка он ее. — Вон сколько глаз на нас уставились. Авторитет свой подрываешь.

— А-а, — беспечно протянула она, но в машину села и снова припала к нему. — Ты никуда больше не уедешь?

— Не знаю. Только сегодня прибыли. Еще вечер свободный.

— А я не могу. На двадцать минут отпросилась. И не подменит никто. Кончилась война, и все как с ума посходили. Около нашего общежития поклонники табуном.

— И около тебя? — Настороженность послышалась в голосе Алексея.

Она довольно рассмеялась:

— Ну что ты, глупенький. Мне, кроме тебя, и близко никого не надо. Я даже не знаю, что со мной делается. По ночам снишься... Долго мы будем в Харбине?

— Ну, этого, наверное, даже маршалы не знают.

— Ты для меня главнее маршала...

Когда они вышли из машины, лейтенант Коль уже оживленно разговаривал с медичкой, которая в Мулине привозила записку от Вероники. Он быстро оставил ее и подошел к ним.

— Ну как, с нами? — спросил он Веронику.

Та беспомощно развела руками.

— Та-ак. Служба не пускает. И долго вы будете урывками встречаться? Я его больше не привезу, теперь сам адрес знает.

— Спасибо, — сердечно проговорила Вероника. — Вы настоящий рыцарь. И друг хороший.

— Слыхал? — приосанился Коль. — Подтвердишь потом другим. Если вы считаете меня другом, дам вам хороший совет. У меня материнское сердце, и оно кровью обливается, на вас глядючи. На кой ляд вам тянуть? Так вот! На улице Торговой, в центре, есть скромная гостиница «Ориант». В этой гостинице у нас есть несколько номеров. Да... Так вот, если вы пригласите на соответствующее мероприятие меня, майора, а дальше по вашему выбору... Организацию беру на себя. Очень, знаете ли, обожаю свадьбы. Потом чувствуешь себя полноценнее: холостяк! Ну как?

Вероника вопросительно посмотрела на Алексея.

— А что? — махнул рукой Морозов. — Вот разберемся малость с делами и... Ты как? Молчание тоже знак согласия. А тебе, дружище, я обещаю крутить «американку» каждый свободный час целую неделю.

— Вспомнил! — пренебрежительно фыркнул Коль. — Да мы про нее и забыли. В моем распоряжении все лучшие типографии города. Ко мне с поклоном все дельцы из «Союза типографов» бегают. Да ты знаешь, какой я теперь начальник? Не тебе чета, командир шарманки. За что тебя только любят?

— Ника! — угрожающе начал Морозов. — Сейчас ты увидишь одним трупом больше!

— Не надо, — прижалась она к его руке, — он нам очень понадобится.

— Но-но! — отступил на шаг Коль. — Я вам действительно еще очень понадоблюсь. Без меня вы будете только целоваться за углом. Как гимназисты местные. Ладно, вы как хотите, а мне пора.

— И мне тоже, — жалобно проговорила Вероника. Она поднялась на носки и поцеловала Алексея. — Если ты завтра не заглянешь хоть бы на минуту...

— О, бывший бог! — схватился за голову Коль. — И такое она ему говорит еще до замужества?!

— Ладно, мальчики, — одновременно вздохнула и улыбнулась Вероника. — Пойду!

Она снова на мгновение прижалась к Алексею, пожала руку лейтенанту и медленно, не оглядываясь, пошла к подъезду.

Майор Марштейн и его подчиненные закружились в делах, не зная отдыха. Очень остро встала проблема беженцев, которые стекались отовсюду в Харбин, боясь

мести бывших рабов. Их собралось больше, чем можно было ожидать. Но все как-то утрясалось, решалось, и жизнь огромного города не замирала ни на день. Со многим пришлось столкнуться: просто непониманием и скрытой враждебностью, с вероломством и желанием помочь, с алчной корыстью и стремлением искреннее понять, чего же хотят советские люди...

Чуть не к полночи все собирались, решали вопросы на завтра, подводили итоги дня, иногда и спорили. В один из таких «симпозиумов», как их в шутку называл капитан Марсин, похудевший, потерявший солидную медлительность, майор приказал:

— Завтра после обеда и до вечера никаких дел. Завтра...— помедлил он, интригуя подчиненных,— нам будут вручать награды, а вечером командование по этому поводу устраивает прием.

Теплый прием устроило командование. Морозов добавил на грудь еще одну планку, Королев не снимал Красную Звезду с кителя, а Подсосенко его начальник приказал носить такой же орден, а не прятать бережно завернутым во внутреннем кармане: «Пусть все видят — наш экипаж орденоносный!»

И снова полетели стремительно день за днем. Морозов иногда вырывался к Веронике, когда выпадал свободный вечер. Иногда она сама приходила и успела познакомиться со всеми его сослуживцами. «А где мой?» — задавала сразу же короткий вопрос. Одного лихого капитана из оперативного отдела, который, случайно оказавшись у них, начал рассыпаться в любезностях перед Вероникой, Анисимов и Королев отвели в другую комнату и очень популярно объяснили что к чему. Капитан немедленно ушел, даже не попрощавшись.

В один из таких заполненных делами дней майор Марштейн встретил Морозова в коридоре перед своим кабинетом. Поздоровавшись, он было прошел мимо, но вернулся.

— Послушайте, старший лейтенант, о чем я все время хочу вас спросить и забываю?

— Не знаю, товарищ майор.

— Да... Немного запарился... Вспомнил! Свадьба будет или нет?

Морозов замялся, не зная, как быть.

— Я помню. Но когда? Ведь заняты с утра до поздней ночи... Тут уж не до свадьбы.

Майор улыбнулся: — Замотались дальше некуда. Некоторые даже нервничать стали. Нет, нет! Это я не о вас

с Вероникой. Посоветуйтесь с Вероникой Сергеевной, может быть, устроим «окно» от всех дел вечером в следующую субботу?

— Согласен! — решительно ответил он.

— Только посоветуйтесь с лейтенантом Колем, без него вы намаетесь. Денег особенно не тратьте, да и откуда они у вас?

— Спасибо...

Лейтенант Коль, как и обещал, всю организацию «этого мероприятия» взял на себя и предложил такую «программу», что Морозов взмолился:

— Может, как-нибудь попроще, а?

— Что? Вот я скажу Веронике... Тоже выдумал. Это же первая такая свадьба здесь. Можно сказать, пропагандистское значение имеет. Пусть здешние обломки империи знают, свадьба и для наших людей — торжество большое. А то ведь они черт те что думают. Тем более твоя-то забота — дать мне финансы и появиться без опоздания в ресторане чисто выбритым и наглаженным. Только и всего. Ладно, Вероника это тебе лучше меня растолкует.

— Сдаюсь! — поднял руки Морозов. — Была не была, решай все с Никой.

— Не отчаивайся, — сверкнул зубами лейтенант. — Все там будем. Сегодня ты, а завтра я — как в опере поют...

Вероника отнеслась к этому серьезнее, чем ожидал ее жених. Она сразу же отмела шутливый тон, которым он пытался ей рассказать о предстоящей свадьбе, молча выслушала о предложениях лейтенанта Коля, задала несколько вопросов и глубоко задумалась.

— Ты что?.. Не согласна? — недоуменно спросил он.

— Ну что ты говоришь, Алешенька? Я даже не мечтала о такой свадьбе. Только надо все хорошо обдумать, решить.

— Не понимаю, — пожал он плечами. — Что тут думать.

Вероника положила ладошку ему на губы.

— Знаешь что, милый? Коль прав. Мы с ним сами решим, что и как. Он когда приедет? Времени действительно мало остается. Не возражаешь?

— Да мне же проще. Пожалуйста, решайте.

— Вот и хорошо.

На этот раз Морозов уехал от нее раньше обычного. Он видел, что мысли Ники сосредоточились на предстоя-

8*

щей свадьбе. Не до него. Как будто он только гостем будет...

И все дни до свадьбы чувствовал себя, как говорят, не в своей тарелке. Словно на лбу у него яркими буквами напечатано: «Жених!» Ну разве мог он ожидать, что все сослуживцы так близко примут к сердцу эту свадьбу? Встречали его непременными улыбками, разговаривали с ним или излишне шутливо, или подчеркнуто серьезно. И задавали вопросы, которые ставили его в тупик: «Какие духи любит Вероника Сергеевна?», «Какой размер обуви носит?», «А, извини, одежды?»

Один только лейтенант Коль не подходил к нему, не спрашивал ни о чем и только загадочно улыбался, хотя, казалось, он-то должен был больше всех донимать. Похоже, для лейтенанта было важно только мнение Вероники. Единственное, на чем категорически настоял Морозов: «Регистрироваться будем только на родине, дома. Не хватало мне еще потом за справкой какой за границу обращаться». В этом и Вероника с ним согласилась, хотя, похоже, Коль был явно разочарован. Возможно, рухнул какой-то из его замыслов.

Морозов даже как-то пожаловался Подсосенко:

— Свалился этот Коль на мою голову, такое кадило со свадьбой раздувает. Наверное, всему Харбину известно.

Подсосенко и Гаврилович пили чай и внимательно выслушали жалобу своего командира. Подсосенко поставил блюдце на стол и вытер губы ладонью:

— На лейтенанта напраслину несешь, старшой. Солдаты очень даже его уважают, душевный человек. А свадьба такое дело... Вот у нас с Дарьей свадьба так три дня гулялась. Майских праздников нарочно дождались. Хотя, по правде сказать, малость раньше надо было ее гулять. Причина была. Сурьезная...

— Понятно... — заухмылялся Гаврилович. — Не удержался, значит. Ну, Федотович, сильный ты парень был, орел.

Подсосенко улыбнулся своим воспоминаниям и, помолчав чуть, виновато продолжал:

— Любил я Дарью до невозможности. Да и она за мной хоть куда. А отец ее покойный сквалыжистый мужик был. Зятя пофорсистее хотел. Ну, значит, мы с Дарьей... Ему и деваться некуда. Правда, малость поколотил он ее, не без этого, а потом благословил. Даже венчались...

— В церкви?

— А то еще где? Человек я беспартийный... Да и Дарья упросила. Религия — опиум. Сам знаю. Только, правду сказать, попы это венчанье очень даже торжественно производили. Память... А то вот дочка моя старшая замуж выходила... Ну, поехали в загс расписываться. Как завербовались куда, и торжества никакого, вроде... Так что, старшой, считай, тебе повезло с лейтенантом. Сам бы ты, правду сказать, не сообразил бы...

— Убедил! — протянул ему руку Морозов. — И вот что. Вы, орлы, на свадьбе от меня ни на шаг. На вас вся надежда. И чтобы за столы рядом, а не в углу где-то. Знаю я вас...

Ах и свадьба же была, ах, какая свадьба...

До самой гостиницы молодых провожал экипаж МГУ. Подсосенко и Гаврилович на второй машине везли груду подарков. Они постояли немного у входа, пока не занесли подарки в гостиницу, потом обнялись, и изрядно подвыпивший Гаврилович, уже отходя, со смехом бросил на прощанье:

— Гвардию, старшой, не подведи!

Морозов показал ему кулак.

А на следующий день снова начались служебные будни. И не все ночи были их. Иногда ночью дежурила Вероника, иногда на несколько дней уезжал Алексей. И с каждым днем Алексей убеждался, как ему повезло. Ему и нужна была именно такая, а не какая-нибудь другая жена. Он сам над собой смеялся, что влюбляется в собственную жену все больше и больше. И он не постеснялся бы хоть кому признаться, что не он, а она командует, нет, не командует — направляет их семейную жизнь. Только чересчур уж волнуется, если он задерживается в поездках.

— Знаю, что глупо, но ничего не могу с собой поделать. Ты же такой отчаянный. А тут, говорят, еще какие-то хунхузы появились. К нам вчера двух шоферов раненых доставили. Автоколонной ехали, и то обстреляли. А вы же одни.

Морозов не стал объяснять ей, что, действительно, гоминьдановцы начали создавать подпольные воинские формирования, и те дошли до такой наглости, что нападали по-бандитски на мелкие подразделения или автомашины. Не сказал и о том, что командование решило положить этому конец — сформированы подвижные отряды, которые быстро очистят все районы, где находятся советские войска. Немного осталось безобразничать бандитам... Не ска-

зал и о том, что в самый Харбин гоминьдановцы заслали террористов, чтобы нападать на советских офицеров.

Морозов и его друзья тогда еще не понимали, что атомная бомба, уничтожившая сотни тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки, и эти гоминьдановские банды были только зародышами той холодной войны, которую вскоре после победы развернут бывшие союзники против Советского Союза, вынесшего всю тяжесть войны против гитлеризма и милитаризма в Европе и Азии.

...И настал день парада Победы в Харбине. День, который все, кто в нем участвовал, запомнили на всю жизнь. Если уж на Родине каждый парад — дело хлопотливое, ведь каждая часть, каждое подразделение хочет показать себя лучше других, то что же говорить о параде Победы в чужой стране?

А кому досталось больше всех, так это майору Марштейну и его подчиненным. Всем командирам, которые готовили свои части к параду, даже и не снилось, чем и сколько пришлось заниматься им. И, пожалуй, никто в этот день не нервничал так, как они.

Но вот войска выстроились на прилегающих улицах, за войсками собрались колонны жителей города: китайцы, русские и даже японцы.

Неподалеку от трибуны, на которой находились маршал Р. Я. Малиновский, Военные советы округа и армии, стояла МГУ. Никогда еще на ее долю не выпадала такая почетная обязанность. Экипаж ее выстроился рядом, ожидая сигнала начать трансляцию. Стояли плечо к плечу, торжественные, подтянутые, с наградами на груди. Капитан Морозов скосил глаза на них: «Орлы!» Лейтенант Королев, заметив его взгляд, чуть подмигнул.

— Якуб, Федотович! По местам! — скомандовал Морозов, увидев знак, поданный подполковником Марштейном.

Ровно в 11.00 командующий парадом генерал-лейтенант Козаков отдал рапорт принимающему парад генерал-полковнику Белобородову, который затем обратился с речью к войскам и населению. Отгремело «Ура!». Снова зазвучали слова команды, и неподвижные до этого квадраты войск пришли в движение.

Первыми мимо трибуны двинулись воины дивизии генерал-майора Черепанова. Эта дивизия штурмовала Муданьцзян, прошла с боями пятьсот километров. Сверкая наградами, начищенными пуговицами, пряжками, сапогами, шли воины-победители. Шли четкими квадратами из двенадцати шеренг по двенадцать бойцов. Четкий шаг со-

тен пар ног, словно гигантский ударный инструмент, усиливал марш сводного оркестра.

За пехотой промчались пулеметные тачанки, горные орудия. Затем появилась мотопехота; за машинами на буксире — противотанковые орудия, тяжелые минометы. Потом показался бог войны — артиллерия. Гигантские пушки, влекомые мощными тягачами, катились неторопливо, важно. Те пушки, которые разнесли хваленые укрепрайоны, считавшиеся квантунскими вояками неприступными. За пушками бесшумно промчались прославленные «катюши».

Завершали парад танки. Во главе их колонны — Герой Советского Союза полковник Онищик. Это его танкисты первыми ворвались в Муданьцзян и первыми вошли в Харбин...

Капитан Морозов смотрел и вспоминал тех, кто не дошел до этого парада победителей, до этого дня. Последним из них был Юра Доронин — рядовой армейский газетчик и большой души человек.

Оболваненный самурай убил не только его, он убил в нем книгу об этих живых: так же, как гитлеровцы убили не только Игоря Пермина, но и его исследования. Остались дела всех тех, кого забрала война. Они оставили свои незавершенные дела им — живым. И книги о войне напишут, хорошие книги, но все-таки не будет той книги, которую собирался написать Юра. Если бы Морозов мог писать, он написал бы о своих друзьях: с кем воевал, кого потерял, написал бы о своем экипаже. Конечно, это была бы книга не о всей войне — о том, что он сам пережил, что видел. И пусть его сектор обзора был узким, ограниченным тем пространством, на котором действовал его взвод или громкоговорящая. Но все, с кем он был рядом, были воинами Великой Отечественной.

Да разве возможно написать о всех? Да и о тех, кто сейчас в четких квадратах рот проходит мимо них. Весь народ воевал — Отечественная война была. И, наконец, Мир! Только сейчас зримо, каждой клеткой сознания он ощутил — настал Мир.

Тогда, после взятия Берлина — последнего оплота бесноватого Гитлера — они полагали, что с войной покончено, наступил Мир. А он окончательно утвердился только сейчас, здесь, за тысячи километров от земли, породившей фашизм.

И вот эти парни-победители, так четко печатающие шаг мимо трибуны, скоро снимут погоны, сложат награды в заветные места и займутся мирными делами.

Но ведь он, Морозов, тоже окажется среди них. Наверняка. Ограниченно годный... Пусть будет так. Его руки, мастерство нужны будут везде. Даже отец, останься жив, посоветовал бы теперь стать гражданским.

Морозов вдруг вспомнил свои мысли о Сталинграде, когда мчались в эшелоне через всю страну. Неправильно он тогда думал. В Сталинград надо вернуться. Пусть даже в подвал их дома, где прятались мать и сестра, а на его развалинах насмерть стояли защитники города. Они отстроят город еще краше. Его уже строят. Но дел еще хватит ему и Нике. Только в Сталинград. Об этом же писала мать. Так думает и Ника. Там снова будет медицинский институт, в стенах которого появится она.

Сколько они еще пробудут на этой земле? Он вчера спросил об этом подполковника Марштейна, но тот только молча пожал плечами. Неизвестно.

Многого еще не знал капитан Морозов, стоя рядом с друзьями на памятном параде победителей.

Он еще не знал, что недолго осталось быть им вместе. Первым их покинет Подсосенко по демобилизации старших возрастов. Он будет прощаться долго, под конец даже изрядно выпьет — у руля МГУ ему уже сидеть не придется. Он долго будет уговаривать всех навестить его, ведь он может угостить такой медовухой, которую, правду сказать, они и во сне не пивали. И Морозов не станет возмущаться, когда Якуб Гаврилович самовольно включит МГУ и специально для Федотовича проиграет «На сопках Маньчжурии»...

Не знал он и того, что и любовь его — Ника — не до конца останется с ним в Маньчжурии и, к огорчению главного хирурга, уедет. Уедет и родит на радость двум бабушкам внучку, а не внука — продолжателя фамилии Морозовых. В письме она пообещает исправить эту ошибку в будущем. Да и что сам он на целый месяц попадет в руки знакомого главного хирурга — фашистский нож напомнит о себе.

Ничего этого он не знал. Он все смотрел на парад. Вот приблизились к трибуне медики, и, как только прошли трибуну, нарушая все порядки, к нему из колонны метнулась Ника и стала рядом.

Эту сцену заметили на трибуне, она вызвала улыбки: жизнь брала свое.

Оба они — Морозов и Вероника — увидели, как маршал Малиновский достал платок и вытер лицо.

— Да! Жаркий был маньчжурский август. Жаркий... — тихо произнес Морозов.

